Свидетельствование

Уроки заботы о мире от мастера дзен

Берни Глассман

Bernie Glassman

BLUE RIDER PRESS

Member of Penguin Group (USA), Inc

New York

https://trancemasters.ru/bearing-witness

Другие книги Берни Глассмана **3**

От переводчика **4**

Благодарности **6**

Пролог **7**

Часть 1. Свидетельствование в Аушвиц-Биркенау **10**

Ретрит в Аушвице 11

Многообразие в Аушвице 13

Неизвестное в Аушвице 16

Миротворец клянется в Аушвице 18

Души Аушвица 21

Исцеление в Аушвице 25

Единство в многообразии 29

Часть 2. Свидетельствуя целостность жизни **31**

Создавая целое 32

Я клянусь быть единством 35

Я клянусь быть многообразием 37

Я клянусь быть гармонией 39

Клод Anshin Angyo Томас 42

Я клянусь проникать в неизвестное 46

Я клянусь свидетельствовать 51

Я клянусь исцелять себя и других 57

Непрерывная практика 60

Часть 3. Свидетельствуя на улицах **62**

Неизвестное на улицах 63

Попрошайничество 65

Леттен 69

Где мы едим 73

Бесцельные шатания 77

Изобилие улиц 80

Страстна`я неделя 83

Часть 4. Свидетельствуя систему **89**

Я клянусь не убивать 90

Я клянусь не винить других: Флит Молл 92

Миротворец клянется в тюрьме 95

Свидетельствуя систему 99

Свидетельствование систем выживания 103

Часть 5. Создание ордена миротворцев **106**

Джоан Галифакс, или сотворение одеяния миротворца 107

Орден дзен-миротворцев 112

Снова в школу 115

Просить деньги: практика мала 118

День осмысления 121

Рассказывание историй 123

Приложение 127

Обеты миротворца на день осмысления 127

Об авторе 129

Другие книги Берни Глассмана

Чувак и учитель Дзен — Джефф Бриджес и Берни Глассман

Бесконечный Круг: наставления по дзен — Берни Глассман

Инструкции повару: уроки мастера дзен как прожить жизнь со смыслом — Берни Глассман

О практике дзен: Тело, Дыхание и Сознание — Берни Глассман и Хакуи Тайзан Маезуми

Туманная луна Просветления: о практике дзен III (цикл сочинений о дзен) — Берни Глассман и Хакуи Тайзан Маезуми

О практике дзен — Берни Глассман и Хакуи Тайзан Маезуми

От переводчика

Впервые о книге Берни Глассмана “Bearing Witness” я услышал в 2019 году от Стивена Гиллигена, на курсе по генеративному коучингу в Санкт-Петербурге. Одна из историй этой книги, пересказанная Стивеном, запомнилась мне, и стала для меня источником благотворного смирения с некоторыми жизненными ситуациями. Прошло какое-то время, и я заметил, что стал периодически упоминать эту историю в разговорах с друзьями и коллегами. Тогда я понял, что пора бы прочитать и саму книгу. Оказалось, что русского перевода этой книги нет ни в магазинах, ни в сети, и я понял — вот он, тот зов, который я искал.

Позволю себе предположить, что практикующие генеративный подход с каждой главой постепенно будут обнаруживать в этой книге множество параллелей с идеями, которые озвучивает Стивен на своих курсах. И мне кажется, что эта книга может быть полезной не только специалистам в области личных и общественных изменений, но и всем людям, которым хотелось бы расширить свои представления о себе и о мире, заглянув за пределы привычных концепций.

Отдельно я бы хотел остановиться на самом названии книги и термине “bearing witness”, многократно используемом автором в тексте. Это весьма объемное по смыслу понятие, которое не получается полностью выразить несколько безучастным русским словом “свидетельствование”. Скорее его можно воспринимать как “живое открытое присутствие в контакте с происходящим”, что в некоторых ситуациях нашей жизни дается нам очень непросто.

“**Быть** с чем-то, **не становясь** этим” — учит Стивен Гиллиген. “Жить в свидетельствовании” — предлагает Берни Глассман. Там, где в книге употребляется слово “свидетельствование”, речь не идет о бесстрастном наблюдении и бездействии. Это о навыке проживать любые события, воспринимая одновременно весь ужас и всю красоту ситуации. “Свидетельствование” здесь о том, как *справляться со всем, что приходит из неизвестности*, не отворачиваясь от Жизни во всех ее проявлениях, как бы ни было трудно. Это о живом участии, которое становится возможным, когда мы признаем ограниченность и неточность нашей привычной карты реальности, и в то же время поддерживаем открытый осознанный контакт с множеством реальностей и точек зрения всех участников событий.

Поскольку я не являюсь профессиональным переводчиком, заранее прошу простить за не самые изящные обороты, возможные неточности и ошибки. Большую часть текста я старался переводить близко к языку оригинала, не меняя манеру повествования книги. Некоторые использованные автором термины и слова не раскрываются в тексте, поэтому в сносках я привел краткие комментарии, полученные из открытых источников.

Я благодарю учителей, коллег, близких и всех, кто сделал свой вклад, за участие и помощь в этой работе. Эта книга затронула и пробудила во мне новые смыслы жизни и практики. **Пусть она поддержит вас на вашем Пути!**

Дмитрий Сычев, 2021. E-mail: kbdfck@gmail.com. Версия перевода: 1.

Больше о том, что мы делаем - https://trancemasters.ru

Жителям Леттена и улиц, душам Аушвиц-Биркенау, и всем миротворцам в десяти направлениях, прошлом, настоящем и будущем.

Благодарности

Я хотел бы выразить свою глубокую признательность тем, кто воплощает прямые потоки кармы этой книги. В первую очередь, слова и изображения в ней — это реализация Евы Марко, одной из основательниц ордена. Шесть месяцев, в течение которых писалась эта книга, стали личным временем научения между нами.

Работая со мной, она придала моему видению и учениям форму, передающую глубокую тонкость и обыденность Дзен и Жизни, которые, в конечном счете, есть одно и то же.

Благодаря моей жене, Джису Холмс, соосновательнице Ордена Дзен-миротворцев, произошло множество рождений, описанных в этой книге, и она дала важные комментарии по содержанию. Я также благодарю Гровера Гантта, исполнительного директора ордена, за подробное прочтение и редактирование манускрипта.

Эта книга приходит к читателю через тела и разум людей в пространстве и времени. Она сплетается воедино подобно рясе миротворца — один ткач и многочисленные нити множества жизней. Я хотел бы поблагодарить служителей ордена — Джоан Галифакс, Флита Молла, Клода Томаса и других членов и сторонников Ордена Дзен-Миротворцев за истории, которые вплетены в эту книгу.

Пролог

18 января 1994 года я отмечал свой пятьдесят пятый день рождения, устроив вечеринку. Я устроил ее на ступенях американского Капитолия. Там, укутавшись в пальто и в одеяло, я сидел целый день, задаваясь единственным вопросом — что я могу сделать с бездомностью, СПИДом и насилием в этой стране? В какие-то моменты на моей вечеринке было пятнадцать человек, а иногда и до тридцати. Она продолжалась пять дней.

Как оказалось, те дни, в которые мы сидели на улице на ступенях Капитолия, были одними из самых холодных дней в истории Вашингтона. Правительственные учреждения были закрыты и работники отправились по домам. Снег превратился в лед. Ни на улицах, ни на площади Капитолия не было никого. Мы проводили ночи всего лишь в нескольких кварталах от Белого Дома, в Центре Творческого Ненасилия, самом большом приюте Америки, который возглавляла моя старая подруга, Кэрол Феннели. Приют был полностью заполнен, но Кэрол приберегла для нас немного места на полу.Мы были странно выглядящей группой людей, завернутых в одеяла, из наших ноздрей шел пар, а бороды и усы заледенели. Среди нас были адвокаты, руководители компаний, актеры, кинопродюсеры, ветераны войн, писатели, общественные активисты, архитекторы, люди с улицы, буддисты, христиане, евреи, мусульмане, мужчины, женщины, африканцы и американцы.

Каждый из нас был разного происхождения, у каждого из нас была своя история жизни. Но все мы размышляли над одним и тем же вопросом. К тому времени, как мне исполнилось пятьдесят пять, я был последователем дзен-буддизма уже двадцать четыре года, и восемнадцать лет — учителем дзен. До этого я был инженером аэрокосмической отрасли в McDonnel-Douglas. Последние двенадцать лет я провел, развивая Greyston Mandala, группу коммерческих и некоммерческих организаций в г. Йонкерс, штат Нью-Йорк, которая вдыхала жизнь в пригороды, организуя недорогое жилье, работу, детские сады и другие службы социальной поддержки для семей в Йонкерс. Я чувствовал, что наши проекты для сообщества были глубочайшим выражением моей буддийской практики и наставлений. Нашим последним проектом было строительство жилья и медицинского комплекса для людей с ВИЧ и СПИД.

Дожив до пятьдесят пятого дня рождения, я почувствовал зов к чему-то большему, но я не был уверен, к чему именно. Я думал о многих общественных активистах, которых встретил за эти годы, посвятивших свои жизни борьбе с бедностью, голодом, войнами, болезнями, расизмом и насилием и в своих сообществах, и по всему миру. Многие из них чувствовали себя изолированными и одинокими, не ощущая поддержки в своей работе. Я думал и о гораздо большем числе людей, которых я встречал, мужчин и женщин, молодых и старых, буддистов и не буддистов, которые говорили мне, как сильно они хотели бы изменить мир, но не знали, с чего начать. Они были обескуражены и бессильны, чувствуя себя неспособными на что-либо повлиять. Каждый из моих учеников и коллег, присоединившихся ко мне в Вашингтоне, привнес свой взгляд и жизненный опыт в наш общий вопрос.

Вместе мы удерживали этот вопрос в течение пяти заледеневших дней. И когда моя вечеринка подошла к концу, у меня был ответ.

Я собирался основать Орден Дзен-Миротворцев. Это будет сообщество общественных активистов и миротворцев со всего мира. Оно даст им дом, то место, где они смогут собраться вместе, рассказать свои истории, получить силу и новые идеи, перед тем как отправиться в свои сообщества и новые мирные начинания.

А еще это будет место, где они смогут исследовать духовные практики поддержания мира. Для меня это было очень важно. Годами люди обращались ко мне как к социальному предпринимателю, создававшему структуры и организации, удовлетворяющие городские нужды. Но я также был учителем дзен-буддизма. Дзен — это практика, которая толкает нас в опыт, чтобы понять и актуализировать все таким, как оно есть. Как учитель дзен, я всегда спрашивал себя, какие новые практики я могу разработать, чтобы помочь моим студентам испытать единство жизни. Я всегда обращался к таким вопросам: что заставляет нас чувствовать себя отделенными друг от друга? Что заставляет нас думать, что мы знаем правильный путь? Что мешает нам увидеть наше единство, признать все таким, какое оно есть? И какие формы заботы о мире помогут всем существам ощутить их взаимозависимость?

В ордене дзен-миротворцев мы будем исследовать эти вопросы и создавать миротворческие практики, помогающие нам и всем нашим братьям и сестрам из всех культур и традиций испытать глубокую близость нераздельности, единства, которое и есть наша собственная жизнь.

Орден также будет тренировочной и стартовой площадкой для многих людей, которые говорили, что они хотели бы сделать что-то, но не знали что. Здесь они будут получать наставничество, вдохновение и возможность работать с другими миротворцами. Они найдут ответы на собственные вопросы внутри себя. Они обнаружат, что же означает заботиться о мире. А что это значит?

В этой книге вы не найдете ответа. Это не книга ответов, в ответах мало энергии. Это книга вопросов. Точнее, это о том, как жить вопрошающей жизнью, жизнью незнания. Если мы готовы жить такой жизнью, без фиксированных идей и ответов, то мы готовы свидетельствовать любую ситуацию, неважно, насколько она сложна, оскорбительна или болезненна. Из этого процесса свидетельствования рождаются правильные шаги привнесения мира и исцеления.

Эта книга описывает такой процесс. Члены ордена, от активистов, развивающих сообщества проблемных районов Бронкса и Йонкерс, до заключенного, строящего сеть тюремных хосписов по всей стране, от учителя, работающего с умирающими, до ветерана войны, исследующего понятия мира и примирения во Вьетнаме — они свидетельствуют. Работая и тренируясь в ордене, они живут открытую жизнь в состоянии вопрошания, погружаясь в разные ситуации с верой в то, что из этого процесса возникнет спонтанный акт исцеления.

Поэтому, пожалуйста, не читайте эту книгу, будто у вас есть вопросы, а у меня есть ответы. Читайте ее, как если бы мы говорили друг с другом. Я не могу рассказать вам, как приносить мир. Но я могу рассказать вам как отпустить

определенность и жить жизнь бесстрашно, или, как мы говорим в ордене, проникнуть в неизвестное, свидетельствовать, и исцелять себя и всех других созданий.

Часть 1. Свидетельствование в Аушвиц-Биркенау[1]

[1] Крупнейший из нацистских лагерей смерти, один из символов Холокоста. В советских и российских источниках этот комплекс концентрационных лагерей и лагерей смерти называется Освенцим, по польскому названию города. Аушвиц-Биркенау — устоявшееся на Западе немецкое название лагерей. Здесь и далее в книге приводятся авторские названия.

1. Ретрит в Аушвице

На неделе дня Благодарения в 1996 году, в холодный светлый воскресный полдень группа из 150 людей со всего мира завершила путь в город Освенцим в Польше. Среди них был и я.

Освенцим расположен в часе езды на восток от прекрасного Кракова. Это небольшой индустриальный хаб, где сходятся железные дороги, пересекающие разные регионы Польши, а потом уходят на восток к России, на юг к Словакии и Венгрии, и на запад к Германии и остальной части Европы. В основном именно эта особенность привела к тому, что в 1940 году нацисты построили большой комплекс лагерей смерти рядом с Освенцимом, на расстоянии пешей прогулки от центра города. Этот комплекс стал известен как Аушвиц-Биркенау, а железные дороги, которые сходятся к городу, со временем доставили больше полутора миллионов людей к месту их смерти.

Ранее в воскресенье у нас была экскурсия по Казимежу (Kazimierz), старому еврейскому району Кракова, который был показан в фильме “Список Шиндлера”. Мы бродили по району, который не слишком изменился за почти сто лет. Когда-то в Казимеже жили более семи тысяч евреев. На старых фото видна центральная площадь на улице Широкой (Szeroka), озаглавленная старой изящной синагогой Рему (Remu), заполненная польскими евреями, покупающими и продающими что-то на барахолке. Но в 1996 году большая площадь была практически пуста. Там были те же узкие аллеи, тенистые внутренние дворики, кладбища и руины, но все они были пусты. В 1996 году евреев в Кракове почти не было. Подсчитано, что на тот момент во всей Польше жило не более пяти тысяч евреев, а в 1939 году их было более двух миллионов.

Следующую неделю мы собирались свидетельствовать в Аушвиц-Биркенау. Я хотел, чтобы ретрит начался в Казимеже, чтобы люди могли увидеть жизнь, которая была здесь когда-то, перед тем как они отправятся в лагеря. После огромного успеха фильма Спилберга, из-за рубежа стали приходить средства на реабилитацию Казимежа, и в этот свой третий визит сюда я видел перемены, которые произошли благодаря этим вложениям. Несколько синагог были отстроены заново, хотя было неясно, кто будет в них молиться. Дома вокруг площади обновили и покрасили. Открылись рестораны с еврейской и восточноевропейской едой, а в один из вечеров даже прошел концерт клезмерской музыки[2]. Можно сказать, что Казимеж возрождался. Как нам сказали наши польские организаторы, он был на пути к тому, чтобы стать краковским Гринвич Вилладж[3].

После обеда мы погрузились в автобусы, которые отвезли нас к Освенциму. Освенцим — это название города на польском. Немцы называли его Аушвиц. Многие евреи, жившие там до войны, называли свой город Ошпицин, используя

---

[2] Клезмер, традиционная музыка восточноевропейских евреев

[3] Greenwich Village, либеральный и богемный исторический квартал на Манхэттене

слово на идише, означающее “гости”. До своей гибели жители Ошпицина были известны своим гостеприимством.

Наша группа включала участников из Польши, Германии, США, Израиля, Ирландии, Италии, Голландии, Швейцарии, Чехии и Бельгии. Среди нас были раввины, католические монашки и монахи, буддийские священники, монахини и учителя, суфийский имам, и множество людей из всех слоев общества. Мы собирались провести в лагерях пять полных дней. Большую часть дня мы будем проводить в Биркенау. Расположились мы там же: большинство из нас в зданиях музея Аушвиц, расположенного в лагере, известном как Аушвиц 1, а остальные в межконфессиональном центре в 15 минутах оттуда.

Я родился в еврейской семье в Бруклине. В декабре 1994 года я сам впервые посетил Аушвиц, и поклялся что я вернусь через два года, чтобы провести ретрит свидетельствования в лагерях. Не просто ретрит для буддистов, евреев или христиан, а для всех — для людей из разных стран, происхождения, этнических истоков, говорящих на разных языках, с разными воспоминаниями.

Гитлер и нацистская Германия решительно искореняли различия. Они обожествили одну расу и одну культуру, объявив остальные недостойными, а какие-то решили уничтожить. Я решил привести людей разных религий и национальностей в то самое место, где разнообразие когда-то было приговорено к смерти в ужасной могиле. Там мы и будем свидетельствовать наши различия. Из этого и возникнет исцеление. Как это случится, какую форму это исцеление примет, я не имел ни малейшего представления. Но я был настолько уверен в том, что это случится, что когда составлял расписание ретрита, решил закончить его ужином на День Благодарения. Я отчетливо ощущал, что к концу возникнут глубокая признательность и благодарность, и мы захотим это как-то отпраздновать. Но когда люди спрашивали меня, как это случится, я честно отвечал — я не знаю.

2. Многообразие в Аушвице

Различия между нами начали проявляться еще в автобусах, даже до того как мы добрались до лагеря. Я сидел со своей женой и детьми и смотрел вокруг. Одних участников ретрита я знал, других нет. Некоторые были в восторге от того, что они попали в необычную страну, как будто они были туристами. Другие были счастливы увидеть старых друзей, с которыми давно не виделись. Кто-то говорил, кто-то смеялся. Некоторые были бледными и напряженными, с ужасом в сердцах прилипнув к окнам. Кому-то многие недели снились кошмары о поездке, включая женщину, которая посещала психотерапевта, чтобы подготовиться к этому ретриту. В основном они сидели поодиночке и в окна разглядывали деревья черного бука, растущие в польских пригородах. Многие думали о еврейских сказках, которые они слышали и читали, действие которых происходило в подобном ландшафте.

Кого там только не было: выжившие узники лагерей, дети узников лагерей, дети нацистов, дети немецких солдат, дети беженцев. Было и много людей, семьи которых напрямую не были связаны с Аушвицем. Хотя деревья уже стояли голыми, трава еще зеленела, не покрытая снегом. Осень 1996 года была самой теплой за время наблюдений. Знак, под который мы въехали к середине дня, гласил — МУЗЕЙ АУШВИЦ. Одна из моих учениц сказала, что она ненавидит слово *музей*. Я спросил, почему. Она сказала: “Потому что экспонаты — евреи”. Когда мы прибыли в Аушвиц, большинство еврейских и немецких участников угрюмо оглядывались, очевидно, им было не по себе. Другие европейцы тоже вели себя скованно. А многие американцы, наоборот, улыбались и болтали, как будто это было просто общественное мероприятие.

И еще была наша принимающая сторона, около тридцати польских мужчин и женщин, настороженные и молчаливые. Они говорили на языке, который понимали лишь немногие другие. Они выглядели неловко, словно они не очень понимали, что они тут делают. Многие были дзен-буддистами, которые приехали на этот ретрит потому что я был учителем дзен. Конечно, они бы предпочли, чтобы я решил провести традиционный дзен-ретрит, с многочасовыми тихими медитациями в укромном загородном месте. Но не ретрит свидетельствования в Аушвице. Напряжение присутствовало даже на нашей первой встрече фасилитаторов и духовенства[4]. Все присутствовавшие были опытными священнослужителями, учителями и терапевтами. Но встреча была молчаливой и подавленной. Я обрисовал наши планы и описал расписание дня. В середине встречи я получил записку. Участница из Израиля захотела срочно со мной поговорить сразу после встречи.

Мы сели лицом к лицу. Она была еврейкой, которая провела половину жизни в Америке, а другую в Израиле. Она сказала мне: “Я хочу уехать”. Это не было сказано неуважительно, она не собиралась критиковать то, что мы делаем, не хотела судить. Она была признательна за то, что мы выделили ей стипендию для участия в ретрите. Но она не могла остаться. Улыбки на лицах людей. Они смеялись в коридорах. Они не понимали, где они находились, они не понимали, что значило

---

[4] Священства, священников. Видимо, имеется в виду группа священнослужителей ордена дзен-миротворцев

для нее приехать сюда. Ее сердце было полно ужаса. Аушвиц был невозможным. Поведение людей было оскорбительным.

Я согласился с ней. Аушвиц был невозможным. Это все вообще было невозможным. И все же мы должны были что-то сделать. Люди должны были приехать сюда. Они должны были свидетельствовать.

Она колебалась. Взяв свой дневник, она прочитала вслух: “В чем добродетель оставаться сокрытым?”. Она пояснила, что это был не риторический вопрос. Нет языка, чтобы описать Аушвиц, нет таких слов. Есть те, кто избегает Аушвица и говорит, что никто не должен туда возвращаться, он должен быть похоронен и забыт. Не изобрели такого слова, крика, состояния, чтобы справиться с Аушвицем. И я сказал ей, что все равно мы должны что-то делать. И я был с ней согласен — это было невозможно.

Я сказал, что это будет не один ретрит, а 150 отдельных ретритов. Каждый работал с чем-то своим, каждый разбирался с этим по-своему. В любой момент кто-то мог обидеть другого. Потому что все это было просто невозможно. Я попросил ее все обдумать, и сказал, что если на следующее утро она будет чувствовать себя так же, она может уехать. На следующее утро ей все еще было не по себе. Я видел, как она плелась позади большой группы наедине, погруженная в свое горе и скорбь. Но она решила отложить свой отъезд еще на один день. Постепенно другие участники начали говорить с ней. Они поделились с ней своими чувствами и попросили ее помощи и поддержки. Она начала взаимодействовать с теми самыми людьми, на которых она обижалась, с людьми, которые выглядели в Аушвице по-другому, чем она. В конце концов она уехала за день до конца ретрита, благодарная за возможность быть в Аушвице со всеми нами. Она была не единственной, кто чувствовал боль и обиду в первый день.

Хотя я провел много времени, планируя этот ретрит, казалось, что любая деталь первого дня гарантированно кого-то огорчит. Кто-то посчитал кощунством, что мы остановились в музее Аушвиц. Комнаты были на втором этаже, над музеем, прямо на земле Аушвица-1, одного из трех концентрационных лагерей комплекса Аушвиц-Биркенау. Хуже того, одна из групп остановилась внутри самого лагеря, по другую сторону ворот с надписью “ARBEIT MACHT FREI”[5], в здании, в котором раньше располагались офицеры СС, и которое обычно отводилось для использования историками и исследователями. К вечеру территория самого лагеря закрывалась, но внутрь попасть было несложно. Ночью, по окончании наших вечерних мероприятий, люди ходили старым лагерным баракам и камерам. Они ходили парами, тихо разговаривая, или поодиночке. Однажды в месте, известном как Стена Казни, где казнили заключенных, ночью кто-то подул в шофар[6], рог, который евреи используют в молитвенных службах в День Искупления. Жуткий вой был слышен по всему лагерю. Многих это тоже оскорбило.

Кто горевал, кто говорил. Одни улыбались и болтали, другие отупели от шока. Вот так начался ретрит. Мы прибыли из разных домов, религий, стран и наследий,

---

[5] Нем. “Труд делает свободным” или “Труд освобождает”, надпись на воротах Освенцима и других концлагерей, созданных нацистской Германией во время войны

[6] Еврейский религиозный духовой музыкальный инструмент из рога животного

чтобы быть вместе в Аушвице. Каждый знал, что мы стояли на священной земле. Это означало, что там была очень мощная энергия, энергия трансформации. Но нам пришлось удерживать ее и работать с ней. Я чувствовал дискомфорт, нервозность и огорчение. И мы должны были все вместе провести пять дней бок о бок.

3. Неизвестное в Аушвице

Наутро мы собрались, чтобы посмотреть фильм о том, что русские обнаружили, когда они освободили Аушвиц в 1945 году. После этого мы разбились на четыре большие группы, чтобы обойти лагерь, с гидами на английском, польском, немецком и французском.

Я знал, что участники ретрита будут ошеломлены увиденным в тот день. Но я не знал, насколько быстро это случится, и что это произойдет с моей женой, Джису. Служитель и учитель дзен, Джису приехала со всеми остальными, но в ту первую ночь она не могла заснуть. Она чувствовала неприкаянных духов в лагере, неупокоенные души. Она села в своей кровати и всю ночь делала практики любящей доброты на благо этих духов. К утру она была истощена. Когда утром она смотрела документальный фильм, с фотографиями голодных детей и ям, полных трупов, она начала безудержно рыдать, и когда фильм закончился, потеряла сознание. Врач, который принимал участие в ретрите, осмотрел ее и предписал ей лечь в кровать и отдохнуть. Так что пока остальные осматривали лагерь, я остался с ней в нашей комнате наверху.

Мне не было нужды осматривать музей Аушвиц, потому что я уже это сделал в 1994 году, и видел экспозицию, которую другие осматривали сейчас. Поэтому пока Джису отдыхала, я сел, и начал вспоминать тот первый визит сюда. Что тогда привело меня в Аушвиц? Что я видел и прожил здесь? И что заставило меня поклясться вернуться сюда через два года и провести ретрит свидетельствования в лагерях смерти? Та первая поездка случилась в первых днях декабря. Я приехал в Освенцим, чтобы участвовать в международном съезде, но на самом деле я хотел встретиться с Клодом Томасом.

Клод был ветераном войны во Вьетнаме. В течение года он служил стрелком на вертолете, и с момента, когда ему было всего семнадцать лет, он убил несколько сотен вьетнамцев. Его сбивали и ранили множество раз, в конце концов он был так серьезно ранен, что это прервало его военную службу и он вернулся в США. После многих лет алкогольной и наркотической зависимости, нестабильности, жизни бездомного и насилия, Клод начал трудиться ради мира. Делая это, он путешествовал по всему миру, и нес послание мира не только ветеранам войны, но и всем людям, живущим в конфликтах и насилии. В 1994 Клод присоединился к походу, который начинался в Аушвице в Польше, проходил на юг через раздираемые войной Балканы, на восток через Средиземноморье до Ближнего Востока, и затем в Индию и Пакистан, через Юго-Восточную Азию во Вьетнам, и кульминацией этого пути была Хиросима, на пятидесятую годовщину американской атомной бомбардировки города.

В 1994 году я приехал в Польшу, чтобы Клод дал свои первые обеты миротворца, в начале своего долгого пути. На следующий год он примет посвящение.

Тот декабрь в Польше выдался холодным, с заморозками в загородной местности. В комплексе концентрационных лагерей собралась большая межконфессиональная группа. В первый день мы побывали в музее Аушвиц-1 и увидели его экспонаты. Жуткие свидетельства расчеловечивания преследовали нас повсюду: горы серых волос, состриженных с женщин, перед тем как убить их,

огромная коллекция бритвенных принадлежностей, багажа, одежды и протезов. Комнаты, полные младенческой и детской одежды. Бесконечные ряды фотографий костлявых истощенных лиц, развешанные на стенах, стена за стеной, глядящих на нас пустыми черными глазами, глазами мужчин и женщин, знающих, что они умирают. Мы смотрели на татуировки на их руках и полосатую униформу. Они умерли безымянными и одинокими, забытыми миром, расчеловеченные своими палачами. И при этом мы видели лишь маленькую часть погибших в Аушвице, ведь большинство убитых здесь, из каждой страны Европы и России, были уничтожены безо всякого следа.

Каждый, кто посещает Аушвиц, видит эти экспонаты. Теперь увидели их и наши группы. Хотя большинство из нас слышало о них, совсем другое дело было их увидеть. Как они отреагируют? Моя жена быстро уснула, я вышел из комнаты и пошел внутрь лагеря, к месту, известному как Стена Казни. Мы договорились собраться там после экскурсии по лагерю Аушвиц. Обычно маршрут заканчивается на Блоке 11, рядом со Стеной Казни, где в последние дни, а иногда часы своей жизни содержались заключенные, приговоренные к расстрелу. В Блоке 11 посетители проходят помещения где проводили судилища и быстро выносились приговоры. В подвале они видят камеры, в которых содержались заключенные, некоторые из них не больше собачьей будки, так что там не было места ни сидеть, ни прилечь. Все что заключенный мог сделать, это скрючиться на четвереньках и склонить голову. Из камеры было слышно Стену, так что заключенные могли слышать звуки следующих один за другим выстрелов, зная, что скоро настанет и их черед. Посетители видели царапины на стенах, которые заключенные сделали своими ногтями, выцарапывая свои имена и изображения крестов. У Стены Казни было расстреляно около тридцати тысяч человек, по одной пуле в затылок. Здесь мы и собрались, чтобы отслужить молитву Кадиш[7] (Кадиш — это еврейская молитва в память об ушедших[8]).

Я наблюдал, как каждая группа выходит из внутреннего двора знаменитой кирпичной стены, возле которой всегда стоят свечи и цветы. Я смотрел в их бледные лица. Никто больше не улыбался, и уж тем более не смеялся. Кто-то плакал, большая часть была в шоке. Почти у всех на лице было написано: “Заберите меня отсюда. Я увидел Аушвиц и теперь я хочу уехать”. Они хотели сделать то же, что делают почти все группы посещающих Аушвиц — погрузиться в автобусы и отправиться домой.

Были выданы мемориальные свечи и прочтен Кадиш. Некоторые произносили слова, некоторые нет. Они выглядели онемевшими. Впервые увидеть Аушвиц подобно взрыву в голове. Это полностью опустошает разум человека. Ничто из того что они слышали, видели или читали, не могло к этому подготовить. Как и Джису, они были перегружены, они были в шоке. Их обычные концепции и идеи их подвели, и они не знали, что думать. Они потеряли контроль.

Они были в пространстве незнания. А впереди был Биркенау.

---

[7] Еврейская молитва — прославление святости имени Бога и Его могущества

[8] Один из видов Кадиша

4. Миротворец клянется в Аушвице

Мы вошли в Биркенау после полудня. Мы прошли через въезд с большими каменными арочными проемами, через которые грузовые поезда с человеческим грузом прибывали когда-то в Биркенау, и сторожевую башню, возвышающуюся над лагерем.

Как только мы вошли, все стали озираться, ошеломленные до онемения необъятностью лагеря, бесконечными рядов бараков, пустых квадратов с остатками бараков, и длинной, казавшейся бесконечной железной дорогой, тянувшейся от ворот к конечной точке — комплексу уничтожения.

Колючая проволока была натянута длинными прямыми линиями, прерываемая только сторожевыми башнями и табличками на немецком, гласившими что проволока под напряжением.

И пока группы следовали за гидами по большому комплексу бараков, и дальше, по этим ужасным железнодорожным путям, я мысленно вернулся в 1994 год, когда я с Клодом Томасом шел по этой же железной дороге. Мы вошли в Биркенау на второй день своего пребывания здесь, и я сразу понял, что именно тут, в Биркенау, я проведу для него церемонию клятв Миротворца.

Тогда, как и сейчас, ряды бараков уходили вдаль насколько мог видеть глаз, исчезая в прекрасных березах, которые стояли по периметру лагеря и дали ему свое имя. Было очень холодно и влажно, и пока я дрожал от холода в своей толстой куртке, я думал о заключенных, которые проводили здесь зимние месяцы, будучи одетыми только в полосатые хлопковые робы.

Мы спустились по железнодорожным путям, тем самым, которые буквально представляли собой последний путь для полутора миллионов человек, которые проводили недели в товарных вагонах на пути сюда, к своему концу. Пути все длились и длились, размеченные сторожевыми башнями и бараками по обеим сторонам, и вели к площадкам истребления по обе стороны их дальнего конца.

Взорванные нацистами при эвакуации площадки, где располагались зоны истребления, образуют огромные квадраты на земле, а стены разрушенного крематория представляют собой сваленные друг на друга каменные плиты. И все же трудно ошибиться, где именно мужчины, женщины и дети спускались по лестнице в места для переодевания, где их на ледяном холоде заставляли раздеваться и идти в расположенные рядом газовые камеры. Крематории, в которых сжигали их тела были подсоединены через систему каналов к одной трубе, которая полыхала день и ночь, изрыгая пепел и запах горящей плоти. Мы смотрели на маленькие комнаты, где людям вырывали золотые зубы, где сжигали их личные документы и удаляли все следы их жизни. И пока я стоял, обозревая один из этих комплексов истребления, огромную фабрику смерти, я внезапно осознал, что здесь я и позволю Клоду Томасу принести его клятвы миротворца. Здесь, на ступенях крематория, он обретет прибежище.

Когда основная группа покинула Биркенау, мы устроились на ступенях, ведущих к большим стенам крематория, которые обрушились друг на друга, образовав

треугольник. Я сел на подстилку на мерзлой земле и зажег мемориальную свечу. Клод преклонил передо мной колени. Небольшая группа его друзей стояла вокруг нас. Некоторые из них, как и он, были ветеранами. Холод был невероятный.

Я начал с благодарностей душам, которые были там, за то что дали нам это место для церемонии. Как только я это произнес, пошел дождь. Холодные капли падали на мою бритую голову, на собранные в длинных хвост светлые волосы Клода, на его красные сложенные руки. Как часть церемонии, я дал Клоду два новых имени — Anshin, означающее "сердце мира" и Angyo, означающее "Миротворец". Я написал эти имена на спине небольшой робы миротворца, которую Клод носил каждый день своего пути следующие шесть месяцев. Я поставил свою печать, дату и место на задней стороне — "6 декабря 1994, Биркенау".

Затем Клод принес шестнадцать клятв, каждая из которых выражает суть миротворца.

Я клянусь быть единством.

Я клянусь быть многообразием.

Я клянусь быть гармонией.

Я клянусь проникать в неизвестное[9].

Я клянусь свидетельствовать.

Я клянусь исцелять себя и других.

Я клянусь не убивать.

Я клянусь не красть.

Я клянусь не быть жадным.

Я клянусь не говорить лжи.

Я клянусь не быть невежественным.

Я клянусь не говорить об ошибках и провалах других.

Я клянусь не возвышать себя через обвинение других.

Я клянусь не быть скупым.

Я клянусь не быть сердитым.

Я клянусь не говорить дурного о себе и других.

Каждый раз я спрашивал его: "Клянешься ли ты хранить эту клятву"? Каждый раз раз он отвечал: "Клянусь". В конце церемонии мы обнялись. После того как наша группа покинула зону крематория, из ворот выехала машина, вышел охранник, пропустил нас и закрыл за нами ворота. И когда мы шли обратно по

[9] "Погружаться в", или "проходить сквозь" неизвестное

железнодорожным путям тем холодным декабрем в 1994, чтобы присоединиться к основной группе, ждавшей снаружи, я поклялся, что вернусь в Аушвиц. Я понял, что из-за всех ужасов Аушвица в нем есть исцеляющая энергия. Я не знал как или почему, я только знал, что он разорвал все, что я знал, и втолкнул меня в неизвестное. Я поклялся вернуться сюда через два года, в неделю Дня Благодарения 1996 года, и провести ретрит. Я даже знал, что мы будем делать. Мы будем сидеть на тех самых ступенях, на которых я дал Клоду новое имя мира, на той же самой площадке отбора, вокруг тех самых рельсов, и мы будем свидетельствовать.

В ту неделю Дня Благодарения 1996 года я исполнил свою клятву. Мы вернулись, целых 150 человек, чтобы встретиться лицом к лицу с ужасом и исцелением Аушвица.

5. Души Аушвица

Вот расписание, которому мы следовали следующие четыре дня.

Утро начиналось с встреч в малых группах с фасилитаторами. Люди схожей национальности и языка встречались, чтобы поделиться своими чувствами и историями. После завтрака мы каждый день вновь объединялись, чтобы отправиться в Биркенау.

Мы проходили по две мили мимо небольших ферм и распаханных пастбищ, белых от изморози, под серым, тяжелым небом. Биркенау было видно издалека. В корпусе с воротами мы брали наши маты для сидения и подушки, и медленно шли вдоль рельсов. Одна из практик, которую я много лет делал сам и учил других, будучи учителем дзен-буддизма, это практика медитации при ходьбе. Когда вы делаете ее правильно, неважно, быстро вы ходите или медленно, вы становитесь каждым шагом который делаете, каждым сжатием и растяжением мышц, землей под вашими ступнями, пяткой, которая поднимается и опускается. Вы делаете каждый шаг так, словно от него зависит ваша жизнь.

Когда вы идете вдоль железнодорожных путей Биркенау, вы знаете, что для более миллиона человек эти шаги вдоль путей действительно были последними. Колонна за колонной заключенные прибывали к месту отбора, и их “отбирал” доктор Менгеле и его коллеги, доктора СС. Те, кто был достаточно здоров, отправлялись в лагерь для рабского труда, что в большинстве случаев означало медленную смерть от истощения, отсутствия условий для жизни, тяжелого труда и болезней. Немощные, старики, матери и дети отправлялись прямо в газовые камеры. В поздний период войны, когда нацисты уже знали, что война проиграна, никакой селекции не производилось вообще. Целые составы людей маршировали по путям, шаг за шагом, к камерам истребления в конце рельсов.

Мы также шли вдоль путей, и когда мы добрались до места, где происходил отбор заключенных, мы положили свои подушки и образовали большой эллипс вокруг путей.

Каждый период медитации начинался и заканчивался звуком шофара. Казалось, что его полные, стонущие звуки проникали повсюду, долетая не только до людей, сидящих в большом круге, но и до разлагающихся бараков и больших газовых камер смерти. Мы были тепло одеты, но спустя часы холод проникал внутрь, пробирая нас до костей. Было невозможно не думать о заключенных, дрожащих в полосатых робах, умирающих от холода в бараках, неподалеку от места, где мы сидели. Небеса почти всегда были серыми, но этот серый цвет менялся день ото дня. Дважды шел снег. Оба раза это был мягкий снег, который медленно покрывал наши маты и подушки, потом одежду, шапки и шарфы. Никто не шелохнулся.

Но мы не сидели в тишине. Во время медитации мы читали имена погибших. По три человека сидели на каждой из четырех точек эллипса. Первый из трех читал в течение десяти минут имена людей, кто погиб в Аушвице. Потом второй человек подхватывал, следом третий. Четыре голоса, по одному на каждой точке, раздавались в большом и молчаливом круге. Имена были взяты из Книг Смерти, которые вели в Гестапо, также участники ретрита предоставили нам имена

родственников, погибших в Аушвице и других холокостах. Имена в этих книгах были указаны в алфавитном порядке, поэтому иногда чтец произносил ту же самую фамилию снова и снова, представляя, сколькие из них были из одной семьи. Они бережно читали эти имена, с любовью и вниманием выговаривая их длинные, иной раз странно звучащие слоги.

Хильдегард Эгнер-Рейнхардт, 04.09.1932-13.03.1944

Сэмюэль Эхентрю, 15.08.1907 — 11.05.1942

Адальберт Эренфельд, 02.06.1890 — 04.05.1942

Мы не озвучивали даты рождения и смерти, города из которых они прибыли, хотя иногда это также было отмечено. Но даты были напоминанием о том, что старые, средних лет и совсем юные были отправлены на смерть прямо там, где мы сидели.

Августа Эльстер, 27.03.1875 — 23.03.1944

Констант Эльстер, 23.08.1941-20.04.1944

Мерани Эльстер, 19.10.1943-17.02.1944

Зигфрид Эрихон, 3.11.1910 — 05.05.1942

Когда они заканчивали читать имена, четверо чтецов отправлялись в центр круга. Там они клали списки погибших в красную лакированную коробку, лежавшую на холодных скользких камнях. В течение этих дней вокруг коробки появились и другие вещи: свечи, ароматические палочки, мезузы[10], бусины, розы, и даже гавайские леи[11]. Снова прозвучал шофар. Нам потребовалось время, чтобы встать на ноги, жесткие и онемевшие от холода. Затем, медленно и осознанно, мы вместе пошли к местам казни в конце путей. Мой друг и ученик Дон Зингер, раввин и учитель дзен, останавливался перед воротами к месту казней и запевал вместе с нами: “Открой ворота праведности мне, и я войду благодарить Его и славить”. Затем, оглядывая газовые камеры, крематорий и ямы для пепла, мы читали Кадиш.

Традиционно Кадиш произносится скорбящими в течение года с момента ухода близкого. Молитва превозносит Господа даже в худшие времена, посреди ужаснейших страданий и потерь: “Да возвысится и освятится имя Его, во веки веков”.

По мере того как ретрит продолжался, другие группы участников, не говорящих по английски, тоже захотели произносить Кадиш, поэтому с помощью Дона они перевели его на свои языки. Скоро мы стали читать молитву на разных языках.

---

[10] Мезу́за — прикрепляемый к косяку двери в еврейском доме свиток пергамента, содержащий часть текста молитвы «Шма». Пергамент сворачивается и помещается в специальный футляр, в котором затем прикрепляется к дверному косяку жилого помещения еврейского дома (Википедия)

[11] Ожерелье из цветов

Сначала на исходной комбинации иврита и арамейского, потом на английском, потом на французском, польском, немецком и, наконец, итальянском.

В середине дня мы выходили из Биркенау, чтобы поесть супа и хлеба (внутри лагеря запрещена любая еда). Суп давали в пластиковых мисках. Мы должны были носить их с собой, каждый день приносить и уносить их из Биркенау. Мы попросили участников не пользоваться ложками. После обеда мы шли обратно в лагерь и возвращались в наш круг вокруг железнодорожных путей.

Еще у нас были богослужения. Утром, по прибытию в Биркенау, мы делились на четыре религиозные группы — евреи, буддисты, христиане и мусульмане. Каждая группа отправлялась на место, которое они выбрали для своих молитв. Некоторые шли в комплекс истребления, некоторые к тому концу путей, где были установлены знаки и простые каменные монументы на многих языках, увековечившие память погибших, а кто-то отправлялся в бараки. Мы могли слышать мелодии их молитв: еврейский Кадиш, христианская Misericordias Domini [12], буддийская “Врата сладкого нектара”[13] и выдержки из исламского Корана. Мы оставались в Биркенау весь день и завершали день общей службой. Собирались лидеры четырех традиций, вместе зажигали одну свечу, и проводили группу через общую молитву. После этого мы забирали свои подушки и маты и начинали долгий путь ко входу в лагерь. Так мы провели четыре полных дня в Биркенау, с утра и до сумерек. В тот первый день после обзора музея и нашего первого прихода в Биркенау, люди двигались медленно и неохотно, словно во сне. “Это слишком для одного дня” — сказал мне один из учителей, перед тем как мы пошли вдоль путей, — “давайте уйдем и вернемся завтра”.

Но я хотел, чтобы мы начали свидетельствовать в тот самый день. Люди были в состоянии шока и отчаяния. Я видел как это произошло с Джису предыдущей ночью и ранним утром, а теперь это было на лице у каждого. Я думал о тех многих людях, которые сказали мне, что они не поедут в Аушвиц, чтобы избежать таких сильных чувств. Я думал о еще большем количестве людей, которых я узнал за годы своего наставничества, которые любой ценой избегали потери контроля.

И все же, именно сейчас, когда наши привычные защиты и защитные механизмы отказали, мы могли начать свидетельствовать. Аушвиц раздел нас догола, так же как он сделал со мной двумя годами ранее, тем самым создавая для нас особое пространство, пространство свидетельствования. Мы сидели в нашем кругу четыре дня, слушая имена умерших. И по прошествии этих дней, наш круг стал шире. Мы создали больше пространства для нас и той боли, которую мы несли внутри. Мы создали больше пространства для людей, сидящих рядом. И наконец, мы дали все больше и больше пространства погибшим, чьи имена звучали снова и снова. С каждым днем наш круг увеличивался и увеличивался.

Лучше всего мне запомнились последние сидения каждого дня, в сумерках. Было поздно, и другие посетители к тому времени уже уходили. Солнце садилось, и звучали имена погибших. Сумерки и имена парили над нами, над бараками, над

---

[12] С латинского "Милосердие Господа" — католическая молитва

[13] Видимо, одна из молитв ордена дзен-миротворцев, из традиций дзен-буддизма

комплексами смерти, железнодорожными путями, над всем Биркенау. Недвижимые, мы сидели и слушали. Однажды пошел дождь, такой легкий и спокойный, словно слезы. Мы сидели и слушали, чувствуя души Аушвица вокруг нас.

Ибо здесь были души. Готовясь к ретриту, я связался с моим старым другом, раввином Залманом Шахтер-Шаломи и попросил совета. Ребе Залман сказал, что важно помнить, зачем мы это делаем. Он сказал, что мы делаем это не для себя, или ради своего опыта или понимания, даже не ради нашего собственного горя. Мы делаем это для душ, оставшихся в Аушвице, отрезанных от жизни быстро и внезапно, не упокоившихся. Наш ретрит был ради этих душ, чтобы помочь им обрести покой.

В практике дзен мы говорим, что мы делаем наши сидячие медитации не для себя, а для мира. Мы сидели на рельсах Аушвица для живых и для мертвых. Где бы мы ни были — сидели вокруг путей, проникали во мрак бараков, смотрели на развалины газовых камер, изучали руины, раскинувшиеся насколько хватало глаз — везде нас сопровождали души Аушвица.

6. Исцеление в Аушвице

По вечерам мы собирались в одну группу. Переводчики озвучивали сказанное на нескольких языках. Многие люди надевали наушники.

Первый вечер был трудным. Никто не хотел рассказывать свои истории.

Я видел такое нежелание два года назад, во время первого визита в Аушвиц. Особенно запомнилась встреча рожденного в Америке сына заключенного концентрационного лагеря, и немки, дочери коменданта того самого лагеря. Многие годы американец слушал истории своего отца о жестокости коменданта лагеря, и встретиться лицом к лицу с его дочерью в Аушвице было для него почти невыносимо. Он не хотел встречаться или разговаривать с ней, он хотел молчать. Но когда в конце концов эти двое начали говорить и обменялись историями, они обнаружили, как много у них было общего, включая стыд, вину и замалчивание. Ожидаемый гнев первой встречи постепенно преобразовался в глубокую и сильную связь понимания и эмпатии, и наконец, в сильную и значимую дружбу.

Вот и сейчас, некоторые участники начали рассказывать их истории. Но это всегда было непросто. Женщине из Дании было три года, когда ее родителей забрали нацисты, и больше они не вернулись. Ее спасли их друзья, которые потом сказали ей, что она была счастливым, шумным ребенком, и ее родители решили что будет слишком рискованно прятаться вместе с ней.

Американка, дочь выжившего в Аушвице еврея, в течение жизни обнаружила, что у нее есть немецкий сводный брат — сын ее отца и немецкой женщины, которую он встретил после войны.

Дочь нациста рассказала о безмолвии, в котором она выросла. Ее семья жила в Америке, и хотя казалось, что прошлое осталось позади, молчание о нем никуда не делось.

Дочь выжившего рассказала об историях, которые ей рассказывали на ночь, когда она была ребенком, и это были не детские сказки или истории доктора Сьюза [14], а истории о страхе и бегстве, о пытках и убийствах.

Дочь немецкого солдата рассказала, как нашла письма своего отца ее матери, которые он писал ей с русского фронта. Письма, идеализирующие Адольфа Гитлера и нацизм, в которых он клялся своему фюреру победить в этой войне.

Немец рассказал про своего дядю, у которого не было детей — он был стерилизован за то, что не присоединился к СС, невероятно опозорив всю свою семью.

Иногда люди останавливались и не могли продолжать. Им нужна была помощь. Раввин Зингер запевал им еврейские мелодии. Он напоминал им, что цельное сердце — это разбитое сердце. Однажды он даже повел их в танец.

---

[14] Известный американский писатель и аниматор

Слушая этих людей, я был поражен тем фактом, что хотя их семьи были по разные стороны конфликта и их истории казались такими разными, во многих из них было кое-что общее — завеса секретности над прошлым. Больше всего им запомнилась атмосфера молчания в их семьях — о войне, об исчезнувших родственниках и таинственных фотографиях. Часто она сопровождалась депрессией. Во всех случаях раскрытие правды об их родителях и семьях, принятие своего наследия, стало поворотной точкой в их жизни. Это не только пролило свет на их прошлое, а еще и радикально повлияло на их отношения с собой, с супругами и детьми.

С каждым вечером все больше и больше людей хотели высказаться. Выяснилось, что группа людей, которые жили в бараках СС, были геями. Однажды вечером мужчина-гей с гордостью в голосе заявил, что в комнатах, где жили офицеры СС, теперь собрались гомосексуалисты и вырезают розовые треугольники[15].

Заговорила французская журналистка. Она была матерью. Она сказала, что все о чем она могла думать, сидя в нашем кругу в Биркенау, это каково было матери с детьми спускаться по ступеням под конвоем охранников и собак, снимать одежду и вести раздетых детей в газовую камеру. Она не могла избавиться от этой мысли.

Скоро всем стало понятно, что что-то происходило. Росла наша близость друг с другом и с Аушвицем. Наши различия не исчезли. Ужас лагеря смерти не ушел ни на минуту. Мы становились семьей, очень большой семьей, включавшей не только нас, но и всех обитателей Аушвица.

Думаю, это началось с чтения имен погибших. Поначалу некоторые люди не хотели этого делать, говоря, что предпочитают сидеть в тишине. А потом внезапно люди стали проситься в очередь, чтобы поучаствовать в чтении имен. И после того как они сделали это, они хотели еще раз, и еще, снова и снова. Юноша из Германии с плохим зрением умолял команду что-то придумать, чтобы увеличить текст его списка, так чтобы он тоже мог участвовать в чтении. Красная лакированная коробка на рельсах в центре круга превратилась в магнит. Люди возвращались к ней снова и снова, откладывая прочитанные имена и доставая новые.

Это были не просто имена. Это были мертвые, вернувшиеся к жизни, каждое имя со своей историей, каждое — именующее целую, пусть и прерванную, жизнь. Эти сухие, сожженные в пепел и похороненные в ямах кости ожили. Не только иссохшие кости погибших в Аушвице, но и сухие кости наших собственных жизней. Те части нас самих, от которых мы бежали, которые боялись и ненавидели.

Иногда во время чтения имен я слышал, что чтецы замолкают. Позже они скажут, что читали знакомые имена, похожие на имена тех, кого они знали, а иногда даже полностью совпадающие с их собственными. Ибо читая имена мертвых, мы читали и наши собственные имена. Высохшие кости были не

---

[15] Один из старейших символов ЛГБТ-сообщества. Нашивка в виде розового треугольника использовалась в немецких концлагерях, чтобы помечать мужчин-гомосексуалистов. ЛГБТ-сообщество затем стало использовать его как манифест борьбы за права и свободы

чьими-то, а нашими, долгое время нами отвергаемыми, и наконец, ожившими в Аушвице.

Временами людям было сложно оставаться в кругу, и они выходили и бродили по лагерю. Они изучали карты на центральных воротах, на которых было отмечено, где содержали заключенных разных национальностей, потом они шли к баракам для женщин, баракам для цыган, баракам для семей из лагеря Терезин[16], бараков для русских или польских солдат, бараков для детей. Они исчезали в дверях, и сталкивались с лежаками из старого гниющего дерева, где когда-то спали по три человека. Вечером они делились с нами тем, что увидели: следы оленей между берез, развалины в форме человеческого лица, сокол в небе, голубь.

По мере того как менялись наши отношения с Аушвицем, менялись и отношения между нами. Даже наши польские устроители начали приоткрываться. Поначалу они чувствовали себя растерянными и напряженными, онемевшими от того, что случилось с их страной. Миллионы поляков погибли во время войны. Варшаву сровняли с землей. За немцами пришли русские. Поляки сильно пострадали. Аушвиц был еще одним монументом их казавшемуся бесконечным страданию.

Наконец, настал вечер, когда они тоже стали говорить. Некоторые из них были евреями, кто только недавно открыл свою еврейскую идентичность, в весьма зрелом возрасте. Кто-то говорил о жестоких отцах, прошедших войну, которые не говорили о войне, и напивались, чтобы забыться. Почти все были из семей с какими-то тайнами. Польская актриса говорила о твердом молчании поляков перед лицом сильных страданий. “Довольно тишины!” — призвала она своих сограждан. Настало время говорить. И люди заговорили. Они пытались сформулировать нечто, что до этого считали невозможным, уж точно не в первый день, когда они впервые увидели лагерь. Биркенау больше не был “другой планетой”, как кто-то охарактеризовал его в тот первый день. Здесь жили мужчины, женщины и дети. Сто шестнадцать детей родились в Аушвице. Теперь группа шагала осторожно, даже нежно, по мерзлым рельсам, которые когда-то отправили на смерть стольких людей. Не раз я видел людей, царапающих камни посреди развалин печей и газовых камер. Одна еврейская женщина ощупывала колючую проволоку, растянутую по лагерям. Две ее тети, дядя и двоюродная сестра погибли в Аушвице. Эта проволока была ближе, чем она когда-либо была к ним, и она дотрагивалась до нее с нежностью.

А одним вечером мужчина из Франции озвучил, наконец, чувство, которое было в сердцах многих людей. Родственники Мишеля Дюбуа погибли в Аушвице, и приезд сюда стал грустным, болезненным воссоединением. И при этом чем больше он чувствовал боли, тем сильнее он ощущал радость и любовь. Он заявил, что в этом месте от душ исходит любовь. Любовь исходит из Аушвица и Биркенау.

Эта любовь собрала всех нас вместе. Наши различия больше не разделяли нас. Там, где раньше была тишина, тревожность и даже гнев, теперь была гармония, юмор и глубокая признательность к себе и другим. Мы стали семьей.

---

[16] Образцовый концентрационный лагерь Терезиенштадт, который должен был служить витриной для отвода глаз международных организаций от преступлений в других лагерях

А наутро мы возвращались в Биркенау. Мы снова шли обратно, к рельсам и камерам смерти. Мы опять читали имена умерших, и свидетельствовали, снова и снова, глубже и глубже в мучения и страдания этого ужасного места.

Однажды, после очередной медитации, мы стояли неподалеку от развалин крематория и зачитывали Кадиш. В этот раз мы прочитали его для множества детей, которые погибли в Аушвице. После того как мы закончили, мы ждали, когда начнет говорить Дон Зингер. Ребе Зингер почти всегда был сердечным и шутливым. Денно и нощно он напоминал нам, что смех и радость есть везде, включая Аушвиц. Он часто говорил, что нельзя сказать о Боге, не говоря о радости. Но сейчас даже Дон молчал. Сейчас даже он не мог призвать эту радость. Вместо этого он, ни говоря ни слова, уставился на большие газовые камеры, где погибло столько детей.

И тогда женщина позади большой группы начала петь. Дон слушал, а потом начал петь с ней. Мы все присоединились. И вскоре немцы и швейцарцы спели немецкие колыбельные для детей, которые погибли в Аушвице. Повела их в пении монашка из Швейцарии.

Есть много путей, чтобы выразить разбитое сердце: слезы, смех, молчание, танец, и даже немецкие колыбельные. Вы не обретете целостности, пока не будете готовы быть разбитыми. Вечер за вечером мы находили новые способы выражать нашу сломанность. Каждый раз, когда нам это удавалось, происходило исцеление.

А утром мы всегда шли обратно в Биркенау. Это была бесконечная, непрерывная практика.

В последний день нашего ретрита мы сидели в Биркенау до позднего вечера. В течение последнего периода медитации мы все вместе читали имена погибших. Воздух наполнился 150 голосами, называющими имена людей, жизнь и смерть которых мы доросли узнать ближе за предыдущие дни. Воздух был полон нашими разными голосами, разными акцентами, называющими имена французов, русских, немцев, евреев, христиан, цыган, гомосексуалистов, поляков, итальянцев, румынов, венгров и многих, многих других, умерших здесь. Это были и наши имена. Наконец, когда мы дошли до конца, наши голоса утихли и мы закончили в долгой тишине, пока по одному мы возвращали имена в красную коробку посреди рельсов, окруженную мемориальными свечами. Солнце село, и мы в последний раз сидели в полутьме Биркенау, а свечи всё горели вокруг красной лакированной коробки.

Завершая день, много раз прозвучал рог, следуя паттерну, который каждый год символизирует завершение еврейского Дня Искупления[17]. В этот раз он завершал наш ретрит в Аушвиц-Биркенау.

Это был день Рождества 1996 года.

---

[17] Судный День, День Всепрощения в иудаизме

7. Единство в многообразии

Много, много ретритов провел я за свою жизнь, и из каждого я выносил какой-то урок. Что я понял из нашего ретрита в Аушвице: что у нас есть общего, так это наши различия.

Мы все желаем большего. Мы жаждем обнаружить нечто, общее для всех живых существ, вокруг чего мы можем объединиться. Но под этой жаждой есть желание чтобы люди были одинаковыми, такими же как мы, чтобы утвердить наш способ видеть мир. И это ловушка.

К тому времени как ретрит в Аушвице завершился, он стал событием одного человека. Адольф Гитлер тоже хотел событие одного человека. Его способом добиться этого было уничтожение многообразия. Он создал сотни мест вроде Аушвица и Биркенау, где он мог уничтожать различия и создать людей, которые выглядели одинаково, думали одинаково, жили одинаково. Но он не смог этого сделать. Потому что у всех нас однозначно есть кое-что общее — мы все разные.

Когда мы принимаем это различие, мы начинаем видеть единство жизни. Попытки найти единство, не принимая различий, ведут нас к бесконечному поиску, который не приводит ни к чему, кроме огромного страдания для всех живых существ.

Жить с различиями непросто. Пока мы были вместе, ко мне постоянно подходили люди с советами, как сделать лучше: мы не должны позволить читать молитву “Отче наш” в Биркенау, исламские молитвы вообще надо убрать, нельзя переводить Кадиш, надо делать больше медитаций, надо делать меньше медитаций, надо больше говорить, надо говорить меньше. У них было множество идей о том, как сделать себе комфортно. Но ретрит был не для того, чтобы делать кому-либо из нас комфортно. Он был для того, чтобы свидетельствовать наши различия.

И эти пять дней мы прошли вместе. Не вопреки нашим различиям, а благодаря им, потому что мы признали и ценили их. Из нашего разнообразия возникло единство. К тому времени как мы собрались на ужин в День Благодарения, это чувствовалось безошибочно.

Все это возникло из процесса свидетельствования: чтения имен погибших, рассказывания историй, жизни рядом друг с другом, жизни в Аушвице пять полных дней и принятия его в свою самую сущность.

Свидетельствование — это не что-то, что можно делать только в Аушвице. Когда мы свидетельствуем, как разворачивается наша повседневная жизнь, не сжимаясь от любой возникающей ситуации, мы учимся. Мы открываемся тому, как оно есть. И в этом процессе рождается исцеление.

Остаток этой книги посвящен свидетельствованию целостности жизни. Он об учениях и практиках, которые являются основой Ордена Дзен-Миротворцев, и о людях, олицетворяющих некоторые из этих учений. Он расскажет вам о том, как

мы основали орден летом 1996 года. Не из идей или предвзятых мнений, а из неизвестности.

Часть 2. Свидетельствуя целостность жизни

8. Создавая целое

Если бы вы меня спросили, в чем сущность буддизма, я бы ответил — пробудиться. А функция этого пробуждения — научиться служению.

В большинстве мистических традиций роль мистика — и миротворца — создавать целое. Творить мир — значит создавать целое. Это не только мое определение, но и определение, которое дают религиозные лидеры и мыслители многих традиций. На самом деле, слово “миротворец” на иврите состоит из двух слов: “Озех Шалом”. “Озех” — творящий, “Шалом” — мир. Еврейские мистики любят играть со слогами рядом с корнем слова и смотреть, что получится. Если вы сделаете так с корнем слова “Шалом”, вы получите “Шалем”, что означает “целый”. Творить мир означает делать целое. Каббалисты верили, что в начале был только один божественный свет, и при создании мира Господь распылил его на бесконечное количество искр. Эта традиция делает акцент на Тиккун Олам[18], исцелении вселенной, воссоединении фрагментов в единое Целое.

Похожая африканская сказка рассказывает про Гилоломби, Создателя, который держал в руках лампу, которая впервые принесла свет в мир. Но после того как его первенец, Кван, совершил инцест со своей матерью, Гилоломби бросил лампу и она раскололась на тысячу осколков. Чтобы вернуть свет на землю, человеческие существа начали собирать эти фрагменты, и теперь каждый, у кого во владении есть один фрагмент, думает что у него есть целая лампа. До тех пор, пока мы не объединимся, полнота света никогда не вернется на землю.

Творить мир, делать нечто целым, это бесконечная задача. Есть много определений миротворца. Одно из них мне нравится больше всего: миротворец, зная, что колодцу нужна вода, забирается на гору, чтобы добраться до снега, набирает его в ложку, спускается, бросает его в колодец и снова поднимается в гору. Он[19] знает, что что эта задача бесконечна, но делает столько, сколько может, день за днём, день за днем.

За многие годы моего учительства, многие люди говорили мне, что примирять воюющие нации, строить дома для бездомных, создавать рабочие места для безработных, кормить голодных детей мира и заботиться о людях со СПИД — это непосильно. И мой ответ — да, это чрезвычайно сложно. Именно поэтому мы никогда не прекратим это делать.

В буддизме есть разные образы и символы. Один из моих любимых это Каннон[20], образ сострадания. Лик Каннон может быть мужским или женским. Есть разные физические изображения Каннон, но одно из них являет Каннон со множеством рук. Почему у нее так много рук? Я верю, что это потому что когда Каннон поклялась творить мир среди всех чувствующих существ, она была так поражена

---

[18] В Каббале, процесс ремонта (исправления) мира, лишившегося целостности в результате Швират Келим, разбиения сосудов божественного света, в некоторых трактовках — необходимый этап для познания творением своего творца

[19] “Она” в оригинале, видимо, цитируется какая-то хрестоматийная история

[20] Богиня милосердия в японском буддизме, воплощение Авалокитешвары

трудности этой задачи, что она рассыпалась и разлетелась на миллионы кусочков. Но энергия той самой клятвы собрала все эти кусочки в форме миллиона рук. В каждой руке она что-то держит. Одна рука держит часы, другая очки, третья мотыгу, еще в одной рождественский мешок, а в другой презерватив. В каждой руке есть что-то свое на всякий случай.

Каждый из нас это рука Каннон, позволяющая ей делать свою работу. Как и она, мы тоже ошеломлены, но когда мы понимаем, что миллионы частей это все мы, действующие как единое целое, это больше не проблема.

Причина, по которой для нас это непосильно, в том, что мы привязаны к конкретному результату или цели, которой пытаемся достичь. Если бы мы не были так привязаны, это не было бы так трудно. Это — бесконечно. А мы просто делаем шаг за шагом.

В Аушвице Клод сделал шаг — дал клятвы миротворца. По прошествии лет мы с женой тоже сделали свой следующий шаг и основали Орден Дзен-миротворцев. Все члены ордена дают клятвы миротворца. Орден также стоит на Трех Принципах: незнание, или отпускание фиксированных идей; свидетельствование в радости и в страдании; исцеление себя и вселенной. Тот первый приезд в Аушвиц помог мне понять важность этих Трех Принципов не только для дзен-буддистов, не только для общественных активистов, но и для всех людей.

В следующих главах мы изучим эти клятвы и принципы. Но сначала скажу вот что. Клятвы миротворца служат не для того, чтобы отделить нас от других людей. Их предназначение не в том, чтобы дать пропуск в особый клуб миротворцев, отдельный от других человеческих существ. Даже когда мы используем в церемониях какие-то осязаемые вещи вроде рясы миротворца или четки, представляющие людей, поддерживающих нашу работу. это не символы статуса. Это символы связи и гармонии, а не разделения. Клод носил свою короткую накидку миротворца ежедневно, под холодным дождем Балкан, под палящим майским солнцем Камбоджи, и во время муссонов во Вьетнаме. Она стала словно второй кожей, грязной и потрепанной, пропитанной пылью и потом многомесячных походов, связанной с каждым местом, где он побывал и с каждым, кого он встретил.

В Аушвице я дал Клоду четки из бусин на запястье в качестве дара, чтобы он носил его на своем пути. Буддисты, как и католики, используют четки как инструменты в практике. В январе, через месяц после того как он получил четки в Аушвице, его путь привел его в Боснию. Его и его группу часто останавливали солдаты и не давали попасть в некоторые места. Другие члены этой группы тоже были активистами, идущими через охваченные войной страны ради мира, но когда они видели солдат, они не хотели с ними говорить. Для них солдаты были плохими. Оружие, которое они носили, было плохим. Многие из этих активистов не хотели иметь ничего общего с солдатами. Клод же наоборот, искал их.

Однажды ночью он поговорил с боснийским солдатом. Клод спросил у него, как он себя чувствует. Солдат ответил, что все в порядке.

Клод спросил его, как он спит. После войны во Вьетнаме, Клод большинство ночей проводил без сна. У него была бессонница, кошмары, во снах он слышал крики людей. Он не спал.

Тогда солдат понял, что Клод и сам когда-то был солдатом. Поэтому он пожал его руку. Он тоже спал не очень-то хорошо.

Теперь эти двое действительно стали говорить. Военный объяснил, чем он занимается, а Клод рассказал о своем занятии. Тогда солдат стал восхищаться четками, которые Клод обернул вокруг запястья, теми, которые я подарил ему в Аушвице.

“Меняю четки на этот ствол” — сказал Клод, указывая на девятимиллиметровый револьвер в руках солдата.

Солдат отказал. Ему нельзя было потерять оружие. Если бы его поймали без него, его бы убили.

Тогда Клод сказал: “Меняю четки на патрон из твоего пистолета”.

Солдат согласился, и они поменялись. Клод отдал четки, которые я ему дал, а взамен получил патрон из барабана револьвера.

То, что Клод получил от меня холодным днем в Аушвице он использовал для того, чтобы глубоко и эмпатично соединиться с другим человеческим существом, тем солдатом. Он не использовал свою накидку миротворца, четки или клятвы чтобы оставаться отделенным. Эти четки соединили того солдата-мусульманина, Клода Томаса, буддийского миротворца, и целый орден миротворцев. Знал об этом солдат или нет, в тот момент его жизнь изменилась.

Жизнь Клода изменилась тоже. И для тех из нас, кто услышал эту историю, когда Клод вернулся в Соединенные Штаты, жизнь тоже изменилась. Как и ваша, когда вы это сейчас прочитали.

Мне нравится рассказывать историю про Сеть Индры, древнего индийского царя богов, который пожелал воздвигнуть великий памятник в свою честь. Он создал сеть, которая простиралась сквозь пространство и время, и каждый узел этой сети содержал одну яркую сияющую жемчужину. В сети было бесконечное количество жемчужин, и каждая отражала не только другие жемчужины, но и всю Сеть Индры.

В четках Клода содержалась не только его жизнь, не только жизнь того солдата, но и ваша жизнь, моя жизнь, и каждая жизнь на этой планете. В патроне солдата тоже содержится вся жизнь. Наши действия, творят ли они мир или войну, эхом откликаются по всей Вселенной. Мы все взаимозависимы, поэтому нет ничего маленького, тривиального или незначительного. Даже бусин на нитке. Даже патрона. Даже слова.

9. Я клянусь быть единством

Первая клятва миротворца, которую дают все члены нашего ордена, звучит так:

Я клянусь быть единством. Я клянусь быть разнообразием. Я клянусь быть гармонией.

Многие мужчины и женщины, которые учились у меня, пришли в духовную практику из интуитивного понимания взаимозависимости и единства жизни. На самом деле, часто у них был опыт проживания такого единства еще до того, как они стали практиковать. Во время прогулки в лесу, разговора по душам с другим человеческим существом, или слушая симфонию Бетховена, мы каким-то образом интуитивно чувствуем, что все мы часть чего-то одного, часть единства.

В то же время, мы понимаем, что большую часть времени мы так не живем. Мы, человеческие существа, обладаем многими характеристиками, которые отделяют нас от опыта единства. Одна из них — это наш мозг. Мозг оперирует дуальностями, это его способ мышления. Когда я что-то воспринимаю, я осознаю это как другое, отличное от меня. Когда мы воспринимаем других людей, мы рассматриваем их как отдельных от нас.

Мы не всегда мыслим дуально. Например, я не задумываюсь о том, что у меня есть желудок — конечно, до тех пор, пока с ним все хорошо. Если у меня есть боль или какое-то заболевание желудка, я начинаю его замечать. Когда я куда-то прихожу, я обычно беру себя с собой, так что я не говорю “Берни здесь”, когда прихожу. Если я так говорю, это значит, что я воспринимаю себя как отдельного от меня. Согласно нормам нашего общества, это считается психическим заболеванием.

Точно так же, само мое восприятие других людей и вещей уже предполагает, что они отдельны от меня. Это и есть наша социальная болезнь, недуг разделения. Если я действительно воспринимаю себя как целое, я не объявляю “Берни здесь”, когда приезжаю в аэропорт, это как бы само собой разумеется. И конечно, если вы действительно проживаете единство жизни и натыкаетесь на бездомного, сидящего на улице Нью-Йорка, вы не спрашиваете, не мой ли это брат. Вы принимаете это как данность и заботитесь о своем брате. Потому что он — это вы.

Но из-за нашего дуалистического мозга мы обычно так не действуем, и вот поэтому многие из нас пришли к духовным практикам. Как я говорил, многие мистические традиции стараются вернуть расколотые кусочки к единству, составляя целое из фрагментов. Для этого единства у них есть разные имена: бесконечность, абсолют, божественное, Одно, Бог. Одни из наиболее важных слов в иудаизме — “Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь — един”.

Эти традиции не просто учат нас тому, что единство существует. Каждая из них создала практики, помогающие нам его испытать. Молитва и медитация — это примеры таких практик. Но почти все, что мы делаем, может стать практикой, помогающей нам из частей сотворить целое.

Что это значит, сделать части целым? Делать целым значит видеть, что каждая часть это уже целое. Все, такое как оно есть, уже целое. Мать Тереза говорила, что

куда бы она ни взглянула, везде она видела Христа. Больные, умирающие, бедные, увечные — везде был Христос. И она заботилась о Христе везде, где бы она ни была. Большую часть времени мы различаем. Мы отбираем и выбираем. Что-то есть Христос, а что-то нет. Что-то божественно, что-то нет. Что-то есть Путь, а что-то нет. Когда мы клянемся быть единством, мы клянемся видеть во всем Будду, Христа, Путь. Потому что все есть Путь. Это не конкретное направление или особый способ что-то делать, это круг без внутри и вовне, просто пульсация жизни повсюду. Он ничего не исключает. Поэтому как миротворцы, действующие в мире, мы не исключаем ничего. Мы выбираем то, что уместно для нас в определенном месте в определенное время. Но мы не привязываемся к тому, что мы выбираем, ибо все есть Путь.

Например, я встречал многих общественных активистов, считавших что все есть Путь, кроме богатых людей. Они запросто отправлялись в приюты и социальные столовые, смешивались с людьми на улицах неблагополучных районов, но они не могли сказать “привет” кому-то, у кого много денег. В их случае “Другими” были не бедные и обездоленные, а богатые.

Когда миротворец клянется быть единством, для него нет “Других”. Мне нравится использовать метафору своего тела. Моя правая рука не ударит левую, если у меня нет заболевания, которое заставляет правую руку считать что она отдельна от левой. Если у меня рана в ноге и из нее хлещет кровь, мои руки не говорят: “Какая жалость, но пусть нога сама о себе позаботится, мы слишком заняты, чтобы сейчас что-то предпринять”. Они не говорят о том, какое мое тело целостное, они просто так работают. Если мой желудок голоден, моя правая рука не говорит “Я слишком занята, чтобы засунуть еду в рот”. Но именно это и происходит в жизни, в обществе. И это происходит только потому, что у нас есть недуг под названием разделение. Если мы не видим, что руки, ноги, ступни, голова и волосы все есть одно тело, то мы не заботимся о них и страдаем. Если мы не видим единства жизни, мы не заботимся о ней и страдаем.

Видеть единство жизни не означает, что мы привечаем каждую форму жизни. Это не означает конец разрушения. Когда возникает рак, нам приходится делать жестокие вещи, чтобы система могла выжить. Но чем больше я знаю о единстве своего тела, включая рак, тем лучше я могу позаботиться о нем. У всех нас есть клетки, которые делятся, но в некоторых случаях они превращаются в злокачественные и быстро распространяются. Здоровое тело находится в состоянии баланса — злокачественные клетки быстро уничтожаются, а здоровые остаются. Если я позволю раку беспрепятственно распространяться, мое тело выйдет из баланса. Но если я вижу целостность моего тела, включая здоровые и злокачественные клетки, я буду заботиться о всем теле и восстановлю баланс системы.

Видение единства жизни не отменяет решительных мер. Но принимая во внимание все, мы можем выбирать такие меры, которые причинят наименьший вред системе.

Есть буддийская молитва, в который мы говорим: “Я есть Будды, а Будды есть я”. Ты Будда, и я Будда. Я это ты, а ты это я. Когда миротворец клянется быть единством, он клянется видеть все, что он встречает — каждого человека, событие

или феномен — как Путь, как Христа, как себя.Это значит, что заботиться нужно обо всем и обо всех.

10. Я клянусь быть многообразием

Если бы мы могли жить в мире, где все и каждый суть Будда, или Христос, или божественное, мы бы решали все возникающие вопросы естественным и спонтанным путем. Но почти все из нас “исключают” кого-то или что-то. Это может быть человек более темного или светлого цвета кожи, кто-то, от кого пахнет немытым телом, потому что он живет на улицах и не мылся несколько дней, или некто, пришедший к вам с ножом.

А может, как мы видели в Аушвице, это кто-то другой национальности или религии, делающий то, что нам не нравится. Это происходит раз за разом. Большую часть времени мы этого даже не осознаем.

В предисловии к своему пронзительному рассказу “Выживание в Аушвице”[21] , Примо Леви написал: “Многие люди и целые народы, не всегда отдавая себе в этом отчет, считают, что «всякий чужой — враг»”.

Когда мы видим кого-то, непохожего на нас, с отличными от наших обычаями, говорящего на странном языке, начинается медленный процесс дегуманизации. Мы можем сознательно не думать о нем плохо, и не желать ему вреда, но мы не верим, что он точно такой же человек, как и мы. Часто это тонкий процесс, и чтобы его заметить, требуется внимание, честность и чувствительность. А иногда он вовсе не тонкий, и люди начинают действовать, исходя из этих концепций, отказывая другим в базовых правах и свободах. Леви говорит: “Когда люди начинают так поступать, в конце цепочки — лагерь”. Аушвиц случился из-за людей, приговоривших к смерти тех, кто от них отличался. И хотя я практиковал клятву быть многообразием многие годы, после Аушвица эта клятва стала еще более значимой для меня.

На том ретрите стало ясно, что принимать различия очень сложно. Вы могли бы подумать, что группа вроде нашей, состоящая из множества миротворцев, многие из которых религиозные практики, запросто бы с этим справилась. Но не в этот раз. Иногда духовный поиск единства становится поиском сходства, а то и одинаковости.

Я недавно слышал про исследование ООН, которое выявило, что из пятидесяти пяти войн, которые сотрясают мир сегодня, две трети происходят из-за религиозных различий. Получается, две группы людей, которые верят в какую-то форму единства, воюют друг с другом. Каждый видит единство по-своему. Чего они не видят, так это многообразия жизни. Им удобна одна правда, а не множество.

Вот почему мы даем клятву быть многообразием. Ибо многообразие это другая сторона единства. Это мир форм в бесконечном разнообразии текстур, цветов, контрастов и различий. Не только мы отличаемся друг от друга, но и всё меняется от мгновения к мгновению — всё есть перемены. Все мы часть одной и той же целостности, но мы все очень разные. Мы не можем способствовать миру в мире,

---

[21] Похоже, речь идет о его книге, известной на русском языке как “Человек ли это”? (Is this a man?)

да мы вообще ничего не можем эффективно делать в мире, не принимая во внимание наши различия.

Несколько лет назад я встретил Бобби Льюис Хокинс, писательницу, которая в это время преподавала в Боулдере, штат Колорадо. Она попросила студентов подслушивать разговоры. Это могли быть разговоры на улице, в лифте, или в магазине. Им нужно было записывать разговоры, а потом читать их вслух. В своих выступлениях Хокинс читала разговоры, подслушанные в отелях, на улицах, даже в психушках. Люди были изумлены, сколько голосов они слышали — не только выражающих разные мысли и чувства, но и нюансы, слова и звуки. Они слышали мир многообразия.

Очень важно ценить жизнь во всех ее проявлениях, во всем ее многообразии. Люди, которые слишком много фокусируются на единстве жизни без видения ее многообразия, иногда устанавливают единый стандарт того, что значит быть человеком. Когда мы клянемся быть многообразием, мы клянемся работать со всеми формами жизни. Мы работаем с ними, становясь ими, принимая с их точку зрения, чтобы увидеть жизнь их глазами. Вне зависимости от того, с кем мы работаем, невозможно быть эффективным миротворцем, не принимая во внимание различий.

11. Я клянусь быть гармонией

Поклявшись быть гармонией, я принимаю, что единство и различие суть одно и то же.

Не звучит ли это как противоречие? Да, и это именно то что произошло в нашем ретрите в Аушвице. Признавая наше многообразие, мы обнаружили свое единство. Принимая наши различия, мы стали единым целым.

Делая это, мы не потеряли своих различий. Евреи остались евреями, буддисты буддистами, немцы — немцами и так далее. И все же в конце концов мы стали одним народом. Я снова использую тело как пример. Мое тело — просто одно тело, хотя у него много способностей. У него есть руки, пятки, тысячи волос и поры (и каждая отличается от других). У него есть кожа, кости, кровь, внутренности и различные органы. В нем много метров кишечника. Но все это все еще одно тело, с миллионами функций и характеристик. Повреди один палец, и почувствует всё тело, это повлияет на всё. Если я поем пищи, на какую часть это не повлияет? На какую часть не влияет дыхание?

Мы можем смотреть на это с точки зрения единства и говорить, что это одно тело, а можем смотреть с точки зрения различий и видеть только многообразие функций. Это два разных способа смотреть на одно и то же.

В Аушвице мы были одной группой людей, собравшихся вместе, чтобы свидетельствовать. А также мы были мужчинами, женщинами, буддистами, евреями, христианами, мусульманами, агностиками и имели множество других отличий и категорий. И то и другое — про одно событие, и то и другое — правда. В начале мы замечали только различия. К концу ретрита мы стали проживать и единство. В действительности мы обнаружили, что одно невозможно без другого.

Миротворцы работают со всем, что происходит в мире, с бесконечным разнообразием феноменов жизни. Но мы работаем с ними из близости и чувства единства, а не из обособленности. Мы действуем из этой близости.

Например, если я сильно обжег руку, я сразу начну лечить ее. Я не буду ходить и говорить: “Вы только посмотрите, какой ужасный ожог! Должен ли я что-то с ним сделать, или и так сойдет?”. Я не буду ни писать книги о том, как это нечестно, ни игнорировать это. Это нельзя игнорировать! Я и моя рука не отдельны. Если она обожжена, я о ней забочусь. Я что-то делаю.

То же справедливо и для всей жизни. Я что-то делаю. Не все, это невозможно. Но что-то я определенно делаю. Если мой ребенок испытывает ужасную боль и страдание, я становлюсь этой болью и страданием, потому что нет никакого разделения между ребенком и мной. Я не задаю вопросов вроде “Как мне это остановить?”, или “Почему это происходит?”. Я просто делаю лучшее из того, что могу, чтобы позаботиться о своем ребенке.

Дав клятву быть многообразием, я готов работать со всем, что приходит: дети, оставшиеся без дома из-за землетрясения в Центральной Америке, разлив нефти у берегов Японии, трава на моем заднем дворе, которую надо поливать, девочка, которая упала с велосипеда и ушибла колено, машина, которая не заводится с утра,

ветви деревьев, нуждающиеся в обрезке. Список бесконечен. Но что бы я не делал, я делаю это из единства, а не из обособленности.

Гармония — это мир бесформенной формы. Давая клятву быть гармонией, мы клянемся свободно двигаться в мире форм и в мире единства одновременно, не застревая ни в том, ни в другом.

Еврейский ученый и мыслитель ребе Авраам Исаак Кук сказал, что круг жизни включает многие группы разного рода. Если вы устраните хотя бы одну — например, атеистов — вы уничтожите весь круг.

В ту минуту, когда вы отказались одной части целого, вы отбросили все целое. А в известном еврейском разъяснении о важности не убивать говорится, что тот кто спасет всего одну жизнь, спасет целый мир.

Как я сказал, когда описывал Сеть Индры, каждая жемчужина отражает не только соседние, но и все жемчужины сети, сеть целиком.Каждый человек, каждый феномен содержит в себе бесконечное разнообразие Вселенной.

Мой ученик, последователь буддизма, в юности получил католическое воспитание. Маленьким мальчиком он думал, что просфора и вино в ящике в церкви и есть кровь и плоть Христа. Но когда он подрос, он перестал в это верить. Он почувствовал, что просфора была символом тела и крови Христа, а не им самим.

Почти пятьдесят лет спустя он рассказал мне историю: он проходил одиночный ретрит во францисканской церкви, сидя в своей черной сутане священника и глядя в стену. Позади него был ящик со просфорой и вином. В медитации он внезапно осознал, что хлеб и вино действительно были ничем иным, как плотью и кровью Христа. Это было не воспоминание из давних времен его обучения, это был внезапный глубокий инсайт в суть абсолютного и относительного. Он осознал, что этот кусочек хлеба, лежащий в коробке, был вовсе не символом, а действительно самим единством Мира.Некоторые из нас приходят к этому интуитивно. Иногда мы смотрим на снежинку, на цветок, или на камень в поле и видим в них всю жизнь. Если бы мы могли глубоко проникнуть хоть в одну форму жизни, мы проникли бы во всю ее полноту. Это известно каждому великому художнику.

Известная практика медитации — следовать за своим дыханием. Мы сидим без движения, и следуем за вдохом, потом за выдохом, снова и снова. Если мы посвящаем себя этой практике, если мы станем нашим вдохом и выдохом, то больше ничего не будет существовать. Бесконечный феномен мира — не более чем этот вдох и выдох, а каждый вдох есть не что иное, как Вселенная.

Клятвы быть единством, многообразием и гармонией составляют наши основные жизненные устремления. Мы направляем свои жизни согласно этим ценностям, даже не осознавая этого. Иногда мы живем свою жизнь согласно одному абсолюту, одной большой идее. У нас даже может быть некий стандарт, который заставляет нас быть нетерпимыми к другим идеям и способам жить. Также бывает, что мы видим и признаем бесконечное разнообразие жизни во всех ее проявлениях, но безо всякого единства под этим. В таком случае мы можем не чувствовать никакой ответственности за происходящее, никаких причин

действовать, прилагать усилия или о чем-то заботиться. Мы можем смотреть на засушенный газон и признавать его различие с сочной зеленой травой, но без единой мысли о том, чтобы его полить. Пока мы не укоренились в единстве, что я это ты, а ты это я, у нас нет побуждения действовать.

Миротворец направляет свою жизнь, сообразуясь с гармонией. Он видит сущность абсолютного и относительного. Каждый человек и каждая встреча есть не что иное как единство жизни, не что иное как он сам. Будда есть не что иное как высохшая трава, нуждающаяся в воде, или ребенок, переходящий улицу. Дав первые три клятвы, мы вступаем на территорию деятельности. Мы начинаем заботиться. Делая не что угодно, а действуя изнутри. Поступки, которые исходят из связи, из знания что мы есть каждое чувствующее существо во Вселенной. Я его нога, а он моя рука. Она мои пальцы, а я ее плечо. Мы действуем, потому что наша связь очень глубока.

В буддизме мы называем такое действие состраданием. Сострадание означает “со страданием”. Действия становятся поступками миротворца, когда мы становимся страданием других. Когда мы голодные дети, когда мы бездомная мать, когда мы умирающий, когда мы заключенный концлагеря. Когда мы вьетнамские крестьяне, по которым стреляет пулемет вертолета, и когда мы солдаты, стреляющие во вьетнамцев.

12. Клод Anshin Angyo Томас

Клоду Томасу меня представил в 1994 году другой член ордена, Майкл О'Киф. Клод был атлетичным (он много лет преподавал боевые искусства), а его спина была вся в татуировках. У него были длинные светлые волосы, заплетенные в хвост (хотя, когда он принял посвящение, он стал брить голову).

С той самой первой встречи я был поражен его невероятной открытостью и уязвимостью. Он мог бы умолчать о многих вещах в своей жизни, особенно о боли, которую он причинил себе и другим. Но он ничего не скрывал. Вот что Клод рассказал мне о себе.

Он родился и вырос в маленьком городке в Пенсильвании. В семнадцать лет он вступил в ряды армии США, и его отправили во Вьетнам. Это был 1965 год. Ему говорили, что он будет служить своей стране и делу свободы, и он в это верил. Когда он прибыл во Вьетнам, он стал стрелком на вертолете. Через некоторое время он стал командиром отряда. Он служил на десантных вертолетах, которые доставляли личный состав, и на вертолетах огневой поддержки.

С самого начала Клод был обстоятельным и дисциплинированным. В первые месяцы службы перед боевым вылетом двенадцать мужчин из команд трех вертолетов делали ставки, у кого в этот день будет больше подтвержденных убийств.

Иногда Клод выигрывал. Сделав ставки, он тщательно следил за количеством людей, которых он убивал в каждом вылете, и так узнал, что меньше чем за год он убил несколько сотен вьетнамских мужчин, женщин и детей.

Его сбивали пять раз. В последний из них, когда его сбили где-то в дельте Меконга, он был тяжело ранен: у него было раздроблено плечо и лицо, челюсть, скулы и ребра были сломаны, треснула грудина. "Когда я покинул Вьетнам, я был в морфиновом тумане. Моя шея была сломана и доктора сказали, что им придется ампутировать мне руку по плечо. В эвакуационном госпитале медсестра держала меня за одну здоровую руку двадцать четыре часа, пока меня не увезли. Я никогда не видел ее лица, и не знаю ее имени".

Он провел девять месяцев в военном госпитале в Кентукки. После выписки он улетел домой. На пересадке в аэропорту Ньюарка в Нью-Джерси, женщина, увидевшая его в форме, подошла и плюнула ему в лицо.

Он приехал домой, пошел в колледж, отчислился, стал бездомным и не мог найти работу. Много наркотиков. "Ночью приходили воспоминания — как меня сбивают, крики раненых. Крики людей, которых я убил". Он поехал в Англию, а потом в Иран, потому что слышал, что там были дешевые наркотики. Часто он был жесток. Однажды его арестовала САВАК, тайная полиция шаха, и в течение нескольких недель они допрашивали и пытали его. Он вернулся в США и в 1983 году присоединился к программе реабилитации наркоманов и стал преподавателем боевых искусств, сидя в медитации до и после каждого занятия. В 1989 году он прекратил занятия боевыми искусствами из-за все растущей приверженности к ненасилию. Но воспоминания и кошмары продолжались.

Однажды социальный работник сказал ему о вьетнамском монахе дзен, который работал с ветеранами Вьетнама. Его звали Тик Нат Хан[22]. Тай, как его звали ученики и коллеги, много трудился ради примирения с Северным Вьетнамом во время войны, и был известен своими социальными проектами, которые он организовал во Вьетнаме, в частности, в своем родном городе Хюэ. В 1960-х Мартин Лютер Кинг номинировал его на Нобелевскую премию Мира. Когда во Вьетнаме пришли к власти северные вьетнамцы, он был провозглашен врагом народа и отправился в изгнание. Он поселился во Франции и основал сообщество осознанности для своих вьетнамских и западных последователей, которое называется Plum Village (Сливовая деревня). Он также регулярно приезжал в США и работал с ветеранами войны. Клод встретил его в 1991 году на ретрите в институте Омега, в Райнбеке, штат Нью-Йорк.

“Он (Тай) вошел в комнату где мы сидели с другими ветеранами, и я почувствовал, будто я лицом к лицу с врагом во Вьетконге”. Клод думал обо всех вьетнамцах, как о врагах, и буддийские монахи не были исключением. Однажды во время службы во Вьетнаме, он покидал маленькую деревню с четырьмя другими американскими солдатами. Мимо них прошли три человека в оранжевых одеяниях буддийских монахов. После того как они миновали солдат, они развернулись, достали оружие и начали стрелять. Все пятеро американцев, включая Клода, были ранены. Трое погибли.

Но Тай сказал ветеранам, что их истории о войне, их страдание и страдание вьетнамцев были очень важны. “Вы свет на кончике свечи” — сказал он. Их роль была в том, чтобы показать боль войны американской общественности, которая хотела проигнорировать и забыть их.

Другие ветераны собрали для Клода деньги, чтобы он мог поехать во Францию, в “Сливовую деревню”, но ему было мучительно трудно жить с вьетнамцами, своими давними врагами. Поначалу он не мог заниматься медитативной ходьбой, потому что это вызывало сильный страх, что он попадет в засаду. Вместо того чтобы жить со всеми, он поставил палатку в лесу и устроил ловушки вокруг нее. “Я разбил базовый лагерь, как меня учили. Каждую ночь я сидел в засаде, потому что мне было очень страшно”. Однажды вечером они попросили его произнести речь. Тай был там. После этого он попросил Клода выступить еще, на этот раз перед двумя сотнями специалистов помогающих профессий. После этого Клод стал обращаться к группам ветеранов, социальных работников и других специалистов, и проводить дни осознанности в США и Европе.

Когда я встретил Клода в 1994 году, я предложил ему стать священником ордена. Он не мог поверить своим ушам. “Ты хочешь посвятить меня в члены ордена?”, спросил он. Я сказал — да.

“Чем же по твоему я должен заниматься?”

Я сказал: “Просто будь Клодом. Продолжай делать то, что делаешь”.

---

[22] Тхить Нят Хань, его имя по-разному приводится в русскоязычных источниках. Автор практик медитации и книг по буддизму

Тогда мы договорились, что он принесет клятвы миротворца в Аушвице, в начале своего шестимесячного похода, и что в конце, когда он доберется до Вьетнама, я дам ему посвящение. За месяц до нашей запланированной встречи во Вьетнаме, умер мой учитель. Я принял на себя новые обязанности, и не мог улететь, чтобы встретить Клода. Вместо меня туда отправились трое моих учеников, и вместе с ним и его группой посещали места былых сражений, военные базы, где они были дислоцированы, и места, где его сбивали. Тридцать лет спустя после того, как он покинул страну, Клоду все еще было тяжело говорить с вьетнамцами, тяжело было забыть, что когда-то эти люди были его врагами. В течение этого месячного похода он начинал каждый день и заканчивал каждый вечер медитацией.

Среди его попутчиков во Вьетнаме был его сын, Зак. Когда Клод вернулся из Вьетнама, он женился и завел ребенка. Но когда маленький Зак плакал и тянулся к отцу, Клод был не в состоянии взять его на руки. Он не знал, почему. Только много лет спустя он вспомнил. Однажды во Вьетнаме он и четыре человека из его отряда стояли возле вертолета неподалеку от деревни. Как обычно, вышли дети, чтобы поиграть с ними, и разглядывали их вертолет. Внезапно Клод увидел среди них малыша. Один из американских солдат наклонился, чтобы взять его на руки. Клод тоже сделал шаг вперед, застыл, и отшагнул. В этот момент ребенок взорвался, при этом убив двух американских солдат. Он был заминирован.

С момента посвящения Клода я бывал на его ретритах в Европе, и он присоединялся ко мне на уличных ретритах в районе Боэури в Нью-Йорке. Меня всегда трогает то, как он взаимодействует с другими. Его сила — в полной искренности. Он рассказывает свою историю, не утаивая ничего, и этим он открывает искреннее, бережное пространство, в которое входят другие участники, и в котором они чувствуют себя в безопасности, чтобы говорить о своей личной боли и своих собственных демонах.

Однажды мы участвовали в межконфессиональной конференции по защите мира в Швейцарии. Когда Клод приехал, ему сказали, что на улицах Базеля произошла стычка между двумя бандами, и подросток из одной банды застрелил члена другой. Клода спросили, может ли он прийти в тюрьму и поговорить с подростком, который стрелял. Он согласился с условием, что ему разрешат поговорить со всеми членами обеих банд. Он покинул конференцию, отправился в тюрьму, и поговорил со всеми членами банд, участвовавших в стычке. Он провел с ними целый день, сначала поговорив с подростком, устроившим стрельбу, потом с другими, потом с членами другой банды, и наконец, со всеми вместе. К концу встречи суровые бандиты поинтересовались, не поживёт ли он с ними. Социальный работник, которая наблюдала за этой встречей, сказала что она никогда не видела, чтобы кто-то относился к ним с такой прямотой и открытостью, без тени осуждения. Клод говорит: “Я убил многих людей. Я никого не могу судить”. и добавляет: “Каждый раз когда мы убиваем, неважно по какой причине, мы не только причиняем страдание другим, но и страдаем сами. Нам как-то надо это объяснить самим себе, и на каком-то этапе мы решаем, что другой человек и не человек вовсе, по сравнению с нами”.

Куда бы Клод ни пришел, его присутствие и послание, в сущности, всегда одинаковы. Он прошел через свидетельствование убийств, и это привело к

исцелению. Примирившись с собой, он приглашает и других свидетельствовать и жизнь, и невзгоды, обретая исцеление.

13. Я клянусь проникать в неизвестное

Моя жена, Джису Холмс — соосновательница Greyston Network[23] на юго-западе Йонкерс. Она работала со мной многие годы, развивая компании Greyston. В прошлом биохимик, она присоединилась к сообществу дзен Нью-Йорка в начале восьмидесятых. Она была посвящена в буддийские священники, и после многих лет обучения стала учителем дзен.

Джису контролировала Greyston Bakery[24], с момента их запуска в 1982, а затем стала основателем и директором Greyston Family Inn, комплекса жилья для бездомных. Она основала детский сад и разработала программу предоставления жилья для сотрудников. Джису занималась проработкой программы для строительства жилья и медицинского центра для людей со СПИД. И наконец, до того как вместе со мной основать Орден Дзен-миротворцев, она создала компанию по производству одежды и аксессуаров из отходов сырья крупных производителей одежды, с прицелом на найм и обучение безработных жителей бедных кварталов. Это соединило ее любовь к шитью и глубокое убеждение, что нет ничего бесполезного — ни сырья, ни человеческих существ.

Всего Джису провела около 15 лет своей жизни, работая в Greyston. Но в один из дней я увидел, как она выходит с трудной встречи с другими членами команды Greyston. Между сотрудниками было несогласие и дисгармония, и решения было не видать. Было заметно, что она разочарована и подавлена. Она сказала: “Знаешь, после всех лет работы здесь, если бы меня спросили, что я знаю, я бы сказала — я знаю Greyston. Но когда я вышла с этого совещания, я поняла, что я вообще ничего не знаю про Greyston. Вообще ничего”.

Ситуация Джису и ее слова выхватили для меня суть нашей четвертой клятвы миротворца: проникать в неизвестное. Незнание дает возможность чему угодно происходить, просто возникать. Когда мы не знаем, когда у нас нет ожиданий или фиксированных идей о чем-либо, тогда все что происходит в любой момент — это просто то, что происходит.

Но Джису думала, что она знала. Вот где и начинается ее и наша проблема. Как только мы что-то знаем, мы препятствуем происходить чему-то еще. Когда мы живем в состоянии знания вместо незнания, мы живем в фиксированном состоянии бытия, в котором мы не можем проживать бесконечное раскрытие жизни, событие за событием. Все так или иначе происходит, ничто не остается постоянным, но наши понятия о том что *должно* случаться мешают нам увидеть то, что *случается*. Мы огорчаемся, что наши ожидания не удовлетворяются. А когда мы в состоянии их отпустить, мы обретаем согласие с тем, что происходит.

Мы используем фразу “пусть будет так”[25]. Правда в том, что выбора у нас нет. Неважно, что мы об этом думаем, мы не властны над тем, что происходит, и все случается как случается. Но в состоянии незнания мы действительно живем без

---

[23] Сеть Greyston

[24] Пекарни Greyston

[25] В оригинале “let it be”

предвзятых идей. Нет ожидания прибыли, нет ожидания потерь. Есть только то, что сейчас.

По этой причине я активно отговариваю кандидатов и членов Ордена задавать вопросы, которые начинаются с “почему”, ибо такие вопросы показывают желание знать. Также они отражают наши сомнения или страх с чем-то встретиться. В ордене мы практикуем жизнь в состоянии незнания, а не знания. Это очень, очень трудно. Многие из членов ордена многие годы занимались социальными проектами и у них есть глубокие знания в построении сообществ, экологии и окружающей среде, в образовании, мире бизнеса, в психологии, социальной работе, медицине и искусстве. В прошлом они верили, что чтобы стать более эффективными, нужно больше знать. Уж если они будут знать больше о том и этом, все станет по-другому. Но присоединившись к ордену, они практиковались в незнании, расставались со своими предыдущими обусловленностями и предубеждениями о том, как творить мир.

Мы не просили их отказаться от своих профессиональных навыков и знаний. Наоборот, мы активно поощряли их использовать весь свой опыт. И мы помогали им развивать открытость видеть вещи такими, как они есть, постоянный поток и взаимопроникновение жизни, свободной от ожиданий, границ и пределов. По сути, основной принцип ордена таков: учение и практика неразрывны. Мы хотим иметь знание, но мы не хотим, чтобы знание нами управляло.

И это сложно. Со своим учителем из Японии я много лет я тренировался в Лос-Анджелесе в практиках дзен, которые напрямую связаны с практиками незнания. Наконец, я стал учителем и переехал в Нью-Йорк, чтобы основать Дзен-сообщество Нью-Йорк в Ривердейле. На одном из первых ретритов, которые я проводил, была чудесная группа монахинь, у которых был большой опыт медитации в течении многих лет, как часть их католического призвания. Еще они работали с бедняками в Джерси, штат Нью-Джерси. В конце ретрита они пригласили меня присоединиться к чаепитию, и я согласился. Пока мы пили чай, мы говорили об их многолетних практиках медитаций. Еще они говорили о Боге.

В дзен-буддизме, в отличие от многих религиозных традиций, нет божества. Даже его основатель, Будда Шакьямуни, Просветленный, рассматривается как обычный человек, достигший великого просветления после многих лет практики. Так что пока я их слушал, я покачивал головой, думая про себя: “Они так долго медитировали, и все еще верят в Бога!”.

Я вдруг поймал себя на этой мысли в моем разуме. Вот он я, Берни Глассман, который знает, что медитация не имеет ничего общего с Богом. Я был юным и довольно неопытным учителем дзен, и уже знал, что эти монашки, практикующие свое богатое призвание в течение многих лет, ошибались, говоря о Боге.

Пожалуй, неслучайно, что с того вечера в 1979 году я много работал с людьми из разных традиций, религиозных и светских, и у них я научился тому, что нет никакого конфликта между практиками медитации и поклонением Богу. Но тем вечером, даже после многих лет обучения дзен, я все еще был уверен, что знал. Так же как моя жена, Джису, была уверена, что она знает организации Greyston. Как только вы знаете, - вы уперлись в тупик.

Будучи учителем дзен, я работал с учениками, у которых были восхитительные инсайты и ясность благодаря их практикам медитации. И также я видел, как они цепляются за эти инсайты. Чем счастливее они себя чувствовали, тем сильнее цеплялись. Это по-человечески, держаться за то, что приятно, но держась за прошлый опыт они не проживали этот самый момент, это — СЕЙЧАС!

В минуту, когда мы что-то получили — инсайт ли это, знание или понимание — мы должны быть готовы отпустить это и вернуться к состоянию незнания. Без этого мы не можем двигаться дальше.

Как основатель Greyston Mandala, я получаю сотни писем от людей, задающих мне вопросы о том, как мы развивали наши организации и чему они могли бы у нас научиться. Я всегда рад поделиться информацией. Я ездил по всей стране с выступлениями о нашей модели Greyston. Но я всегда заканчивал тем, что говорил людям, что я не знаю, что они должны делать. Это с ними будет что-то случаться, а не с нами. Если они будут строить ожидания, основываясь на нашем опыте, не культивируя состояние незнания, то они не заметят возникающих возможностей и открытий.

У всех нас разные ингредиенты, из которых мы будем готовить блюдо. Этим блюдом может быть все что угодно: бизнес-проект, семейный выезд, новая компания, произведение искусства. Какое бы мы блюдо не готовили, оно будет зависеть от ингредиентов, которые нам доступны. Чем меньше мы знаем, тем больше мы будем открыты к тем ингредиентам, которые у нас есть, тем более творческой будет готовка. Если я знаю, что белый порошок на столе — это соль, я не увижу возможности, что это может быть мука, сахар или крысиный яд. Или я буду ревниво смотреть на ингредиенты, которые достались другим людям, вместо того чтобы делать лучшее блюдо из тех ингредиентов, которые есть у меня. Но если я не знаю, тогда я исследую, я пробую, экспериментирую. Я буду более свободным и креативным в приготовлении своего блюда.

Когда мы проникаем в неизвестное, мы не видим блюда, мы видим ингредиенты. Вот что я имел в виду, сказав в прологе книги, что она не даст вам ответов о том, как заботиться о мире, а будет описывать ингредиенты миротворчества. И один из важнейших компонентов в приготовлении блюда мира — это незнание.

Как я уже говорил, один из моих постоянных вызовов как учителя Дзен — это создание практик, которые позволят ученикам поддерживать состояние незнания. Есть множество способов добиться этого. Например, когда мы были в Аушвиц-Биркенау, в первый день люди были шокированы, что тоже является формой незнания. Реальность этого места до такой степени превзошла их представления, что их обычные привычки и эгоцентричные размышления и мнения больше не работали. Только тогда мы начали свидетельствовать, сидя в нашем кругу вокруг путей.

Вам не нужно отправляться в Аушвиц, чтобы свидетельствовать. Первый учитель Клода Томаса, Тит Нат Тхан, использовал специальный колокольчик осознанности, чтобы вернуть внимание студентов в настоящий момент. В моменте нет мыслей, нет концепий, есть просто ЭТО.

Похожим образом, в полдень каждого дня члены ордена дзен-миротворцев на минуту прекращают свои дела и отправляются в тихую медитацию ради мира во всем мире. Я делал эту практику многие, многие годы. Вы себе можете представить, что бы могло случиться, если бы каждый человек в мире каждый день в полдень прекращал делать то, что делал и возвращался в настоящий момент? Можете представить, что было бы, если бы каждый из нас жил в настоящем моменте, состоянии незнания, каждое мгновение каждого дня?

И все равно мы хотим знать. В некотором смысле, с этим ничего не поделать — мы люди. Часть того, чтобы быть человеком, это верить в то что причина нашего несчастья в том, что где-то в мире есть часть знания, которую мы еще не приобрели. Если б только нам удалось найти ее с помощью нужной книги, истинной религии, правильного учителя или подходящей работы, вот тогда мы были бы счастливы и успешны.

В ордене миротворцев мы практикуем отпускание. Не избавление от того, что мы знаем, но от нашей к нему привязанности. Это важное отличие. Раз мы хотим привносить мир во все области жизни, мы должны использовать все средства, каждую кроху знания и любые технологические достижения. Мы хотим мешок Хотэя. Хотэй это один из героев дзен-буддизма в последней из картинок в известной серии, изображающей путь к просветлению. Поход труден и далек. Последняя картина показывает Хотэя, возвращающегося на рынок с мешком через плечо. Он готов работать со всеми людьми и со всем, что приходит. В его мешке есть все, что когда-либо может ему понадобиться. Так что если он встретит нищего, он полезет в мешок и достанет монеты. Если он заметит лежащего на дороге больного ребенка, он вытащит из мешка перевязку. Если обнаружит заросший травой сад, в мешке у него найдутся грабли и мотыга.

Как миротворцы, мы тоже хотим носить с собой мешок Хотэя, куда мы мы не отправились, и мы хотим чтобы в нем было все, что нам может пригодиться. Чтобы если мы встретим человека со СПИДом, мы бы дали ему лекарство. Если встретим бездомную семью, которым некуда пойти, мы находим им дом. Мы хотим столько знания и ресурсов, сколько возможно, но до тех пор пока мы не приходим в ситуации из состояния незнания, мы не сможем понять, что достать из мешка. Если мы встречаем героинового наркомана, мы могли бы отправить его в клинику на детокс. А могли бы дать ему новые иглы, чтобы предотвратить заражение ВИЧ. Если мы видим проститутку, пристающую к нам на Тайм-Сквер, мы можем попросить ее прекратить. А можем дать ей стакан горячего кофе, чтобы согреть. А еще могли бы дать ей презерватив, чтобы позаботиться о ее безопасности. В мешке Хотэя есть это все. Что мы вытащим из мешка, зависит от наших предубеждений и суждений. Чем меньше у нас идей о том, что такое правильно и неправильно, хорошо и плохо, тем более естественными и спонтанными будут наши реакции. Когда мы отпускаем наши идеи о том, как бы нам исправить себя и других, мы мы естественным образом понимаем, что вытащить из мешка.

Клятва проникать в неизвестное похожа на третий шаг программы Анонимных Алкоголиков и других двенадцатишаговых реабилитационных программ: мы принимаем решение вручить наши чаяния и жизни в руки Господа, как мы Его понимаем. Этот шаг предпринимается людьми, которые жили свою жизнь по своему разумению. Они знали, что они не были алкоголиками, они знали, что

могли прекратить пить, когда пожелают. К моменту, когда они делают третий шаг, они признали, что они алкоголики. Они признали, что все, что они пробовали, не сработало, и они не управляют собственной жизнью. Признали, что в действительности они не знают.

Незнание — неотъемлемая часть возрождения. Также незнание незаменимо для миротворцев. Одновременно с накоплением знаний, нам нужно начать с чистого листа и пребывать в состоянии незнания. Ибо только тогда мы можем свидетельствовать, быть в присутствии.

14. Я клянусь свидетельствовать

В первые месяцы 1997 года, Клод Томас вернулся, проведя месяц в европейских ретритах. Он приехал в Йонкерс из своего родного города Конкорд, штат Массачусетс, и, как обычно, поведал мне истории о том, что происходило с ним в Европе.

Рассказывание миротворческих историй — это один из важных ингредиентов ордена. Мы рассказываем правдивые истории, и истории о том, что нам хотелось бы, чтобы было правдой. Мы рассказываем прямые факты о том, что нам известно, и мы рассказываем мифы своих жизней, сказки, отражающие наши глубочайшие мечты и стремления. Наконец, есть то, что я называю черно-белыми историями, которые рассказываются между строк: то, что остается несказанным, тени позади наших публичных заявлений. Идет ли в них речь о фактах, придуманы ли они, или рассказываются молчанием, все это миротворческие истории. И все они правдивы, ибо они отражают то, как мы видим себя и мир. Поэтому мы делимся такими историями каждый раз, когда собираемся вместе.

Вот одна из историй, которыми поделился со мной Клод.

Он только что вернулся из Бельгии, где люди и средства массовой информации были взбудоражены делом мужчины, который похитил шестерых девочек, держал их в погребе, и насиловал их. Через какое-то время полиция его схватила, но до этого четыре девушки умерли от голода. Возник грандиозный политический скандал по поводу неэффективности полиции и законодательства, вылившийся в демонстрацию со свечами на улицах Брюсселя, в которой приняли участие 300 000 человек.

Мать одной из погибших девочек проживала неподалеку от ретритного центра, где выступал Клод. После его первого публичного выступления кто-то в аудитории спросил его, не может ли он поговорить с этой женщиной, и он согласился.

Мать девочки проговорила с ним два часа. Она говорила об ужасной смерти ее юной дочери. Она без остановки говорила о своей боли, своем горе, гневе и переполняющем ее чувстве утраты. Она плакала. Она говорила о гневе, который она чувствует к убийце. Клод понимал ее гнев, и также он знал, что сам убил множество юных девушек во Вьетнаме. Он сказал ей: “Как бы вы лучше всего могли почтить память своего ребенка? Казнить этого человека, или помочь обществу измениться так, чтобы такой человек не появился снова?”.

“Но он виновен!” — сказала она.

Клод ответил: “Я знаю, что он виновен. Я виновен в смерти детей во Вьетнаме, и по сей день из-за этого я не сплю”.

Пока они говорили, стало понятно, что эта мать на самом деле не ненавидит человека, убившего ее дочь. В действительности она была способна почувствовать его страдание. Она сказала что никто бы не пошел на такое, если бы не был ужасно ранен внутри. Она пыталась сказать это семье и друзьям, но они не могли это услышать. Клод это слышал. Позже он сказал мне: “Я чувствовал не только ее горе

и утрату, но еще и страдание ее дочери, и мужчины, убившего ее. Я чувствовал их всех".

Я думаю, что мы не можем исцелить себя или других, до тех пор пока мы не свидетельствуем. В Ордене Дзен-миротворцев мы подчеркиваем свидетельствование целостности жизни, каждого аспекта возникающих ситуаций. Поэтому свидетельствовать чье-то похищение, причинение вреда и убийство ребенка — значит быть каждым элементом этой ситуации: быть маленькой девочкой, с ее страхом, ужасом, голодом и болью; быть убийцей, с его яростью и травмами; быть матерью этой девочки с бессонными ночами, полными горя и вины; быть матерью убийцы, метаться между любовью к сыну и ужасом от его поступков; быть семьями убитой и убийцы, каждая со своей болью, гневом, ужасом и стыдом; быть мрачным глухим подвалом, где держали девочку; быть полицейскими, которые под невероятным давлением в конце концов поймали убийцу; быть тюремной камерой, в которой держат осужденного мужчину. Это значит быть всеми и каждым элементом этой ситуации.

Вы сразу понимаете, насколько это сложно. Иногда все, что мы можем делать, особенно поначалу, это свидетельствовать свою собственную ярость. Эта женщина расширила свои границы. Она свидетельствовала не только себя и свое горе, но и убийцу собственного ребенка.

А каково это, быть убитой юной девушкой, ее матерью, ее убийцей, его матерью, полицейским? Это значит, что в моменте нет разделения между этим человеком и мной. В практике дзен, когда мы делаем глубокую медитацию, наша личность и структуры эго растворяются. Постепенно наш разум становится более прозрачным и потому более просторным, менее привязанным к любым идеям и предубеждениям о том, кто мы есть. В этом состоянии мы открываем наше единство с жизнью. Мы видим, что мы вовсе не те, кто мы думали, мы есть вся Вселенная. Каждое создание, каждый человек, каждый феномен — просто еще один из аспектов того, кто мы есть. Маленькая девочка, мать, убийцы, полицейский — все они черты того, кто мы есть. Как и соловей, как и ястреб, убивающий соловья, и охотник, убивающий ястреба. Мы жертвы, преступники, и люди, безразлично стоящие рядом. Мы чувства и мысли всех этих людей, которые суть ничто иное, как разные аспекты нас. Нас это не привлекает и не отталкивает, ибо мы — это они.

Недавно я беседовал со своей хорошей подругой, актрисой Эллен Бёрстин. В наших дискуссиях о свидетельствовании она рассказала мне о своей учебе в актерской студии. Она сказала, что каждый раз, когда она готовится к роли, она ищет человека, которого она будет играть, внутри себя. Если она играет мать, она пытается обнаружить мать внутри себя; если бабушку — найти бабушку внутри себя. Если она играет целителя, умирающую или серийного убийцу, она тоже обнаруживает их в себе. Этот подход предполагает, что в нас есть каждый человек и каждое явление в мире. От Матери Терезы до Адольфа Гитлера.

Подход дзен основан на проникновении в неизвестное, когда мы начинаем без концепций или идей по поводу того, как убийца или его юная жертва могли бы себя вести.

В любом случае, мы свидетельствуем части себя, которые мы обычно игнорируем, и часто избегаем. Мы становимся ужасом и мучительным голодом истощенной девушки, горем ее матери, взрывной яростью и страхом убийцы, потрясением и стыдом ее матери. Позволяя им проявляться, мы вспоминаем, воссоединяемся с этими частями себя. Это начало обретения личной и общественной целостности.

Я раньше уже приводил цитату из известной еврейской молитвы “Слушай, Израиль”: ““Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь — един”. Буддийская служба, которую мы проводим на улицах Нью-Йорка в Бовери начинается так: “Внимание! Внимание!”. Когда мы говорим “Слушай, Израиль”, что мы имеем в виду? А когда мы говорим “Внимание”, о чем это? Когда мы действительно слушаем, когда мы действительно обращаем внимание на звуки радости и страдания во Вселенной, тогда мы не отдельны от них, мы становимся ими. Ведь в действительности мы не отдельны от тех, кто страдает. Это наше страдание, и это наша радость. Когда мы их не слушаем, мы закрываемся, но только не от других, а от себя.

Ничего из этого мы не можем делать из пространства знания. Когда мы думаем, что что-то знаем, мы не слушаем. Нам нужно опустошать себя снова и снова, возвращаясь в незнание, и просто слушать. Слушать. И слушать.

Слушание означает видеть ингредиенты перед нами. Все что мы видим и слышим есть ингредиент нас самих. Если бы мы могли слышать не только ушами, но и глазами, носами, языками и всеми порами своего тела, то мы бы не только видели все ингредиенты перед нами, мы были бы этими ингредиентами.

А когда мы слышим, нам приходится действовать. Поведение, которое приходит через слушание из “Внимания” — сострадательное поведение. Если мы не слушаем, мы не можем действовать из сострадания.

Я не думаю, что любой может полностью свидетельствовать в любой ситуации, ну уж точно не всегда. Но важно попытаться взглянуть чуть шире, чем только наше личное страдание, как сделала та бельгийская мать, когда она говорила с Клодом. Чем шире ваше видение, тем больше вы свидетельствуете. И через свидетельствование происходит исцеление. Свидетельствование приводит нас к поведению из любви, цель которого — уменьшить страдание.

Свидетельствование — это важная часть обучения в Ордене Дзен-миротворцев. Мы свидетельствуем на улицах Боуэри в Нью-Йорке. Мы поощряем наших членов не только тренироваться не только в хосписах, но и в похоронных домах, чтобы они могли видеть, как мы выглядим, когда умираем, и были готовы к погребению или кремации. Один из членов ордена недавно сказал мне, что он бы хотел работать консультантом-гериатром[26] в доме престарелых. Я сказал, что это здорово, но если он хотел бы свидетельствовать, он бы мог подумать о том, чтобы самому стать пациентом.

---

[26] Специалист, который занимается консультированием по вопросам, связанным со старением, работает с пожилыми людьми

Это важное различие. У большинства из миротворцев значительный опыт участия в социальных вопросах. Но это не означает, что они свидетельствовали. Если они помогающие профессионалы, они знают, как помогать, но не обязательно знают, каково это, когда помогают тебе. Они могут не знать, каково это, иметь физические потребности, которые не удовлетворяются, когда тебя игнорируют, или воспринимают как пациента, а не человека. Они пришли в Боуэри, чтобы накормить страждущих, но зачастую они не знают, каково это — получать еду на улицах. А если они работали с заключенными в тюрьмах или центрах поддержки для бывших заключенных, они не делали этого изнутри, как Флит Молл[27].

Флит отсидел половину двадцатипятилетнего срока за преступления с наркотиками. Отбывая наказание в федеральной тюрьме, он свидетельствовал умирающих в тюрьме людей, и основал сеть тюремных хосписов в тюрьмах США и Канады.

Я скажу о нем больше позже. Мы не можем все отправиться в тюрьму, чтобы работать с заключенными, и мы не можем все умереть, чтобы работать с умирающими. Но в некотором смысле мы действительно умираем. Мы умираем для нашего ограниченного видения себя, пробуждаясь к нашему безграничному единству со Вселенной, и свидетельствуем.

Наконец, я хотел бы сказать о противоположности свидетельствования, об избегании. Лучшая история об отказе, которую я знаю, это история ранних лет основателя буддизма, Будды Шакьямуни. Когда он родился в Индии около 2500 лет назад, великий видящий сказал его отцу, королю племени Шакья, что его сын станет или великим королем, который объединит под своим правлением все индийские племена, или великим духовным лидером. Король хотел, чтобы его сын стал великим королем, а не духовным лидером, поэтому после рождения ребенка его держали в прекрасном дворце. Во дворце было все, что когда-либо могло понадобиться принцу, включая любые удобства и роскошь, которые существовали в мире. Но во дворец не допускались ни больные, ни старые, а принцу покидать стены дворца тоже было запрещено.

Он вырос и женился на прекрасной принцессе, у них родился сын. Но он потерял покой. Он хотел узнать, что было за пределами стен его дворца. Наконец, он подговорил своего возницу тайно вывезти его ночью из дворца. В первую ночь они встретили больного человека, лежащего на дороге. Юный принц никогда такого не видел, и он спросил возницу, что это было. Он ответил: “Это болезнь”. Они вернулись во дворец, и Будда думал над тем, что он увидел. На следующую ночь он вновь упросил возницу взять его за пределы дворца. В этот раз они обнаружили на дороге старика. Будда такого тоже никогда не видел, и спросил, что это было. Возница ответил: “Это старость”. И вновь они вернулись во дворец, и Будда размышлял над тем, что он увидел. На следующую ночь они снова покинули

---

[27] Был учеником Чонгьяма Трунгпа Ринпоче, арестован за участие в наркотрафике, в тюрьме получил прибежище в тибетском буддизме. Будучи в заключении, основал “Тюремную сеть Дхармы”, организацию, поддерживающую буддистов в тюрьмах, а также национальную ассоциацию тюремных хосписов. Автор книги “Радикальная ответственность”.

дворец. В этот раз они встретили мертвого человека, лежащего на дороге. Будда спросил, что это? И возница ответил: “Это смерть”.

Принц вернулся во дворец. Он был ошеломлен. До этого он никогда не встречался с болезнями, старостью и смертью. Он переживал все больше и больше. Те вещи, которые когда-то его радовали, потеряли смысл. Он увидел свою жизнь, как она была, жизнью за стенами. То, что он увидел, вызвало вопросы, которые он никогда себе не задавал. И он не знал, как найти ответы.

В последний раз он уговорил возницу вывести его из дворца. В этот раз на дороге они встретили нищего. Он спросил, кто это был, и возница ответил, что это был духовный искатель, отказавшийся от мирского, чтобы найти смысл жизни. Принц вернулся домой. Наконец-то он знал, что ему делать.

В одну из ночей, когда все уснули, он покинул дворец. В лесу он снял все царские одежды, драгоценности и меч. Избавляясь от следов своей старой личности, он оделся в тряпье нищего.

Эта история об отрицании. Это не только про короля, отца Будды, это про каждого отца и мать, которые хотят защитить своих детей от любой нужды и боли. Когда их дети вырастают и сталкиваются с этим, в своей жизни и в жизни других людей, они не знают, что делать, и отворачиваются.

Как общество мы хотели бы отрицать существование тех самых вещей, от которых отец Будды пытался оградить сына. Поэтому мы отворачиваемся от бездомных, от алкоголиков, от бедных и больных, умирающих, нищих на улицах. Как и принц, мы живем за стенами, которые закрывают от нас то, чего мы не хотим видеть. Чтобы узреть это, нам придется пройти за эти стены.

Занятия и практики в ордене миротворцев направлены на опыт свидетельствования. Чтобы не сужать, а расширять свое видение. Не учить, а слушать. Это постоянно углубляющаяся, бесконечная практика. И она начинается и заканчивается незнанием. Мы практикуем свидетельствование не для того, чтобы говорить людям, что им делать со своей жизнью. После многих лет обучения, преподавания и заботы о мире, я понял, что заблуждался, что я всегда буду заблуждаться, и что я никогда не попаду в пространство знания, а значит я вечно буду открываться неизвестному и быть живым свидетелем. А это означает замечать, видеть, отпускать, замечать, отпускать, свидетельствовать и отпускать.

Будда многие годы искал истину, просветление. Наконец, в Магаджи он сел под деревом и поклялся никогда не сдаваться, покуда его поиск не закончится. И к моменту, когда взошла утренняя звезда, его поиск действительно завершился.

Есть много историй о том, что с ним произошло той ночью. Моя любимая — про то как Мара, бог иллюзии, наслал на Будду, сидящего под деревом, иллюзии самого разного рода. Начал он с монстров и демонов. Какое бы видение к нему не приближалось, Будда говорил: “Это я”. Мара послал голод, наводнения, пожар, землетрясение, и всему Будда говорил: “Это я”. Наконец, в самом конце Мара послал к Будде своих дочерей, самых прекрасных женщин в мире. И глядя на их приближение, Будда не двинулся с места, а только сказал: “Это я”. Наконец, Мара сдался. Он бросал на Будду каждую ситуацию, которая только может случиться в

жизни, и вместо того, чтобы сбежать обратно во дворец своего отца, он просто говорил: “Это я”.

Все мы и каждый из нас выросли во дворце, окруженном стенами. В том, что мы отрицаем больше всего, сокрыта наибольшая энергия исцеления. Но мы должны начать свидетельствовать СПИД, бедность, голод. Реки, горы, смеющегося ребенка. Войну, Аушвиц, утреннюю звезду. Каждый раз говоря: “Это — я”.

15. Я клянусь исцелять себя и других

Это миф, что духовные люди не испытывают привязанностей, что они каким-то образом выше испытаний и несчастий обычной жизни. Они не только испытывают это, но и в высшей степени подвержены этому. Ибо вместо жизни в пространстве идей и эмоций о страдании, они живут в мире действий.

Откуда они знают, какой поступок совершить? Откуда они знают, как исцелять?

Когда мы свидетельствуем, когда мы становимся ситуацией — бездомностью, бедностью, болезнью, насилием, смертью — правильные действия возникают сами собой. Нам не нужно переживать о том, что нам делать. Нам не нужно заранее готовить свои решения. Забота о мире — это свидетельствование в действии. Когда мы слушаем всем телом и разумом, рождаются добрые дела[28].

Доброе дело — это правильное дело. Это так же просто, как дать руку оступившемуся, или поднять упавшего на пол ребенка. Мы ежедневно в своей жизни совершаем такие прямые и естественные поступки, не считая их чем-то особенным. Они и не особенные. Каждый из них — просто лучшее возможное поведение в ситуации в тот момент.

В Ордене Дзен-миротворцев мы посвящаем себя исцелению других, одновременно с исцелением себя. Мы не хотим ждать мира внутри себя, чтобы начать творить его вокруг. На самом деле, мы видим мир как единое тело, и очевидно, что мы исцеляем каждого, исцеляя себя, ибо нет никаких “других”.

Много лет назад в Лос-Анджелесе у меня был опыт, в котором я почувствовал и увидел страдания голодных духов. Я был окружен самыми разными страдающими существами. Почти сразу я дал клятву служить им и кормить их. Но как их кормить? Как мы кормим себя? Да, мы тоже голодные духи. Мы тоже страдающие существа. Как нам кормить всех и каждого во Вселенной?

Этот вопрос стал моей жизнью. Поначалу я верил, что ответ в усердных медитативных практиках. Я стал фанатиком медитации и ретритов. Я думал, что если я буду настойчив, я обрету просветление, как Будда Шакьямуни 2500 лет назад. Если буду достаточно прилежен, со временем я испытаю то, что испытал он. И тогда я начну действовать.

Мне потребовалось много времени, чтобы понять, что я не могу этого дожидаться, бездействуя. Это понимание тоже пришло из свидетельствования. Я стал учителем дзен, основал Сообщество Дзен Нью-Йорка, и следующие пятнадцать лет развивал группу социально-ориентированных компаний Greyston Mandala. Мы не следовали готовым решениям. Нам постоянно говорили, что мы понятия не имеем, что делаем.

Вначале нам потребовался источник средств для сообщества, поэтому мы открыли коммерческую булочную. Greyston Bakery находилась в бедных кварталах юго-востока Йонкерс, в то время как мы сами жили в богатом районе Ривердейл

---

[28] Буквально, “любящие действия”, поступки из любви

тремя милями южнее. Когда бизнес вырос и мы начали принимать на работу жителей окрестностей, мы столкнулись с проблемами и вопросами, которых раньше не было: прогулы, постоянные опоздания, отсутствие базовых рабочих навыков. Мы стали копать глубже. Поговорив с сотрудниками, мы прошлись с ними по окрестностям, увидев все их глазами. Наконец, мы сами переехали из Ривердейла на юго-восток Йонкерс.

Мы увидели, что там отсутствовало доступное жилье. Многие из наших сотрудников жили с родственниками в маленьких тесных квартирках, под постоянной угрозой выселения. Некоторые вообще жили в приюте в трех кварталах оттуда, потому что у них не было своего жилья. Еще мы увидели отсутствие детских садов. Часто наши сотрудницы приводили своих детей в булочную, хотя это и запрещено законом, потому что некому было присматривать за детьми в течение дня. Мы обнаружили отсутствие базовых рабочих навыков, некоторые из сотрудников не умели отмерить нужное количество ингредиентов, в результате мы выбрасывали большое количество непригодного теста. Мы столкнулись с насилием и зависимостями, люди не являлись на работу из-за наркотиков или алкоголя. Иногда мы узнавали, что кого-то из них застрелили или пырнули ножом.

Свидетельствуя это все несколько лет, день за днем, и имея под руками все эти ингредиенты, стало очевидно, что нужно делать. Мы начали проводить обучение перед приемом на работу и на рабочих местах. Оно включало занятия по базовым основам жизни и работы, включая арифметику и измерения. Через некоторое время мы запустили Greyston Family Inn, постоянное жилье для бездомных семей и детским садом. После того как в него въехали жильцы, они рассказали нам, в чем еще они нуждались: обучение грамоте и группы продленного дня для школьников, занятия по уходу за детьми, личным финансам и общению с соседями для взрослых.

Greyston все еще постоянно сталкивается с новыми проблемами. Управляющий Greyston Bakery говорит что каждый новый день приносит новые вопросы и проблемы. Вы можете подумать, что прожив в этом районе так долго, уж мы-то должны знать, как справиться с чем угодно. Но ингредиенты меняются, и мы снова и снова свидетельствуем.

Нашими величайшими учителями были наши соседи и сотрудники. Когда мы живем и работаем на их стороне, приходят правильные решения. Мусульмане, буддисты, евреи и пятидесятники живут вместе в одном квартале. Мы делим с ними те проблемы, от которых страдают бедные кварталы Америки. В нашем сообществе случалось насилие, включая воровство, грабежи и даже убийства. Но также у нас есть общие празднования и встречи сообщества кварталов, на которых мы обсуждаем как поддерживать чистоту и не допускать наркотиков на нашем районе. В теплую погоду мы начинали утро со сбора мусора вокруг квартала. Это маленькие поступки, которые возникают из свидетельствования.

Похожим образом, когда мы с Джису решили основать Орден Дзен-миротворцев, мы не следовали никакому плану.

Вместо этого мы приняли Три Заповеди[29] как основные принципы ордена. Все, что мы делали, включая создание ордена, наши учебные программы, и даже финансирование ордена, основывалось на них.

И начинается это все через состояние незнания, с клятвы отпустить наши обусловленные реакции и встречаться с неизвестностью. В Ордене Миротворцев мы не спрашиваем себя, какие методы лучше подходят для решения конфликта. Мы пытаемся приходить в ситуацию без привязанностей к идеям и решениям. Только тогда мы по-настоящему можем свидетельствовать. И когда мы становимся каждой возникающей ситуацией, когда мы обнаруживаем себя в пространстве страдания, болезни и отчаяния, возникает исцеление.

Чем шире наше присутствие, тем более объемным и мощным становится исцеление. Наши поступки как миротворцев в любой ситуации будут отражать наше понимание разных аспектов этой ситуации, предел, до которого мы в состоянии присутствовать с ними, и следовательно, тех, кто мы есть.

Если мы действительно верим, что все мы есть одно тело, если мы действительно свидетельствуем такое тело, мы больше не пренебрегать никем.

В Аушвице, до того как начать свидетельствовать то, что произошло там много лет назад, нам пришлось иметь дело друг с другом, и с нашими различиями. Когда мы это смогли, естественным и спонтанным образом возникла близость. Когда мы слышали друг друга, мы начали друг о друге заботиться. В то же время возникла близость между нами и Аушвицем. Имена, которые мы читали, стали нашими именами. Колючая проволока со временем стала мягче. Любовь возвращалась к нам от разрушенных бараков, в которые до этого мы были не в силах войти.

Плод родился из себя. Каждый из нас — этот плод. Клод Томас, свидетельствующий убийство, такой плод. Бельгийская мать, нашедшая в себе силы быть с болью убийцей ее дочери — такой плод. Мы свидетельствуем, и рождается превосходное блюдо. Что это за блюдо? Это жизнь всех и каждого из нас.

---

[29] Незнание, свидетельствование, исцеление

16. Непрерывная практика

Мы начинаем из неизвестного, мы свидетельствуем и возникает исцеление. Потом мы отпускаем то, что видели и чему научились, и цикл повторяется снова и снова. Это непрерывная практика.

Следующий миг никогда не будет прежним. Ингредиенты изменятся. Что сработало однажды, не обязательно сработает в следующий раз. То, что вызвало трансформацию в прошлом, не обязательно приведет к ней снова. Мы должны вернуться в незнание и снова взглянуть на ингредиенты, ибо они уже поменялись. Поэтому сегодняшнее блюдо будет отличаться и от вчерашнего, и от завтрашнего.

Звучит логично, но принять это трудно. Нам нравится думать, что где-то это завершится. Нам нравится думать, что где-то в мире есть волшебный трюк, который будет срабатывать каждый раз. И правда, чем лучше что-то срабатывало, тем труднее это отпустить. Особенно опасным становится то, в чем мы достигли успеха. Раз получив глубокий и восхитительный опыт исцеления, сопровождаемый ощущениями мира и радости, очень сложно отбросить его и каждый раз начинать с начала. Но если так не делать, он будет обуславливать нас действовать такими способами, которые будут неуместны в другой день, для нового процесса исцеления.

Я помню одно из изречений, которые мы произносили в Аушвице каждый раз, когда мы читали Кадиш на английском: “Да будет благословлено, восхвалено, славословлено и превознесено имя твое, Пресвятой, благословлен Он, хоть Он превыше всех благословений и похвал, всех наших песнопений. Всевышний! Всевышний! Аминь!”.

Однажды мы читали эту молитву стоя в месте, где людей заставляли раздеваться, перед тем как отправить в газовую камеру. Это было длинное прямоугольное подземное помещение и люди должны были спускаться по ступеням через небольшой проход. Некоторые из нас стояли там, а некоторые стояли наверху и смотрели вниз. Это было почти слишком сокровенно, спускаться по ступеням в эту большую раздевалку. Когда мы закончили, я поднялся наверх и увидел ребе Дона Зинигера. Он посмотрел прямо мне в глаза и сказал: “Это превыше утешений. Это превыше утешений. Превыше! Превыше!”.

Неважно что мы делали в Аушвице, неважно, какие молитвы читали, какие мы придумывали межконфессиональные ритуалы, неважно что мы говорили в маленьких группах по утрам и в больших по вечерам, неважно как велики были возникшие любовь и исцеление, Аушвиц сам был выше утешения. Случившееся там было за пределами слов, даже за пределами тишины. Просто За Пределом.

Я не к тому, что за время ретритов там не произошло больших исцелений. Никто из слышавших как говорят дети нацистов, слышавших диалоги между евреями и поляками, видевших нас, когда мы сидели пять дней в снегу не может отрицать, что происходило что-то очень важное. Врач, участвовавший в ретрите, позже написал мне такие слова: “Я продолжаю ощущать более глубокую связь с человечностью. Я ощутил такое чувство покоя и умиротворения, которое раньше

не считал возможным. Это очень странно, потому что я не могу понять, как место невероятного ужаса может способствовать такому мощному и тонкому исцелению”.

А наутро мы вновь возвращались в Биркенау. Снова в неизвестное, снова в неизмеримое, в место за пределами утешения. Мы опять возвращались в наш круг, чтобы свидетельствовать. Каждый раз наши сердца разбивались, и слезы текли, слыша друг друга и Аушвиц. К концу дня возникало исцеление, а утром мы вновь возвращались в Биркенау. Снова и снова. Ибо Аушвиц был за пределами единства, за пределами различий, просто превыше, как сказано в Кадише.

Не только Аушвиц, а и вообще все в жизни находится за пределами форм и утешения. “В чем благо оставаться скрытыми?”, спрашивала еврейская женщина, которая хотела покинуть Аушвиц в первый же вечер. Сокрыто все, ничто не может быть зафиксировано в форме. Как только мы попытались это определить — словом, мыслью, песнью — мы это потеряли. Она сказала, что не найдено еще способов, чтобы выразить Аушвиц, и поэтому хотела уехать.

Как учитель дзен я провел много лет, погружаясь в мир без форм, мир незнания, мир единства. Но свидетельствовать — это про форму. Это про практику в мире форм, бесконечных различий и многообразия. Поэтому, вместо того чтобы убегать, я несколько раз возвращался в Аушвиц. И каждый раз он меня шокировал. Умолкают все слова, и ты проваливаешься в неизвестное. В этом состоянии я вижу и слышу глубже, и приходит исцеление. И следующим утром, или на следующий год, я возвращаюсь в Аушвиц, в мир за пределами утешения, и начинаю все с начала.

Потому что эта практика непрерывна.

Часть 3. Свидетельствуя на улицах

17. Неизвестное на улицах

Это историю я рассказывал множество раз. Как-то раз после выпуска из Бруклинского Политехнического института в 1960 году я сидел в пиццерии (пицца — моя любимая еда) со своим другом, и мы говорили о том, что нам делать со своей жизнью. Там и тогда я принес три клятвы: пожить в израильском кибуце[30], отправиться изучать дзен в японском монастыре, и пожить на улице.

В конце концов я выполнил все эти клятвы, но это произошло совсем не так, как я себе это представлял. Я провел какое-то время в кибуце в Израиле вскоре после того разговора в пиццерии. Я также изучал дзен много лет с учителем японского дзен в Лос-Анджелесе, с краткими периодами практик в монастырях Японии. Впоследствии большую часть времени я давал учения на улицах бедных кварталов юго-востока Йонкерс.

Как ученик и учитель дзен, я со своей семьей жил в коммуне с другими практиками дзен. Редко когда у нас была своя квартира. А когда у нас появился дом, мы всегда были окружены учениками, партнерами, гостями и коллегами. Одни мы не оставались никогда.

Но на улицах пока я не пожил.

Я начал думать над уличным ретритом в Боуэри в 1987 году, вскоре после того как мы решили строить жилье для бездомных людей, живших тогда в мотелях Вестчестера. Я помнил свою клятву, данную 27 лет назад. Я хотел единения с людьми, живущими на улицах, а способом это сделать было жить на улице самому. Я не имею в виду, что стал бездомным. Наоборот, с самого начала я ввел правило для себя и тех, кто ко мне присоединялся: если кто-то спросит, что мы делаем на улицах Нью-Йорка, мы говорим правду: мы социальные работники, живущие несколько дней на улице. Мы не бездомные.

В итоге, я провел первый уличный ретрит в 1994 году, четырьмя годами позже. И когда тем апрельским днем наша первая группа из пятнадцати человек собралась в соборе святого Иоанна Богослова, все в старой одежде и с недельной щетиной, у меня не было ни малейшего представления, что будет происходить или что я буду делать, помимо исполнения клятвы, данной в ранней юности.

С тех пор я проводил ежегодные уличные ретриты в Боуэри, обычно в Страстную Седьмицу[31], но, бывало, и в другое время года. Я был на улицах Цюриха, Кельна и Дюссельдорфа. Мой ученик отправлял людей жить на улицы Сиэтла, и не проходит недели без обращений от людей и СМИ с просьбами отправиться в уличный ретрит со мной, или просьбами провести ретрит из разных уголков страны.

Я и сам, после всех этих лет, не совсем понимаю, почему уличные ретриты стали таким сильным опытом для всех, кто их проходил. Зато я знаю, что они стали

---

[30] Социальные коммуны, построенные на принципах соцравенства и взаимопомощи

[31] Неделя перед Пасхой

очень важной практикой для меня и других членов ордена, и что они оказали глубокое влияние на мои представления об обучении и практике.

Это связано с незнанием и присутствием.

В 1991 году мой друг, преподобный Джеймс Мортон, выразил это лучше всего. Он был настоятелем собора святого Иоанна Богослова, и пригласил нас собраться в его кабинете в соборе, по дороге к Центральному Парку. Много лет назад Джим посылал членов церковного клира[32] на улицы Чикаго, это было частью их обучения. Они это называли “Полное погружение”[33]. Мне так понравилась эта фраза, что когда мы основали орден миротворцев, “погружение” стало названием для тренинговых программ вроде уличных ретритов, когда мы посылали членов ордена и кандидатов в необычные и непредсказуемые ситуации.

Я договорился, чтобы мы встретились с людьми, работавшими в одной из программ храма, которые раньше были бездомными. Мы спросили их, чего можно ожидать, и они дали нам несколько очень полезных советов. Они посоветовали держаться подальше от приютов, чтобы не подхватить туберкулез. Они сказали, что если придется спать на улице, то лучше отравиться в Чайна-Таун, где меньше вероятность, что полицейские будут нас прогонять. Они напомнили о том, чтобы мы не снимали обувь даже во время сна, чтобы она внезапно не пропала посреди ночи. А Джим Мортон сказал нам самую важную вещь.

Он сказал: “Больше всего вы узнаете из неизвестного. Случится то, чего вы не ожидаете, и это станет вашим лучшим учителем”.

Он был прав. Множество вещей случились за время уличных ретритов с 1991 года, и все они были неожиданными. Спали ли мы в Центральном Парке или на влажных тротуарах Чайна-Тауна, или ели в благотворительной миссии Боуэри или во францисканской миссии на Западной тридцать первой улице, в майском цюрихском парке или на шагах Капитолия в Вашингтоне холодным январем, на Пасху или Песах, в вагонах метро или трущобы под Манхэттенским мостом, всегда происходили неожиданности. Они и были нашими величайшими учителями.

---

[32] Духовенства

[33] Труднопереводимая идиома to take the plunge, что-то вроде “в омут с головой”, имеется в виду решительный шаг, требующий справиться с волнением и страхом, готовность погрузиться в незнакомую ситуацию

18. Попрошайничество

Уличный ретрит начинается задолго до того как мы покинем свои дома и отправимся в Боуэри. Для одних людей он начинается за месяц, для других за шесть месяцев. Видите ли, люди, присоединяются ко мне на одном условии: им придется побираться. И начинают они до ретрита, собирая *мала*[34]. *Мала* — это нить с нанизанными на нее четками, которые надеваются как браслеты или бусы, вроде католических розариев[35]. Я требую, чтобы каждый собрал *мала* из восемнадцати маленьких бусин, которые стоят по $108 каждая, и одной большой, которая стоит $1080. По правилам они не могут заплатить за них сами. Им нужно найти девятнадцать человек, членов семьи, друзей, партнеров по бизнесу, которые купят им бусины, перед тем как они смогут отправиться на улицу. Эти деньги идут на финансирование проектов Ордена дзен-миротворцев. Я остановился на числе 18, потому что это цифровой эквивалент еврейского слова *Жизнь*. Я выбрал число 108, потому что в индуистской традиции существует 108 имен Бога, а в буддийской традиции есть 108 типов заблуждений.

Я еще расскажу в книге о практике собирания мала, или прошении милостыни. А пока позвольте признать, что требование от людей собрать более $3000, чтобы они могли жить на улицах пять дней без денег, может звучать несколько парадоксально. Некоторые люди и правда считают это возмутительным.

Ну, кое-кто вообще называет возмутительной саму практику отправляться на улицы. Годами мне твердили, что уличные ретриты унизительны и неуважительны по отношению к бездомным. Одни говорили, что раз никто из нас не является по-настоящему бездомным, мы ничему не научимся за пять дней на улицах. Другие звали это трущобным туризмом. Третьи называли это уловкой.

Социальный работник из Цюриха как-то спросил меня, сколько еды, одежды и одеял мы приносим с собой, чтобы раздать бездомным, когда идем на улицы. Когда я сказал ему, что мы ничего с собой не приносим, а вместо этого оказываемся в ситуации, когда сами нуждаемся в том, в чем нуждаются люди на улице, у него упала челюсть: “Тогда я вас не понимаю. Если вы ничего не приносите, что вообще вы делаете?”

Я знал одного корейского буддийского монаха, который долгие годы работал с умственно-отсталыми подростками. Вместе они построили храм в Корее и он посвятил их в буддийские монахи. Люди считали его сумасшедшим. Что значит посвятить отсталых в монахи? Что он им давал? Он ответил, что не давал им ничего, ибо давать им было нечего, все они были Буддами, просветленными существами. А потом добавил: “Глазами Будды мы все отсталые”.

Я рассказываю эту историю не для того, чтобы провести параллели между людьми на улице и умственно отсталыми, а чтобы прояснить наши действия. Мы не отправляемся на улицы, чтобы дать людям вещи или чтобы убедить их изменить

---

[34] Четки в духовных практиках индуизма

[35] Четки в католичестве

свою жизнь. Нечего приносить, и некого менять. Есть лишь проблемы с едой, сном, где пописать, где покакать, как согреться и посушиться, когда ты живешь на улице.

И все равно многие люди говорили мне, что идти на улицы — это сумасшествие. В чем-то они правы, это действительно сумасшествие. Я хотел проделать дырки в парадигмах людей. Как часть практики обучения, я пытаюсь толкнуть людей в проживание определенного опыта вместо своих концепций о нем. Каждый раз, когда я это делаю, это создает проблемы с концепциями. А когда наши парадигмы и концепции перестают иметь смысл, мы огорчаемся.

Позвольте привести небольшой пример. Когда мы только начали развивать орден, я отчеканил фразу “Служитель-Воин”, чтобы описать роль конкретных активистов и учителей ордена. Но люди стали возражать, говоря что *служитель* подходит, а *воин* нет. Воин подразумевает войну, агрессию и смерть. Некоторые члены ордена не хотели иметь с этим словом ничего общего. Мало того, утверждали они, эти два слова несовместимы. Согласно нашим обычным представлениям, *служитель* значит одно, а *воин* — нечто совершенно иное. Люди были не готовы увидеть, как эти двое могут работать вместе, как один индивидуум может сочетать в себе качества того и другого, становясь чрезвычайно могущественным миротворцем. Они считали этот термин возмутительным.

Так же и с моей просьбой к людям собирать деньги, чтобы потом без гроша идти на улицу. Большинство людей считает, что с просящим милостыню на улице что-то не так. Они смотрят на него и спрашивают, или по крайней мере думают: “Чего он не найдет работу?”. Нас научили думать, что способ зарабатывать деньги — это работа. Когда мы видим кого-то, кто их просит, в нашем разуме возникает вопрос и подозрение: “Что происходит?”. Если надолго остаться с этим вопросом, вместо того чтобы думать о своих делах, возникнет сдвиг в сознании. Наша жизнь изменится.

Хайнц-Юрген Метцгер, житель Германии, который вовлечен в работу ордена, попросил меня провести ретрит в его стране. Я согласился, с условием что участники попросят деньги у друзей и соберут свои *мала*. Хайнц немедленно ответил, что в Германии это не пройдет. Он объяснил, что в Германии люди привыкли, что обо всем позаботится правительство. Вот почему они платят высокие налоги. Частные пожертвования не так распространены, как в Америке. А покупать кому-то бусины для малы, чтобы он смог жить неделю на улице посчитают полным бредом. Я все равно посоветовал ему попробовать.

Три месяца спустя он позвонил. Он завершил собирать свою мала. Пока он это делал, он не только изменил свое отношение к тому, что возможно в Германии, но и поднял множество вопросов в головах людей, которые ему жертвовали. Кто-то посчитал это возмутительным, и не дал ничего. Другие решили так же, но задумались. Ситуация выглядела бессмысленной, поэтому они хотели узнать больше. Некоторые из них дали ему деньги, некоторые нет. Он сказал, что это был очень интересный опыт.

Как учитель миротворцев, я вижу свою роль в том, чтобы поместить людей в состояние вопрошающего разума, разума сомнений. Однажды состоятельный

благотворитель Greyston, пожилой человек, присоединился к нам в походе на улицы.

Он спросил: “Сколько надо собрать?”

Я ответил.

Он сказал: “Я выпишу чек”.

Я сказал: “Я не возьму ваш чек. Вам придется пойти к друзьям и попросить их дать денег”.

“Бред”, сказал он, — “я и есть тот, к кому люди приходят, когда им нужны деньги. Я сам никогда просить не пойду”.

Конечно, это был бред. Именно поэтому я его и попросил это сделать. Я не хотел чтобы он вел себя согласно своей норме, давать деньги. Я хотел чтобы он пошел против нормы и попросил.

Для людей это большая проблема. Многие слышали о наших уличных ретритах и спрашивали, могут ли они присоединиться. Я бы сказал, что большинство из них идет, потому что они отказываются просить денег у друзей и семьи. Они готовы дать в двадцать раз больше, лишь бы не просить. Ровно так же они готовы приносить бездомным еду и одеяла в любой день недели, но только не просить еду и одеяло самим. Просить, побираться — не норма.

Но поступать согласно вашей норме не приводит ни к каким сдвигам. Вот почему Мать Тереза как-то сказала, что вы должны отдавать до тех пор, пока не ощутите боль. Нужно давать так много, чтобы это заставило вас задуматься, а потом еще больше, пока не бросит вызов вашим парадигмам и нормам. Только так происходят перемены.

Помню, как был на еврейской свадьбе в Бруклине. После церемонии мы сели ужинать. Это было довольно ортодоксальное мероприятие, мужчина сидел на одной стороне комнаты, женщина на другой. Почти сразу к столу побежал ручеек из ортодоксальных евреев, многие из которых были раввинами, с просьбами денег на разные дела: школы, синагоги, приданое невесты и так далее. Они подходили один за другим, останавливаясь у гостей, сидящих вокруг стола, каждый гость лез в карман и давал им деньги. В мире ортодоксальных евреев, когда случается *Симха*, или счастливый случай, двери для людей, нуждающихся в деньгах для себя или других, всегда открыты.

И вот одного из моих соседей по столу это утомило. “Я каждый день подаю одному халявщику за другим”, сказал он раввину, просившему о пожертвовании, — “Хорошего понемногу”!

Раввин посмотрел на него с недоумением и парировал: “Что вы имеете в виду, хорошего понемногу? Вы должны быть благодарны мне, что я позволяю вам давать. Благодаря мне у вас есть шанс сделать великую *мицву*!”. Мицва[36] — это

[36] В иудаизме — предписание, заповедь. Используется также в качестве синонима хорошего поступка и доброго дела.

благодеяние. В Ордене Дзен-миротворцев благодеяние это действие, которое рождает сомнение в чьей-нибудь голове. Внезапно возникающий вопрос. А когда есть вопрос, мы в пространстве незнания.

Миротворцам, сопровождающим нас на улицах, приходится поговорить с друзьями. Они рискуют получить отказ, гнев и безразличие. И что более важно, они задумываются, о чем это все. И их друзья тоже. Парадигмы каждого немного сдвигаются. И все потому, что мы просим денег.

В конечном счете, они обнаруживают, что это не про отказ или принятие, вовсе нет. Просить деньги значит дать кому-то возможность совершить мицву, доброе дело. Это значит дать им пищу. Если они едят, хорошо. Не едят — тоже хорошо. Все что мы можем, это предложить.

Когда мы отправляемся в Боуэри свидетельствовать жизнь на улицах, мы предлагаем себя. Не подстилки, не еду, не одежду, а только себя. Мы снимаем вещи, с которыми идентифицируем себя: часы, драгоценности, деньги, кредитные карты. Как служитель дзен, обычно я хожу чисто выбритым и с бритой головой. Эту идентичность я тоже оставляю позади, и к тому моменту как мы выходим на ретрит, я отращиваю волосы и бороду. С собой у нас то, что надето на нас, больше ничего. На первых уличных ретритах я разрешал людям взять с собой два доллара в день на экстренный случай. Сейчас мы не берем деньги.

Это не значит, что мы полностью избавляемся от наших идентичностей. Все мы знаем, что это только на пять дней, а потом, вымотанные, мы вернемся домой, к горячей ванне, горячей еде, и чистой теплой постели. Так же и еду из ничего мы тоже не можем приготовить. Даже если вы купите новые продукты, все равно будете использовать старые кухонные приспособления, старые рецепты, а самое главное, свои старые правила и навыки готовки — как приготовить хорошее основное блюдо, как накрыть стол и все такое. Так что хоть мы и не бреемся и у нас нет денег, мы берем свои чувства и мысли с собой, а для многих из нас это мысли и чувства людей с хорошими домами и прочной жизнью.

Но улицы обладают забавными способами действовать на людей. Когда мы начинаем свой путь из Йонкерс в Боуэри, наш поход в неизвестное, мы несем с собой следы наших идентичностей, обусловленностей, ожиданий, образов себя.

В успешные дни большая часть из этого отвалится. Когда наш разум входит в неизвестное и мы свидетельствуем жизнь на улицах, слова Джима Мортона становятся правдой. Непредсказуемое — улица — становится нашим учителем.

19. Леттен

Во время наших уличных ретритов мы следуем нескольким правилам. Мы всегда разбиваемся на небольшие стаи, по три-четыре человека. Каждая стая ищет свой способ добывать еду, общаться с другими людьми на улицах и быть в сухости и тепле. Члены каждой стаи должны держаться вместе. Мужчины отдельно от женщин, потому что некоторые раздающие еду учреждения обслуживают людей только того или иного пола. Но ночи мы проводим вместе. Также мы стараемся собраться дважды в день на медитацию и молитву, в заранее назначенном мной месте.

Это место встречи очень важно. В течение первых пяти ретритов мы собирались в бомжатнике на углу Кристи и Хьюстон в нижнем Манхэттене. Люди там повсюду кололись, а мы сидели на заброшенной баскетбольной площадке. До начала сессий медитации мы каждый раз убирали иглы, ампулы, осколки и мусор, валявшийся на земле. В 1995 я пошел посмотреть на парк перед очередным уличным ретритом, и обнаружил, что он на реконструкции. Квартал обновлялся, и парк закрыли на реновацию. Я понял, что прежним он уже не будет, поэтому мы переместились в парк на Томпкинс-сквер в Алфабет-сити, неподалеку от Боуэри.

Что это за места такие, где мы сидим вместе, в некоторые дни греясь под солнцем, а в другие сгрудившись вместе от холода и влажности? Почему меня тянет сидеть там, медитировать, проводить службы?

В ранние годы я выбирал эти места интуитивно, не зная точно, почему. После первого посещения Аушвица я понял, что места великого страдания также были местами великого исцеления. Но исцеление не возникнет, пока мы не сможем свидетельствовать страдание.

Большинство из нас это упускает. Мы видим людей, спящих днем на бетоне, пускающих дурь по вене, писающих на глазах у всех, потому что у них нет туалета, или собирающихся вокруг горящей бочки с бутылками в бумажных пакетах. Мы видим мусор на земле и граффити на стенах. Мы видим место страдание и хаоса, и хотим уйти. Но в попытке отгородиться от страдания мы никогда не увидим возможностей для исцеления. У каждого из этих мест есть невероятная исцеляющая энергия, не только для тех кто там живет, но и для нас, приходящих туда, чтобы свидетельствовать.

В мае 1993 года я участвовал в межконфессиональной конференции в Швейцарии, неподалеку от Цюриха. Иезуит, организовавший ее, отец Никлаус Бранчен, однажды был с нами на улицах Нью-Йорка. Он пригласил меня на конференцию, и рассказал мне об известном цюрихском нарко-парке, который назывался Леттен. Незадолго до этого, власти Цюриха, осознавшие рост употребления наркотиков, начали эксперимент. Они выделили большую набережную размером с футбольное поле почти в центре города, в шаговой доступности от станции железной дороги, и разрешили в ней продажу, покупку и употребление наркотиков. Идея состояла в том, что у зависимых должно быть безопасное место, в котором они могли покупать и употреблять наркотики безопасно, вместо того чтобы делать это нелегально, влезая в криминальные или опасные дела, чтобы удовлетворить свою привычку. Им выдавались бы чистые

иглы, чтобы предотвратить распространение заболеваний. А вынося это в публичное место, они надеялись, что социальным работникам и наркологам будет проще добраться до употребляющих наркотики.

К несчастью, кроме заполонивших Леттен швейцарских наркоманов, к ним присоединились и другие. Дилеры и употребляющие съехались в Леттен со всего света, включая юго-восточную Азию и Южную Америку, чтобы воспользоваться легальным рынком наркотиков.

После конференции меня отвезли в Леттен. Думаю, увиденного там мне в жизни не забыть.

Леттен располагался на низкой набережной рядом с железной дорогой, по обе стороны реки, впадающей в озеро Цюрих. С краю до краю люди кололись героином, нюхали кокаин, торчали на всевозможных наркотиках. Мы начали свой путь сквозь Леттен, и там были тысячи людей. Некоторые были полностью упоротыми, некоторые в галлюцинациях. Поодиночке и парами, или небольшими группами, они обменивали пачки денег на наркотики. Там было настолько тесно от людей, что иногда приходилось протискиваться сквозь них. Кто-то распластался на земле, абсолютно безразличный к тому, что мы проходили мимо. Представьте себе открытый рынок, на котором продается еда со всего мира, полный фермеров, поставщиков, покупателей, ритейлеров, оптовиков и людей, которые едят все что они купили прямо на месте. А теперь представьте такой же рынок, только с наркотиками вместо еды, и вы получите маленький отблеск того, как выглядел Леттен в Цюрихе в тот субботний день.

Нам сказали, что каждый день оттуда выносят шестнадцать тысяч игл. Шагу было не сделать, чтобы на них не наступить, обходя тысячи наркоманов, лежащих в ступоре на траве, купающихся или моющихся в реке, не обращающих на нас никакого внимания.

Даже дилеры нас игнорировали, занятые обменом купюр всех номиналов. Посмотрев вверх, я увидел полицейского высоко на набережной, наблюдающего за сценой. Я почувствовал себя сцене из “Ада” Данте. Повторюсь, я был окружен голодными духами. Вокруг меня были их по большей части молчаливые крики, галдящие, требующие, нуждающиеся, всегда голодные. Наркоманы были как овцы в загоне, подальше от прекрасных улиц города, подальше от глаз общества.

У дилеров было оружие, чтобы защищать свои деньги, их лица были полны жадности в ожидании прибыли. А совсем недалеко была улица Банхофштрассе, улица с одними из самых дорогих магазинов Европы, полная банков, отмывающих деньги торговцев для дальнейшего использования. Леттен был полон жадности, гнева и безразличия. Это была живая метафора общества отвержения, обвиняющего страдальцев, пособничающего и подстрекающего преступников, наживавшегося на страдании, избегающего ответственности и отводящего глаза.

Там и тогда я понял, что я должен вернуться и сидеть в Леттене несколько дней в окружении ампул, игл, спичек и белого порошка, под безразличным взглядом швейцарского полицейского, оберегающего общественность от контакта с ее

собственной болезнью и болью. Я почувствовал сильный зов сидеть прямо посреди этого всего.

Но за месяц до моего следующего визита в Цюрих Никлаус проинформировал меня, что Леттен закрыли. Власти Цюриха решили, что с них хватит. Эксперимент не сработал. Они не рассчитывали, что так много иностранцев, прибывающих в город на поездах, сразу будут направляться в Леттен. И эта ужасная сцена оскорбляла их чувства. Так что одним днем, безо всякого предупреждения пришли полицейские и выкинули всех из Леттена, оставив его голым и пустым.

Но это был не конец. Наркоманов продолжало тянуть в Леттен как магнитом, даже несмотря на то, что продавать наркотики там было запрещено. Полиция полностью огородила территорию, чтобы никто не мог попасть внутрь.

Меня тоже тянуло в Леттен. Я никогда не видел такого человеческого упадка, так плотно сконцентрированного в одном изолированном месте. По сей день я жалею, что так и не смог провести несколько дней в центре всего этого страдания.

Люди меня спрашивали: “Что бы случилось, если бы ты сидел днями или даже неделями в Леттене? Думаешь, кто-то прекратил бы колоться? Думаешь, кто-то прекратил бы продавать наркотики, потому что ты там сидел”?

Мой ответ — я не знаю. Когда ты свидетельствуешь, ты идешь в это без предвзятых мнений о том, что увидишь и что произойдет. Я хотел сесть там и выяснить. Свидетельствовать — значит иметь отношения. Я хотел отношений с Леттеном и его обитателями, как впоследствии я пожелал отношений с Аушвицем и всеми его обитателями, как я стараюсь делать с местами, в которых мы сидим во время уличных ретритов, и всеми их обитателями.

Исцеление возникает из свидетельствования, из отношений. Я не знаю, в какой форме, через какие действия или события, или человека. Но я точно знаю, что в Леттене возникло бы исцеление. Плод родился бы сам из себя.

Поскольку Леттен был больше недоступен, мы провели уличный ретрит в другом парке Цюриха — Бекеранлаге, за Гельветиаплатц. Глазами кого-то из Нью-Йорка, кто проводил время на улицах Нью-Йорка и Йонкерс, на первый взгляд парк Цюриха выглядел иначе. Подстриженная трава. Матери с колясками, прогуливающиеся по парку в течение дня. Сцена для концертов. Никакого мусора на земле. Но если посмотреть повнимательнее, вы заметите группы молодых людей, сидящих на траве, передающих наркотики. Молодая женщина забилась в конвульсиях не дальше чем в трех метрах от места, где мы сидели на нашей вечерней медитации.

Поскольку приближалась ночь, мы принесли пластмассовые и картонные коробки с окружающих улиц. Мы провели ночь на деревянных ступенях сцены бок о бок с завсегдатаями парка, их бутылки со спиртным были на расстоянии вытянутой руки. Парк совсем опустел, нас оглядывали только фары часто проезжающих полицейских машин. Наша группа включала иезуитов и монашек, но эти лучи обшаривали нас так же тщательно, как и остальных. В середине ночи один из бездомных начал сердито бубнить, что мы должны уйти, потому что из-за нас

придет полиция и всех выкинет. Но его друг сказал, что мы хорошие люди, а один из наших, юный иезуит, напомнил ему, что парки, в конце концов, для всех.

В два ночи я отказался от перспективы спать на холоде. В том уличном ретрите меня сопровождала моя ученица Ева Марко. Она была одной из тех, кто был резко против уличных ретритов, когда я только начинал в 1991 году. На ретрите в Цюрихе она первый раз была со мной на улице. Тем ранним утром мы бродили туда-сюда по окрестностям парка. Это был квартал красных фонарей. Когда мы проходили мимо, окна открывались и из них выглядывали женщины в ожидании клиентов. Нам сказали, что многие русские девушки приехали в Цюрих, чтобы заниматься проституцией. Их сутенеры стояли на углах, и когда мы подходили ближе, изучали нас взглядом, пытаясь угадать наши намерения.

Теперь ежегодно в мае в Цюрихе проходят уличные ретриты в парке Бекеранлаге. Кроме того, небольшие группы медитируют там каждую неделю. Парк притягивает их как Леттен притягивал меня, так же как я ощущаю чувство дома, подходя к парку на Томпкинс Сквер в Нью-Йорке. Вообще, одна из членов группы, работающая в этом районе сказала мне, что приходит в парк почти каждый день. Говорит, ничего не может с собой поделать.

Из года в год мы видим, как меняется наш нью-йоркский парк. Временами было запрещено сидеть на траве в парке на Томпкинс Сквер, потому что ее пересаживали. Теперь там больше охраны, включая двоих возле туалетов, наблюдающих за всеми, кто заходит, и закрывающих их строго в пять вечера. В кабинках нет дверей. Полиция постоянно патрулирует. За время, проведенное там, мы познакомились с завсегдатаями, игроками в шахматы, Королем и Королевой Панка, которые попрошайничают на углу со своей собакой. Если с этим парком произойдет слишком много перемен, и больше я его не буду ощущать таким как раньше, как случилось с парком на углу Кристи и Хьюстон, вероятно я буду искать новое место, где можно сидеть, медитировать и вообще тусоваться.

Я ищу особой энергии, энергии свидетельствования. В Аушвице, Леттене и запущенных городских парках люди теряют своих обертки и притязания. Они теряют свое знание. Тогда они и начинают видеть все на глубоком уровне и присутствовать.

А что конкретно мы делаем в этих парках? Дважды в день, утром и поздним вечером мы проводим получасовую медитацию, сидя где разрешено, на траве или на бетонных лавках. Также мы проводим буддийские службы, которые мы в нью-йоркском сообществе дзен ведем уже многие годы, выражая наше — и мое — служение. В частности, в них говорится:

“Взращивая разум сострадания, предложим же высшее блюдо всем голодным духам сквозь пространство и время, от мельчайшей частицы до широчайшего простора. Сюда, все голодные духи десяти измерений. Разделяя ваши муки, я предлагаю вам эту пищу, в надежде что она утолит ваш голод и жажду”.

20. Где мы едим

Мы едим в социальных столовых. Мы едим в церквях, миссиях и мечетях. Мы попрошайничаем, выпрашивая кофе, чай, а иной раз и свежие фрукты в буфетах и ресторанах. Нам дают тосты с сыром на завтрак в францисканской миссии на Западной Тридцать Первой.

Я люблю кофе. Я всегда был поклонником кофе; я пью его весь день, и вечером тоже. Я шучу, что ночью мне нужна чашка крепкого кофе, чтобы уснуть. Но если вы пьете кофе, вы захотите пи*с*ать. После первого уличного ретрита я усвоил, что кофе на улицах надо избегать. К тому же, добыть его там непросто. Во многих местах, где тебя угостят сэндвичем, кофе не дадут. Чашки с кофе не завернешь в пакет и не засунешь в коробку про запас, чтобы потом раздать. Кофе готовят порциями, и надо его сохранять горячим.

Помню как мы выпрашивали кофе на нашем первом уличном ретрите. Это было той ночью, когда мы спали в картонных коробках на улицах Чайнатауна. Было холодно и шел дождь. На самом-то деле, дождь шел каждый день того ретрита. Мы нашли коробки и пластик, и разложились. Группа решила, что на сегодня хватит, но мне была нужна моя доза, моя вечерняя чашка кофе. Поэтому я стал просить денег. Мне уже говорили, что в Чайнатауне попрошайничать непросто. Прошло много времени, перед тем как кто-то наконец дал мне четвертак[37]. Я положил его в мой пластмассовый стакан, которым я пользовался в Миссии Боуэри, где мы ужинали, и, вооруженный четвертным и пластмассовым стаканом я пошел выпрашивать кофе. Ни в одном заведении Чайнатауна мне кофе не налили.

Наконец, я вошел в кофейню в подвале, на несколько ступеней ниже уровня земли. Я подошел к кассе и спросил у мужчины: “У меня есть чашка и четвертак. Можно мне немного кофе?”

Мужчина оглянулся на кого-то позади него, очевидно на начальника. Тот взглянул на меня. Я был грязный и мокрый от дождя. “Угу, налей ему”, — сказал начальник.

Мужчина налил кофе в мой пластиковый стакан, а я положил четвертной на кассу. Я почувствовал себя очень счастливым. Это был первый раз, когда я побирался на улице, и наконец, после нескольких часов я добыл свою чашку кофе. Я вышел наружу, стал подниматься на улицу и поскользнулся на мокрых ступеньках. Чашка выпала из рук, и я с ног до головы облился горячим кофе.

Мы не теряем свои личности или привычные способы что-то делать только лишь потому, что мы на улице. Наши стили, наши идиосинкразии, наши конкретные способы добывать еду и выживать просвечивают даже сквозь грязную уличную одежду без денег в карманах. Один из тех, кто выходил со мной на улицы, просит милостыню, играя на флейте сякухати. Клод Томас, пользуясь своим большим опытом участия в реабилитационных программах, ходит с одного собрания на другое в поисках бесплатного кофе и пончиков.

---

[37] Монета в 25 центов

На одном из наших уличных ретритов бездомный, живущий в трущобах под Манхэттенским мостом сказал нам, что он никогда не ест в социальных столовых, потому что еда в них ему не нравится. Вместо этого он идет в рестораны по Фултон-стрит и подбирает остатки со столов. Услышав это, мы пулей рванули на Фултон-стрит. Там мы обнаружили ресторан “South Sea”, в котором подавали пиццу, салаты и пасту. Конечно же, люди оставляли недоеденные блюда на столах. Одним из участников ретрита был CEO[38] фирмы звукозаписи. Пока остальные наблюдали, он взял пластиковый мешок, поспешил к пустым столам и стал собирать остатки и объедки в большой мешок. Клиенты были уверены, что Томми был официантом. Ему удалось набрать прилично, пока его оттуда не выкинули.

Томми также был лучшим в деле сбора алюминиевых банок. Он находил самые большие и лучшие картонные коробки для сна. Его предпринимательские навыки сияли. Не имело значения, что он был на улице без гроша, в любой ситуации он добивался успеха.

С самого начала друзья, которые жили на улице, говорили нам, что мы сможем найти много еды. С годами я обнаружил, что почти всегда это так и было. Так что хоть прилечь в постель бездомным негде, мы ели когда могли; столовые для бездомных с радостью нас кормили. Чего на улицах не хватало, так это свежих овощей и фруктов, но и их мы иногда находили.

Еще я с самого начала отметил, что у станций раздачи еды и миссий были свои способы раздавать еду, прямо как у людей. Поэтому на каждом ретрите я взял за привычку посещать разные места, чтобы люди со мной могли увидеть множество разных способов давать, существующих на улице.

Францисканские монахи демонстрируют свои привычки, стоя снаружи миссии, неподалеку от угла Мэйси и Геральд-сквер, раздавая сэндвичи с сыром. Некоторые социальные столовые возле Боуэри управляются движением “Католические Рабочие”[39], и одни из них обслуживают только женщин, другие и женщин, и мужчин. В последних дают замечательный суп и хлеб, под тяжелый рок и рэп из колонок. Женщины из нашей группы сказали нам, что в другой столовой потише. Она расположена в здании, где жила и умерла Дороти Дэй, основательница движения “Католических Рабочих”, а ее сотрудники сидят за небольшими столиками и рады поболтать с теми, кто приходит. По некоторым дням недели они даже приглашают принять душ. Также в этой столовой есть маленький секонд-хенд, где можно поискать шляпу или шарф, а может и свитер, чтобы не мерзнуть.

Еще есть Миссия Боуэри, где мы молимся перед едой. Миссия Боуэри каждый день кормит сотни людей, и служба перед обедом обязательна. Певцы, пасторы и небольшие группы юных прихожан приезжают со всей страны, чтобы в сопровождении органа, гитар и других музыкальных инструментов проповедовать

---

[38] Chief Executive Officer, генеральный директор

[39] Свободная ассоциация независимых католических общин, близких к христианскому анархизму.

в миссии Боуэри. Некоторые жалуются, что приходится выслушать проповедь и отстоять службу перед тем, как покормят.

Я понял многие вещи за время моей работы в Йонкерс и жизни на улицах. Одна из них это то, что наркотики — религия улиц. На мгновение они будто бы создают трансформацию бедности и страдания. После нескольких глотков или уколов люди не замечают, что голодны, что они потеряли семьи и им некуда пойти. На короткое время они чувствуют себя важными, желанными, и что боли больше нет. Конечно, когда их отпускает, они чувствуют еще большую боль, и теперь нужна еще большая доза. Бездомным, подсевшим на наркотики и алкоголь, нужна великая вера, что если они перестанут пить или употреблять, их жизнь станет лучше. Такой верой может быть вера в Христа или Аллаха.

Естественно, многие из людей, кто пришел поесть, засыпают на службе. Но в конце, когда присутствующим предлагают выйти вперед для причастия, некоторые выходят. Если ты подходишь, чтобы засвидетельствовать свою веру во Христа, тебя приглашают остаться в миссии, жить и работать там, сделать, наконец, шаг к постоянному дому и работе. Неважно, причастился ты или нет, после службы сытно кормят.

О миссии Боуэри я слышал от Оскара, одного из жителей Greyston Family Inn, еще до нашего первого ретрита. Он тепло отзывался о двух годах, проведенных там, до прихода в Greyston. В частности, он посоветовал мне найти брата Джеймса, который бывал с ним в миссии, а потом стал там работать. Только вот тогда он мне не сказал, что он и был тем самым братом Джеймсом, и назвался так, чтобы узнать, когда мы придем и позаботиться о нашем благополучии.

Серые, мокрые и голодные мы вошли в миссию Боуэри (это был самый мокрый ретрит из всех). После дней без сна, дождя и холода, мы не думали, что будем так уж сильно выделяться. Я даже попросил всех идти поодиночке и смешаться с людьми, чтобы наша группа не выглядела подозрительно. Но к поэтессе Анне Вальдман подошел молодой человек, и спросил, кто она такая. Она сказала ему правду. Мы были группой активистов, неделю живущих на улице. Брат Джеймс нас нашел.

Большой, дородный мужик, он говорил с собравшимися, рассказывая о программах миссии, включавших жилье и работу, помимо ежедневной раздачи еды для сотен людей. В один из дней, когда мы сидели за столами, за которыми позже будем ужинать, он спросил, хотим ли мы услышать его историю. Мы хотели, и он стал рассказывать.

Как и у многих людей, находившихся там, в его судьбе было много жизней. Многие годы он был наркоманом и торговал наркотиками, зашибал кучу денег. Жизнь шла в гору, а потом покатилась под откос, и в конце концов он все потерял, оказавшись на улице. Он не только был бездомным и нищим, еще он был злым. Особенно он ненавидел белых. Однажды ночью он лежал на скамейке в вагоне метро, пытаясь поспать. Было два ночи. Внезапно он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и посмотрел наверх, готовый убить будившего его, скорее всего копа. Но это был не коп. Это была женщина.

“Она выглядела прямо как вы”, — сказал он одной из белых женщин в нашей группе, — “она тоже была смелая. Она не знала, что это было смело, но я-то знал, кто еще стал бы вот так меня будить? Потому что я убить был готов. И знаете, что она мне сказала? Что она сказала большому, злому, немытому и небритому вонючему мужику с красными глазами и в рванье? Знаете? Она сказала: ‘Что такой мужчина как ты делает в этом месте?’. Вот что она сказала. Так и сказала. Я был настолько поражен, что так и сел. Сначала я думал, что прибью ее за то, что разбудила меня. Но я просто уселся. Она дала мне визитку с названием этого места, Миссии Боуэри, и сказала отправляться сюда. Так я и сделал. С тех пор я здесь.”

Не у каждого в миссии была история успеха, похожая на историю брата Джеймса или Оскара. Джеймс сказал, что он видел многих, кто приходил и уходил. Он видел как люди остаются чистыми 20 лет, а потом спотыкаются.

В 1991 году, во время нашего первого визита в Боуэри я встретил Бенни. Бенни работал в команде. Много лет употребляя наркотики, он подхватил СПИД. Мне редко доводилось видеть кого-то более позитивного и оптимистичного. Он каждую неделю отправлялся на грузовике в парк на Томпкинс-сквер, и привозил горячий суп и брошюры об Иисусе Христе. Он был маленький и худой, он умирал. И до самого конца он продолжал раздавать еду бездомным вокруг Боуэри, отпуская шуточки и призывая приходить в миссию, рассказывая что Иисус Христос был его Спасителем. Именно Бенни двумя годами ранее привел Оскара в миссию. И даже после того как Оскар переехал в Greyston, он продолжал навещать Бенни и помогал ему в работе. Бенни умер в 1995 году.

Мы узнали, что раньше на месте миссии Боуэри был морг.

Они говорят: “Раньше они приходили мертвыми и уходили мертвыми. Теперь некоторые приходят мертвыми, а уходят живыми”.

21. Бесцельные шатания

На уличных ретритах у нас тоже есть расписание, как и на любом другом ретрите. Разница в том, что следовать ему невозможно.

Например, в расписании оглашены встречи для медитации и молитвы дважды в день в парке на Томпкинс-сквер. Так разные стаи[40] могут собраться вместе, отметиться и обсудить свой опыт. Если вдруг кто-то потеряется, они знают, где нас найти. Но на улице свое расписание. Может пройти слух, что где-то в полдень подают хороший обед с мясным рулетом. А на месте оказывается, что он двумя часами позже. Или в Великую Пятницу[41] мы попадаем на христианскую мистерию на авеню Б. К тому моменту как она закончится, мы уже на несколько часов опоздаем на встречу в парке.

Но расписание остается критически важной частью ретрита. Оно дает нам какой-то каркас, базовую структуру, к которой мы возвращаемся, когда позволяют события дня.

Еще мы много ходим. А ходьба, особенно после всего пары часов ночного сна, обычно требует больше времени, чем кажется. В расписании я указываю это как “бесцельные шатания”. Многие из нас, до того как отправиться на улицы, живут очень суматошной, структурированной жизнью, где каждый час расписан. На улицах бы все бесцельно бродим, глядя на происходящее со стороны улицы. Мы замечаем такие вещи, заметить которые в обычной жизни у нас времени нет. Мы хорошенько осматриваем подвалы вокруг квартала, граффити на стенах, разрушающиеся и ремонтируемые здания, людей, сидящих на верандах, состояние асфальта, школьные дворы и парки, мусор, скопившийся в углах. Мы говорим с людьми. Спрашиваем, как у них дела. Спрашиваем, где есть хорошее место, чтобы поесть. Мы начинаем замечать все больше и больше ингредиентов. Мы начинаем свидетельствовать.

Мы идем по Восьмой авеню от Пенн Стейшн прямо перед рассветом, после того как полиция выгоняет нас из зала ожидания, проходя мимо людей, одного за другим, один светофор за другим, никаких часов на наших руках, никаких встреч, на которые надо успевать, идем повсюду, приходя в никуда. только холодный рассветный туман, горячий воздух из вентиляции подземки, грузовики, спешащие на ранние развозки. Мы просто идем, просто бродим, ничего особо не делая.

Когда я отправляюсь на улицу, я чувствую, словно оставляю позади все мелочи и заботы моей обычной жизни. Я чувствую легкость в ногах и в сердце. Жизнь проста. Когда идет дождь, пытаемся найти сухое место, иначе промокнем. Когда холодно, пытаемся найти тепло, иначе замерзнем. Если мы устали, значит устали. Если мы голодны, то голодны. Ничего сложного.

Большинство людей, которые присоединяются ко мне, чувствуют то же самое. Будь они корпоративными управленцами или востребованными профессионалами,

---

[40] Небольшие группы, на которые делятся участники ретрита

[41] Пятый день Страстной недели, посвященный распятию, страданиям и смерти Христа

они говорят, что на уличных ретритах они чувствуют себя свободнее, чем за многие годы жизни. По иронии судьбы, люди в их домах и офисах думают, что они сошли с ума. Но на улице, без денег и кредитных карт, в одной одежде, что на них надета, они счастливы. В действительности то, что пугает их друзей — отсутствие идентификации, средств, кучи одежды и обуви, дома, безопасности — именно это и дает вкус простоты, свободы и даже радости. Ибо они тоже поняли, что на улицах есть все, что им нужно.

На улице мы можем найти все, в чем нуждаемся, если сдвинем нашу парадигму. Если мы хотим найти место для сна, а ищем мягкую комфортную кровать, то не найдем. Но когда мы начнем искать все, что может пригодиться для сна, мы обнаружим картонные коробки, пластик, выброшенные одеяла и куртки, и даже старый меховой жилет. Мы обнаружим, что газеты, засунутые в обувь, становятся хорошей защитой от холода. Этот процесс — отражение того, насколько быстро и до какой степени мы можем избавиться от своих представлений и знаний.

Когда Ева сопровождала меня на ретрите в Цюрихе — в свой первый раз на улице — она не хотела собирать картон и пластик, чтобы поспать, потому что они были грязными. Обычно она так ко сну не готовилась. После ночи, проведенной без них, она поняла, зачем они были нужны, и с энтузиазмом стала их собирать. На том же ретрите был парень, который притащил с собой целый рюкзак с крутым спальным мешком. Это было против правил, тем не менее, он отправился с нами, таскаясь с этим мешком целый день. Естественно, это ограничивало его возможность бесцельно бродить. Ночью ему было тепло, но это противоречило цели его похода на улицу — исследованию ингредиентов под руками и приготовлению пищи из того что есть. Он принес ингредиенты из дома. Если бы вместо этого он бесстрашно отправился в путь, он бы обнаружил, что на улицах есть все что нужно.

Один из моих учеников с Лонг Айленда как-то раз пошел со мной на улицы. Он забыл дома ремень, поэтому у него были проблемы с поддержанием штанов, и это стало препятствием для его бесцельных прогулок. Одна из женщин в группе умела шить. Она нашла на улице сетку из-под картофеля. Катаясь ночью в подземке с одного конца города на другой, чтобы побыть в тепле, она распустила сетку и связала нити вместе, сделав ему ремень. Этот ремень прекрасно справился со своей задачей.

Конечно, когда мы ходим, зачастую у нас есть цель или место назначения. Вы можете провести весь день, не делая ничего, кроме прогулок с завтрака в туалет, в парк Томпкинса, снова на обед, в туалет, в парк Томпкинса, в буфет попросить чашку кофе, в туалет, опять поесть, найти место для сна, найти пластик и картон. Вы начинаете понимать, почему бездомные так много ходят. После бессонных ночей на Пенн Стейшн, в подземке, в Центральном Парке, на тротуарах вы понимаете, почему многие из них спят днем. Ночью особо не поспишь, потому что холодно и полицейские гоняют. Мы тоже спали днем на земле и скамейках в парке и дремали под теплым солнцем, когда уходила охрана.

На уличных ретритах жизнь лупит нам прямо промеж глаз всей своей непосредственностью. Обычные ретриты делают то же самое, но по моему опыту, не так кардинально. На улицах вопросы еды, туалета и сна грубо и зримо

возникают перед вами. Как и вопросы отвержения. После одного дня, проведенного на улице, люди начинают отказывать вам, отвергать само ваше существование. Когда вы входите в ресторан, они вас не будут обслуживать, они вас даже не впустят. Когда вы просите воспользоваться туалетом, они говорят “нет”. Люди обходят вас стороной, потому что им не нравится, как вы пахнете и выглядите.

Если вы действительно переживали это сами, вы больше никогда не будете избегать людей, живущих на улице, таких же как вы. Вы не будете избегать наркоманов, полицейских, попрошаек, проституток и сутенеров, их клиентов, выпуклости под коврами для вытирания ног, людей на кассе, наливающих вам кофе, и не наливающих, ветеранов, сидящих на тротуарах в униформе, людей с открытыми руками, дающих и принимающих, и людей с руками, практически сжатыми в кулаки. Почему? Потому что вы слушали, а все эти люди — это вы.

22. Изобилие улиц

Один из величайших уроков, полученных мной на наших уличных ретритах касается изобилия улиц. Когда мы идем на улицу без ничего, только в надетой на нас одежде, мы открываемся, отпускаем свои привычные концепции. А когда нам это удается, мы понимаем, что улицы готовы давать, и давать бесконечно.

Я бы мог написать целую книгу только о щедрости улиц, о том, что происходит, когда вы готовы просить и получать. В каждом ретрите я настаиваю, чтобы люди просили деньги на то, что им нужно. Даже когда я еще разрешал участникам иметь два доллара в день, эти деньги предполагалось использовать только в экстренном случае. Так что когда я увидел Арни, одного из моих учеников, с чашкой чая, я спросил, где он его взял.

“Я купил его в маленькой кофейне на углу”, сказал он.

Это было нехорошо. Используя неприкосновенный запас на покупку чая, Арни по сути вычеркнул себя с улицы, и вернулся к своему обычному способу жить, а именно — покупать все, что ему нужно.

“Арни, давай сюда свои деньги” — сказал я, — “все!”. Я забрал не только сумму на день, но и вообще все деньги до конца ретрита, все десять долларов. Я сказал: “С этого момента, если ты хочешь чай, ты просишь милостыню”.

Арни пошел обратно в тот буфет со своей чашкой и использованным пакетиком, и попросил долить горячей воды. Они долили. Теперь он побирался, чтоб покупать чай, до конца ретрита. Иногда ему подавали, а иногда нет. Но больше он не полагался на деньги. Он жил в мире, где отдают и получают, и получил урок об изобилии.

Как и многих из нас, Арни научили, что ничего в жизни не достается бесплатно, и что лучше ни о чем не просить. У нас есть сильная тревога о том, что случится, если мы потеряем работу, заболеем, состаримся. Как мы будем жить, если не сможем платить по счетам? Когда мы отправляемся на улицы, и обнаруживаем, что все что нам нужно, уже есть, мы обретаем большую веру в базовую доброту жизни.

Большую часть времени мы носим с собой чашку из кофейни в кофейню, и сталкиваемся с отвержением, с тем что люди отводят взгляд, с отказами. В основном из-за нашего внешнего вида и запаха. С большинством людей, которые выходят с нами на улицы, это вообще происходит впервые в жизни, и это, пожалуй, самая трудная часть ретрита. Почти никому не нравится попрошайничать. Они предпочтут обходится без еды или питья, лишь бы не просить. Но если они не будут просить, то не будут и получать.

Однажды Ева ходила с пустой чашкой в руках из кофейни в кофейню вокруг парка Томпкинс-сквер, но куда бы она не пришла, люди ей отказывали. Она уже почти отчаялась, когда наконец зашла в захудалый магазинчик, торгующий газетами и конфетами, с двумя кофемашинами. Она попросила мужчину налить ей кофе. Он отказал. Она снова попросила, и он опять отказал. А потом она услышала голос мужчины, стоявшего за ней: “Я куплю ей чашку”. Она повернулась к нему, чтобы поблагодарить, и увидела, во что он был одет. Он был в потрепанной одежде

и в дырявых ботинках. Носков на нем не было.Но, не говоря ни слова, он достал пятьдесят центов и положил на кассу.

Позже она мне сказала: “Бедняк, скорее всего бомж, купил мне чашку кофе. Все люди с деньгами, которых я просила, мне отказали, а он помог”.

Мы настаиваем на том, что за все надо платить, и остаемся отчужденными и отделенными от жизни на улице, а все потому что мы боимся отказа. И действительно, многие из участников ретритов, сталкиваясь с отсутствием денег, предпочтут обойтись без них, чем рискнуть столкнуться с отказом. Им комфортнее в изоляции и депривации, чем просить и получать. Я должен заставить их просить.

В наши дни улицы одаривают нас подарками. Мы стоим перед францисканской миссией, терпеливо ожидая сэндвичей на завтрак. В семь утра останавливается грузовик с выпечкой. Двери открываются. Сразу несколько человек по цепочке разгружают ящики с хлебными роллами, свежими и вкусными. Они распаковывают коробки и по очереди передают нам бутерброды. Я понятия не имею, какая пекарня их отправляет, но я этому рад.

Однажды мы пропустили обед на раздаче еды, и пришли в парк голодными. До ужина ждать долго. Внезапно кто-то сообщил, что на другой стороне парка раздают органическую вегетарианскую еду. Вегетарианская еда в парке Томпкинс? Мы пошли. И правда, несколько юношей разливают суп, пюре и овощной салат из больших пластиковых контейнеров. Выясняется, что это сквоттеры[42], живущие в заброшенных домах на районе, и в парке они раздают обеды трижды в неделю на протяжении уже трех лет. Еще у них есть вчерашняя выпечка, так что на десерт мы ели датские слойки с сыром и фруктовые маффины. Они сказали где и когда они готовят, и приглашали нас помочь, если будем рядом.

Есть буддийская сутра, или изречение, которое мы часто используем в утренней молитве. В одной из его частей сказано: “Не ведая Пути, ты не видишь его, даже когда идешь по нему”. Что есть Путь? Что такое Путь улицы? Ослабить хватку, отпустить вещи, отпустить наше знание и свидетельствовать отдавание и получение, это и есть Путь. Чем больше мы опустошаем себя, тем полнее становится наша жизнь. Ирония в том, что в попытке осознать свою полноту, люди приобретают все больше и больше вещей, только чтобы понять, насколько пусты их жизни.

Один африканец, который работает с бездомными и участвовал в наших ретритах как-то рассказал мне об обычае, принятом в его деревне: мальчики покидают деревню и становятся бездомными на восемнадцать месяцев, делая шаг во взрослую жизнь. “Когда люди идут на улицу с тобой”, говорил он, — “они чему-то учатся из этого опыта”. Но я работаю с людьми, годами жившими на улице, и они ничего не получают. Улицы разрушают их, вместо того чтобы открыть им жизнь на улице. Почему так?”

Ева, помня свое бедное детство, была расстроена, когда я стал выходить на улицы. “Ты понятия не имеешь, что значит быть бедным”, говорила она. “Уличные

---

[42] Движение, члены которого занимают пустующее или заброшенное жилье и живут в нем

ретриты — это высокомерно и бесчувственно". Когда она наконец к нам присоединилась, она поняла, что все что тебе нужно, уже прямо здесь. Будучи девочкой, взрослеющей в бедной семье, она этого не понимала.

Изобилие жизни невидимо ни для тех, у кого все есть, ни для тех, у кого ничего нет. Если вы обладаете многим, вы думаете, что ваше благополучие заключается в деньгах в банке, в вашем доме, в вашей работе и пенсии. Если немногим, то вы верите, что добьетесь благополучия, если у вас в будет много денег в банке, дом, работа, пенсия. В обоих случаях, только отпустив свои представления вы сможете понять, что все что вам нужно, находится прямо перед вами.

Это в конце концов и произошло с нами на улице одним утром, в Великий Четверг Страстной Седьмицы 1996 года. Покидая церковь Святого Марка в Ист Вилладж, где нам разрешили провести дождливую ночь, я обнаружил одного из своих учеников и служителя ордена, Майкла О'Кифа, читающим газету Нью-Йорк Таймс.

"Где ты взял газету?" — спросил я Майкла.

"У продавца на улице", ответил он. "Я захотел газету, когда увидел заголовки. Рон Браун погиб в авиакатастрофе в Югославии".

"Ты попросил его дать ее тебе?"

"Нет", сказал Майкл, "Я за нее заплатил".

Я напомнил ему, что те два доллара, которые были у него в кармане, были на крайний случай, а уж точно не чтобы покупать газету. Я сказал: "Давай сюда деньги".

Он выложил весь свой десятидолларовый запас, оправдываясь: "Я единственный раз просто захотел эту газету. Хотел прочесть про Рона Брауна".

Пока мы говорили, мимо проходил газетчик с кучей газет Нью-Йорк Таймс. Он остановился прямо напротив Майкла. "Хочешь газету? Четвертак, и она твоя".

Майкл молчал секунд десять. Потом довольно правдиво ответил: "У меня нет четвертака".

Тогда парень спросил остальных, не хотим ли мы газету за четвертной, и мы все покачали головами. Он что-то пробурчал и отправился дальше по кварталу. Майкл посмотрел на меня. До того как он что-то произнес, мы вновь услышали шаги. Это возвращался тот парень.

"Что за черт, никто ничего не покупает, забирайте так!" — сказал он, бросая газеты на скамейку, и ушел.

После этого на ретритах больше не было разрешено никаких денег. Даже на экстренный случай.

23. Страстна`я неделя[43]

Я всегда любил мир межрелигиозных встреч и праздников. Будучи евреем, ставшим служителем и учителем дзен-буддизма, я уже воплощал две совершенно разные религиозные традиции. А с первых дней своего наставничества в Нью-Йорке я был глубоко заинтересован тем, как каждая религиозная традиция провозглашает единство жизни, единство Бога. Среди моих учеников были католические монашки и священники, суфийские шейхи[44] и раввины, и некоторых из них я посвятил в учителей дзен моей линии передачи.

В ранние годы сообщества дзен Нью-Йорка, когда у нас был большой ретритный центр, мы проводили Седер Песах[45], празднования Шаббата и католические мессы. Квакеры[46] с нашего района проводили в нашем центре свои встречи. Поскольку одним из моих первых учеников был Лекс Хиксон, суфийский шейх, то было в порядке вещей, что ученики дзен отправлялись по четвергам в его мечеть на еженедельный зикр[47]. Я считаю рава Залмана Шахтер-Шаломи, который является, пожалуй, ключевой фигурой в современном Еврейском Возрождении[48], и Джима Мортона, уже в течение 25 лет возглавляющего собор Святого Иоанна Богослова, двумя своими самыми близкими друзьями и духовными наставниками. Они многие годы вдохновляли меня совместными службами, празднованиями, событиями, разговорами и мастерски`ми.

Я верю, что признание и различий между религиозными традициями, и той духовности, которая их объединяет, есть существенный шаг к тому, чтобы исцелить наш мир и положить конец конфликтам, многие из которых ведутся во имя религиозной идеологии. Но сейчас я хотел бы поговорить о нашем походе на улицы в Страстную Седьмицу, неделю Пасхи, неделю Песаха, один из печальнейших и радостнейших моментов в году.

С 1991 года наш ретрит на Страстную неделю включал свидетельство разных религиозных празднований и богослужений, которые в эту неделю проходят по всему городу. Я отправляюсь на улицу и в другие времена года, и каждый случай по-своему особый, но в течение Страстной недели улицы ощущаются совсем по-другому. В это время безошибочно и незабываемо чувствуется, как расцветает поминовение и забота.

Наш первый уличный ретрит завершился в ночь перед Пасхой, одновременно Седер Песах и католической мессой в Сити Холл Парке. Всю неделю лил дождь, и

---

[43] В православии “Страстная седмица”

[44] Духовный учитель в суфизме, который уполномочен учить и направлять последователей

[45] Ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале еврейского праздника Песах

[46] Религиозное общество Друзей, одно из направлений христианства

[47] Медитативная исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога

[48] Движение в современном иудаизме, приносящее мистические, каббалистические и музыкальные практики в иудаизм

той ночью тоже. Мы рассказали жителям улиц о празднованиях, но думали, что из-за погоды никто не придет. По мере приближения времени, люди начали собираться в парке. Они появлялись из кустов и пробивались сквозь ливень. Всего нас собралось около сотни.

Дождь лил потоками. Я посмотрел на Сити Холл. Ступеньки вели на крытую веранду, где мы могли бы укрыться от дождя. Наверху стоял охранник. Я поднялся. “Мы проводим Седер Песах и католическую мессу”, сказал я. — “Все эти люди пришли участвовать, включая раввина и священника. Могли бы мы провести их здесь?”. Он сам тоже промок. Он сказал, что он не против, но он должен узнать у начальника, который был внутри. Он пошел внутрь и вернулся. Босс не разрешил. Поэтому мы провели наши церемонии под дождем.

Все терпеливо ждали, пока Дон Сингер раздавал мацу и горькие травы[49] с виноградным соком и рассказывал историю освобождения из рабства, долгий путь от зависимости к свободе. Она разломил мацу и стал говорить о разбитом сердце. Он сказал, что только разбитое сердце может быть исцеляющим сердцем.

Члены нью-йоркского сообщества Дзен принесли горячий куриный суп с шариками мацы. Еще они принесли печенье из пекарни Greyston. Пока Дон продолжал говорить о Песахе, я сидел рядом с двумя мужчинами, которые пришли по нашему приглашению. Один повернулся к другому и спросил: “Когда он уже будет раздавать еду?”. И я слышал, как другой ответил: “Знаешь, иногда хорошего приходится подождать”.

Когда Дон завершил Седер, отец Роберт Кеннеди, иезуит и учитель дзен, провел мессу под сломанным зонтом, который держал буддист. “Хлеб, который мы едим, плоть Христа, был разломлен на кресте, чтобы накормить каждого”, сказал он. Многие подошли к его столику, чтобы получить причастие.

Это был последний раз, когда мы посылали еду из Йонкерс на уличный ретрит. После этого раза я настоял, чтобы мы даже на Песах искали еду на улицах. Но традиция религиозных церемоний на Страстной неделе продолжилась. Иногда мы сами проводили эти праздники, а иногда присоединялись к ним в качестве гостей.

Для меня межконфессиональные праздники — свидетельство изобилия жизни. Чтобы передать вам ощущение того, что я имею в виду, позвольте мне описать ретрит на Страстной неделе 1996 года.

Первую ночь мы переночевали, ну или попытались переночевать, в Центральном Парке. Было настолько холодно, что около четырех утра мы сдались и пошли в центр, остановившись позавтракать во францисканской миссии, по дороге к месту встречи в парке Томпкинс-сквер. Мы устали, а хуже было то, что в эту ночь обещали дождь, а это была первая ночь Песаха. Проходя мимо церкви Святого Марка в Ист Вилладж, я наткнулся на ее настоятеля, Ллойда Кассона. Не обращая внимания на запах от моей одежды после ночи в парке, Ллойд обнял меня. Я его знал с тех времен, когда он служил настоятелем церкви Троицы, а до этого

---

[49] В оригинале Bitter Herbs, горькие травы, которые едят в знак пасхальной жертвы: “Пусть съедят его мясо в эту самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его”

заместителем настоятеля собора Иоанна Богослова. Когда он услышал, что мы будем рядом, он предложил нам после седера прийти на Тёмную утреню[50] в соборе св. Марка и потом провести ночь в церкви.

Раввин Дон прилетел из Калифорнии, чтобы присоединиться к нам в Песах на улицах, но посреди ночи в Центральном парке он исчез. Чтобы исполнить седер, мы выпрашивали еду в еврейских ресторанах на Второй авеню и в испанских магазинчиках на Томпкинс-сквер. Одной из участниц из Швейцарии, после того как она посетила францисканскую мессу до завтрака, францисканцы дали двадцать долларов. Мы уже и не надеялись, как вдруг Дон появился в парке Томпкинс-сквер. Он объяснил, что так замерз ночью, что пошел в метро, чтобы согреться. Проездив всю ночь в поездах, он посетил несколько еврейских храмов, прося еды для нашего седера. Он привез несколько бутылок кошерного виноградного сока и фаршированную рыбу. На деньги, которые нам дали францисканцы, мы купили еще еды, и с наступлением сумерек провели седер в парке.

Мы сидели вокруг двух столов для пикника за ограждением позади туалетов. Мы пригласили завсегдатаев парка присоединиться к нам, включая Короля и Королеву Панка с их собакой. И снова Дон передавал мацу, горькие травы и виноградный сок, и мы говорили об исходе из Египта, земель рабства, зависимости и обмана, и прибытии в Землю Обетованную. Мы говорили о рабстве и свободе, пели и танцевали вокруг столов вслед за Доном. Наконец, мы разделили собранную еду, и когда седер завершился, отправились в церковь св. Марка. Мы оказались в центре Темной утрени. Церковь св. Марка была построена для мероприятий, поэтому нам не было скамеек, только алтарь впереди и ступени для хора по обе стороны. Стулья вынесли, свечи были погашены и в церкви стало темно к концу этой печальной службы о страдании Христа.

В завершении Ллойд Кассон сказал своему руководителю, что та группа странно выглядящих и неприятно пахнущих людей, сидящих сзади, проведет ночь в церкви. Я увидел, как они стали о чем-то ожесточенно перешептываться. Тогда я подошел к Ллойду и сказал, что мы будем счастливы расположиться и снаружи, на территории церкви. Но Ллойд был непреклонен. Поэтому мы сели сзади, с несколькими прихожанами церкви, и представились. Мы рассказали им, что предыдущую ночь провели в Центральном Парке, и что только что вернулись с седера в парке Томпкинс-Сквер. Я немного рассказал о наших ежегодных уличных ретритах. Президент церкви св. Марка быстро передумал и разрешил нам остаться. Так что в ту ночь мы спали в церкви. В церкви было тепло и сухо, и мы заснули под свечами, еще горевшими с вечерней службы. Проснувшись, мы пошли в ризницу[51]. Там мы обнаружили президента церкви, который провел ночь в церкви вместе с нами, он готовил нам кофе.

После ретрита я поговорил с Ллойдом, и он сказал мне о переменах, которые тот вечер принес церкви. У церкви св. Марка была долгая история участия в местном сообществе, но со временем оно сошло на нет. Церковь была в процессе переосмысления приоритетов, когда пришли мы, уставшие и замерзшие, и

---

[50] Утренние службы на Страстной неделе

[51] Помещение в церкви для хранения церковной утвари и одеяний священников

попросили провести ту дождливую ночь в церкви. Это тронуло ее руководителей, и они решили возродить участие церкви в общественных делах.

Настал Чистый четверг, день божественных чудес. В полдень прибыла наша подруга, и принесла много еды с Песаха. Это было против правил, но когда она раздавала еду, со всех концов парка пришли люди. Правда, еда разошлась так быстро, что большинству из нас так и не удалось поесть. Потом пришел мужчина и пригласил нас пообедать в церкви св. Бриджитты на восточной стороне парка. Мы пошли в подвал церкви, где прихожане готовили большой обед. Они показали нам наш стол и обслужили нас. После еды, они проводили нас к длинному столу в углу, полному домашних кексов, пирогов и печенья. Дети прихожан сделали открытки с пожеланиями счастливой Пасхи.

После того как мы поели, они спросили, не хотим ли мы омыть ноги. Они отвели нас за перегородку к ряду стульев, и посадили нас с другими бездомными. Я заколебался. На моих ногах были уродливые болезненные волдыри из-за нашего похода от Йонкерс до Томпкинс-сквер длиной в семнадцать миль. Но одна женщина присела передо мной и помогла мне снять ботинки и носки. Она осмотрела мои волдыри. Они порвались и сильно покраснели. Она аккуратно погрузила мои ноги в тазик с горячей водой. Потом она массировала мне ступни.

“Зачем вы это делаете?” — спросил я.

“Я делаю это, потому что так делал Иисус Христос”, — ответила женщина, пока ее наманикюренные пальцы бережно бегали по моей воспаленной ноге. — “Он мыл ноги своих учеников, даже несмотря на то, что он был Сыном Божьим, и поэтому я тоже это делаю”.

Она нанесла специальную мазь на мои волдыри. Еще она дала мне новую пару белых носков.

Вышло полуденное солнце, и тем прекрасным и теплым днем мы спокойно сидели на скамейках парка Томпкинс-сквер. Мы провели буддийскую службу, пригласив всех голодных духов разделить с нами Великое Блюдо. А когда она завершилась, мы пошли дальше в центр, к мечети Масджид Аль-Фарах[52]. Ее предыдущий шейх, мой ученик и учитель дзен Лекс Нур Хиксон, умер от рака шестью месяцами ранее. Его преемница, Шейх Фариха, пригласила нас поучаствовать в еженедельном *зикре*.

Наступили сумерки, и мы шли по одной из узких улиц финансового района, когда мы подошли к синагоге, которую я раньше никогда не видел. Она была совершенно новой, современного дизайна. Когда мы в восхищении остановились, оттуда вышел мужчина в ермолке. Он посмотрел на нашу немытую и небритую компанию без малейшего любопытства и спросил: “Среди вас есть евреи?”.

Мы сказали ему, что на самом деле четверо из нас — евреи, у нас даже раввин есть. “Хорошо,” — сказал он. — “Нам нужна ваша помощь, чтобы образовать миньян”.

---

[52] Мечеть на Манхэттене

Миньян это община из десяти мужчин, которая нужна для совершения служб в ортодоксальном иудаизме. Мы вошли внутрь. Мужчины отдельно от женщин, люди каждого пола находятся в своем помещении. Это был второй вечер Песаха, и служба на иврите прошла быстро. Раввин сказал о Пасхальной Жертве более двух тысяч лет назад, а потом провел еще одну короткую службу. В конце он подошел к нам, пожал нам руки, и мы отчалили. Тремя кварталами дальше, на углу, находилась Маджид Аль-Фарах.

Там нас тепло поприветствовала Шейх Фариха, наша старая подруга со своим мужем, Шейхом Хайдаром, и большая группа суфиев. Они проводили нас на второй этаж мечети, где мы вместе сели за длинными низкими столами с большими тарелками с восточной курицей и риса, сыра, салатов и свежих фруктов. Их радушное гостеприимство напомнило мне Лекса, который крепко обнимал каждого входящего в мечеть, не делая различий для его или ее религии, руками, которыми, казалось, можно обнять всех людей мира. Мы описали вечера, проведенные в Центральном Парке и в церкви св. Марка. Дон Зингер рассказал о значении Песаха. К собранию присоединился поэт Роберт Блай и прочел стихотворение. Мы спели “Ла иллаха иль Аллах (Нет Бога, кроме Аллаха)”.

Наконец, мы спустились в мечеть. И здесь мужчины и женщины раздельно, женщины с покрытыми головами. В пространстве без изображений[53] была проведена служба, и мы кланялись множество раз. А потом начался *зикр.* Зикр означает *поминание*[54]. Встав в круг внутри круга, мы кружились, поворачивая лица из стороны в сторону, произнося имя Аллаха снова и снова, отдавая себя в восхвалении Его. Мы делали это час за часом, взывая к божественным именам, в экстазе создавая круг за кругом. Суфии пели, играли инструменты, мы вращались и кружились в танце. Руми, великий суфийский поэт и мистик, сказал:

> В любви к Нему, душа моя
> Живет тончайшей страстью,
> Словно цыган.
> И в новом доме каждый день,
> Под звездами — ночами.

В течение этих пяти дней мы устремлялись вникуда и при этом были везде, пьяные страстью к Богу, Христу, Яхве и Аллаху. Куда бы мы ни пришли, нам давали еду, приют, дружбу и любовь. В каждом месте нас встречали, как заблудших детей.

Следующий день, холодный и дождливый, был Великой Пятницей. После завтрака из горохового супа и хлеба в столовой “Католических Рабочих”, мы пошли обратно в церковь св. Бриджитты, чтобы посмотреть ежегодное пасхальное представление. Оно началось внутри церкви. Юный испанец с длинными черными волосами, одетый в простой белый хитон и сандалии, исполнял роль Христа. Римские солдаты насмехались и стегали его, и в конце повесили большой крест

---

[53] Внутреннее убранство мечети не должно отвлекать молящегося от общения с Богом, поэтому там нет икон и других художественных изображений, кроме узоров или изречений из Корана. Это *аниконизм*, запрет на изображение Бога и других персонажей религиозной истории

[54] Медитативная духовная практика, многократное прославление имени Бога

ему на спину. Во главе с Христом и священником вся процессия покинула церковь, обходя Боуэри, останавливаясь на местах стояния Крестного Пути[55]. Пошел снег, и вскоре я видел, что сандалии Христа скользят по мокрому белому тротуару, а его ноги и ступни были красными от холода. Но он понес крест на север по авеню Б, а прихожане церкви и мы последовали за ним.

Снег стал мокрым и пошел сильнее. Мы останавливались на месте каждого стояния Крестного Пути: дом, в котором зависали наркодилеры, здание где произошла перестрелка с полицией, бордель, заброшенный дом. В процессии мы смешались с людьми, которые ежедневно пытались построить жизнь для своих семей в этом районе. Мы останавливались в местах наркотиков, убийств, сквоттинга, бездомности, насилия, жестокости и нищеты, и искренне пели на английском и испанском, прося о прощении. Мать Христа приблизилась к нему, желая обнять его. Он поговорил с женщиной из Иерусалима, которая была просто женщиной с авеню Б. Он был нагой, высеченный, израненный, избитый, замерзший, униженный и одинокий. А когда мы вернулись в церковь, он был распят. Один из участников покинул уличный ретрит предыдущей ночью, а потом, передумав, вернулся к нам в парк Томпкинс-сквер. Он все плакал и плакал.

Мы завершили ретрит в Соборе св. Иоанна Богослова мессой при свечах в канун Страстной Субботы. Джим Мортон знал, что мы придем, и оставил нам особые места. но это не помешало многим из нас задремать во время темной и мрачной службы. Мы все проснулись, когда внезапно все огни собора зажглись, заиграл орган и хор стал громко и радостно петь, что воистину, Христос воскрес.

Вот такими были некоторые из событий нашего ретрита на Страстную неделю 1996 года. За эту неделю происходило и другое: бессонная ночь на Пенн Стейшн, два человека так стерли ноги, что им пришлось нас покинуть. Один из участников, который был моим личным ассистентом, талантливый музыкант, имевший большую историю употребления наркотиков, снова стал употреблять в эту неделю. В прошлом он несколько раз сваливался к старым привычкам, и было даже непонятно, будет ли он участвовать. В итоге, он умолял меня позволить ему участвовать. Я разрешил. В канун Великого четверга, когда мы лежали на ступенях хора, он играл нам на органе мелодию за мелодией, усыпляя всех нас. Но на следующий день он исчез. Кто-то сказал мне, что он ушел, чтобы встретиться с дилером. Еще долго после того я его не видел.

И его история тоже является частью нашего уличного ретрита Страстной недели. Этот ретрит был банкетом, длившимся пять дней, и мы отведали много восхитительных блюд. Но когда в первые часы Пасхи мы вернулись по домам, моего ассистента с нами не было.

---

[55] Четырнадцать стояний католичекого Крестного Пути Иисуса, знаменующих этапы от приговора к смерти, до положения в гроб

Часть 4. Свидетельствуя систему

24. Я клянусь не убивать

Миротворцы дают обеты и не всегда их исполняют.

Поклявшись не убивать, мы постоянно убиваем. Поклявшись не красть, все время крадем. Поклявшись не лгать, мы лжем.

Так что же такое эти клятвы, и зачем мы их даем?

Эти клятвы отражают глубокую личную приверженность. Хоть они и похожи на десять заповедей, они не являются запретами или приказами не делать что-либо. Скорее, они воплощают центральные аспекты наших жизней, и составляют глубочайшие намерения наших сердец. Мы утверждаем сильное намерение исполнить их, свидетельствуя их в каждой возникающей ситуации, день за днем.

Вот почему им предшествуют клятвы незнания, свидетельствования и исцеления. Первые три клятвы обозначают наш путь. Это ориентиры, показывающие нам, как относиться к убийству, воровству, лжи и гневу. Самый первый ориентир — клятва проникать в неизвестное. Она означает, что мы не тащим свое предвзятое мнение о том, что такое убийство, и о том, правильно это или неправильно. В любую ситуацию с убийством мы приходим заново, глядя свежим взглядом на все ее составляющие.

Ситуации, связанные с убийствами, возникают ежедневно, каждую минуту нашей жизни. На ретрите, который я вел в 1996 году, одна женщина подняла руку и сказала, что поскольку она вегетарианка, и поскольку она не разгуливает, постреливая в людей, то у нее нет никаких проблем с клятвой не убивать. Я сказал ей быть повнимательнее, потому что в следующие пять минут она точно убьет.

Наше выживание зависит от смерти других существ. И снова, я приведу тело как пример. Мое тело живое, и при этом каждое мгновение в моем теле что-то рождается и уничтожается. Ем ли я мясо, овощи или фрукты, энзимы разрушают эти формы жизни, чтобы преобразовать их в полезные вещества. Новые клетки рождаются, старые умирают. Когда я заболеваю и принимаю лекарство, я убиваю бактерии и вирусы, которые тоже живые существа. Если что-то не будет умирать, я не буду жить.

То же самое происходит и в природе. Посмотрите на живые дубы. Листья умирают, а новые рождаются. Ветви чахнут и опадают, по мере того как появляются новые ростки. Дерево само по себе есть микрокосм жизни и смерти, полное крошечных созданий, живущих в бороздках его коры и в трещинах его ствола, они потребляют, и их потребляют. Дуб живет, а в это время его части в каждый момент умирают и рождаются.

Выходя в поле, с каждым своим шагом мы уничтожаем насекомых, а в городе наш бетон уничтожает целые виды. Когда мы жнем пшеницу, чтобы сделать хлеб, мы убиваем полевых мышей. Наши жизни подразумевают смерть других, точно так же как жизни других подразумевают наши смерти. Свидетельствуя убийство и неубийство, мы свидетельствуем жизнь и смерть всех чувствующих существ. Мы есть одно тело, сеть Индры. Видя, сколько живых существ отдали свои жизни ради

того, чтобы мы могли жить, мы заново обретаем признательность за свою жизнь, и невероятное сострадание ко всем формам жизни на этой планете. Это ведет к минимизации истребления. Если мы видим себя как всю Вселенную, ничего не исключая, мы естественным образом не желаем убивать что-либо без надобности. Это исцеление, которое рождается из свидетельствования цикла жизни и смерти.

25. Я клянусь не винить других: Флит Молл

Ничто не находится вне практики свидетельствования и заботы о мире. Это значит, что бы с нами ни происходило, мы всегда можем действовать как миротворцы. До тех пор, пока мы свидетельствуем, возможность исцеления существует везде.

Один из примеров тому — священник ордена миротворцев Флит Молл.

Флит сейчас отбывает двадцатипятилетнее заключение в медицинском центре для федеральных преступников, федеральной тюрьме неподалеку от Спрингфилда, штат Миссури. Обвинение было предъявлено в мае 1985 года, и с тех пор он за решеткой. В декабре 1985 года он был осужден за контрабанду кокаина, соучастие и ведение преступной деятельности и приговорен к сроку как лидер преступного сообщества (Kingpin)[56]. Самый ранний срок, когда он сможет освободиться по закону о лидерах преступных сообществ[57], это ноябрь 1999 года.

Я познакомился с Флитом в начале девяностых и пытался навещать его хотя бы раз в год. Так как тюрьма далеко от места, где живет его семья и друзья, Флита навещают только несколько раз в год. С того момента, когда он связался со мной и написал о себе и своей работе, я знал, что Флит Молл был миротворцем. Как и Клод Томас, он обрел свой путь еще до того, как я его встретил. Посвящая его, я дал имя тому, что уже было.

Будучи членом католической семьи среднего класса, Флит достиг совершеннолетия в шестидесятых. “К тому времени как я выпустился из университета в 1968 году”, говорит он, “я был злым, разочарованным молодым человеком без веры в религиозную, социальную и политическую культуру, в которой был воспитан. В колледже я основными предметами взял буквально секс, наркотики и рок-н-ролл, а дополнительным — антивоенную политику.”

В 1972 году он начал исследовать Латинскую Америку, ходил морем вдоль берегов Центральной Америки и возделывал небольшой участок земли в перуанских Андах. К тому времени он серьезно злоупотреблял алкоголем и наркотиками. Пятью годами позже, уже женившись и став отцом маленького сына, он вернулся в США и зачислился в Институт Наропы, буддийский колледж в Боулдере, штат Колорадо. Там он начал практиковать медитацию, изучал буддийскую и западную психологию, и встретил своего тибетского учителя буддизма, почтенного Чогьяма Трунгпа Ринпоче. Трунгпа Ринпоче оказал на Флита воздействие, схожее с влиянием вьетнамского учителя Тит Нат Тхана на Клода Томаса. Оба учителя указали своим студентам путь, и каждый до встречи с ними жил жизнью зависимости и помешательства.

---

[56] “Kingpin” — аналог нашего понятия “вор в законе”, или матерый уголовник, руководящий преступной организацией

[57] Отдельный акт “Kingpin statute” в антинаркотических законах США, подразумевающих куда более серьезные сроки заключения для преступников, сознательно участвующих в крупномасштабных незаконных операциях с наркотиками. Минимальный срок тюремного заключения по ним — от двадцати лет лишения свободы

Тем не менее, зависимость Флита от кокаина и алкоголя не исчезла. Его брак распался. Периодически он совершал путешествия в Латинскую Америку и провозил оттуда наркотики. Он убедил себя, что он должен это делать, чтобы позаботиться о себе и о своем маленьком сыне. “Те пять лет я жил две совершенно отдельные жизни — очень публичная жизнь очевидно серьезного ученика в буддизме, посещающего интенсивные программы медитации по всей Северной Америке, и очень тайная жизнь наркоконтрабандиста, алкоголика и зависимого от кокаина”, говорит Флит.

Он узнал, что он под следствием, более чем за год до того, как в 1985 году ему предъявили обвинение. Он даже всерьез раздумывал над тем, чтобы исчезнуть и покинуть страну. Когда он в конце концов раскололся и поговорил с учителем и доверенными друзьями о своем затруднительном положении, все сошлись во мнении, что ему следует остаться и встретиться с его проблемами с законом лицом к лицу. Это была ситуация, с которой рано или поздно пришлось бы разбираться, и сбежать — это не решение. “Я смирился с тем, с чем мне придется встретиться — довольно страшная яма, которую я вырыл себе сам”, говорит он. Он также наконец вступил в программу лечения наркозависимых.

Как только ему предъявили обвинения, он сдался властям. В залоге было отказано, и он провел семь месяцев в окружной тюрьме в ожидании суда и приговора.

“Это было действительно адское окружение — маленькая, полностью запечатанная бочка, внутри полностью стальная, в здании из бетона с плоской крышей. Там не было ни окон, ни вентиляции, ни места чтобы прогуляться. Она была переполнена и там было невозможно душно. Постоянный шум и хаос, ругань, споры, четыре или пять телевизоров работали одновременно двадцать четыре часа в сутки — полное сумасшествие. Там я впервые и начал свои ежедневные сидения[58]”.

Суд над Флитом длился три недели. Все вышло не так, как он ожидал. Он признал вину в контрабанде наркотиков и знал, что он попадет в тюрьму, но он отверг обвинения в руководстве преступным сообществом. Несколько его близких сообщников пошли на сделку со следствием чтобы избежать тюрьмы или уменьшить срок заключения, и дали показания против него. Присяжные признали его виновным по всем статьям, и Флит был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения, с правом досрочного освобождения через пятнадцать лет. Это был декабрь 1985 года.

Одна из труднейших клятв миротворца — не винить других. Это очень по-человечески, отказываться от ответственности за наши жизни. А поскольку с момента, когда мы рождаемся, наша жизнь включает и других людей, это очень по-человечески, назначить их ответственными за нашу жизнь.

“Было бы очень просто потеряться или застрять в гневе и обвинениях”, — говорит Флит, вспоминая время после приговора. “Но основной вопрос — принял ли ты ответственность за ситуацию, в которую попал — не вину, но

---

[58] Имеется в виду практика сидячей медитации

ответственность. Если да, то ты не будешь впадать в обвинение — чувствовать себя преследуемым, угнетенным и оскорбленным, и воспринимать государство, власти и мир как твоих абсолютных врагов. Для меня самой эффективной стратегией было принять полную ответственность за все, что случилось, и за все, что я буду с этого момента проживать, даже в ситуациях, в которые очевидно были в значительной степени вовлечены и другие".

Для Флита это было время сильных страданий. Будучи закрытым в переполненной окружной тюрьме, вдали от друзей и близких, преданным бывшими друзьями, давшими против него показания за иммунитет, было соблазнительно поддаться гневу и валить все на других. Но взяв ответственность за свою жизнь и последствия своих действий, Флит действовал из пространства незнания. Если бы он *знал*, что суд был нечестным, приговор несправедливым, люди и общество — бессовестными, если бы он *знал*, насколько может быть ужасным двадцатипятилетнее тюремное заключение, то не было бы никакого свидетельствования, только ощущение, что ты раздавлен обстоятельствами, на которые не можешь повлиять. Флит выбрал незнание. Он был открыт ко всему, и ощущал повышенную осознанность и пространственность даже в момент, когда огласили вердикт.

Он говорит: "Я в то время был охвачен глубоким раскаянием за всю ту ужасную боль, вред и хаос, которые я причинил, и боль, которую мое заключение будет доставлять моей семье, а особенно моему девятилетнему сыну, который остался без отца. Еще у меня было сильное желание трансформировать себя, активно культивировать те глубокие учения и благословения, которые я получил от своих учителей, а также те ценности, которые я получил от родителей. И я почувствовал, что обязан направить свою энергию и таланты на что-то полезное. Чем чище становилось мое сознание через освобождение от наркотиков и алкоголя и регулярную медитацию, тем больше я ужасался тому, как бездарно я потратил силы, время и талант, на что я потратил свою жизнь. Я решил наверстать упущенное".

26. Миротворец клянется в тюрьме

Как только Флит прибыл в федеральную тюрьму в Спрингфилде, штат Миссури, он стал преподавать на двух языках курсы GED[59] и ESL[60] другим заключенным. Он обучал заключенных, которые не умели читать, и стал сертифицированным репетитором по грамотности.

Поначалу его поместили в тесную, переполненную общую камеру с двадцатью пятью другими людьми. “Я пытался рассказать своей подруге, которая меня навещала, на что была похожа тюрьма”, вспоминает он. “Я попросил ее представить, что в ее гостиную и две спальни понаставили нар, сколько влезло, а потом запихнули туда самых громких и недалеких людей, которых только можно найти, и они теперь там постоянно”.

Это для него было особенно тяжело, поскольку он хотел иметь место для медитации. В конце концов он расчистил один из санитарных уголков, ежедневно убирал оттуда швабры, метла и мусорные ведра, ставил там стул и сидел там час или два. Летом в этом закутке была настоящая парилка. Пока он сидел, пот тек по его лицу и глазам. После двух с половиной лет ему, наконец, дали отдельную камеру.

Через два месяца после прибытия он с двумя другими заключенными-буддистами основал буддийскую группу для медитаций и в течение многих лет координировал ее, обучив медитации сотни заключенных. Когда он стал получать письма от заключенных-буддистов по всей стране с просьбами о содействии и помощи, он понял, что есть необходимость создать сеть для поддержки таких заключенных. Поэтому Флит в 1989 году основал Prison Dharma Network[61], некоммерческую организацию, предоставляющую буддийскую литературу, контакты и ресурсы заключенным-буддистам по всей стране.

Пенитенциарный центр в Спрингфилде — это большой федеральный тюремный госпиталь. Около семиста из его тысячи ста обитателей — пациенты с медицинскими заболеваниями. “Когда я прибыл сюда в декабре 1985 года”, говорит Флит, — “я был поражен количеством страдания. Во дворе и в коридорах ты видишь людей в инвалидных колясках. Ты видишь людей с палочками, ходунками и на костылях, людей, истощенных раком и другими заболеваниями. Даже находясь в шоке от своего двадцатипятилетнего срока, я был поражен этим зрелищем. Для меня было полезно увидеть, что многим было куда хуже, чем мне”.

В те годы, когда на свет появилась эпидемия СПИДа, заключенных с ВИЧ или СПИД изолировали от остальных заключенных. Это делалось чтобы защитить пациентов, а не заключенных, так как боялись расправы над пациентами со СПИДом со стороны других заключенных из-за неосведомленности об этой

---

[59] General Education Development, тесты уровня среднего образования. Для тех, кто не окончил общеобразовательную школу, сдача GED позволяет получить свидетельство о среднем образовании

[60] English as a Second Language, курсы языка для тех, у кого английский язык не родной

[61] Сеть Тюремной Дхармы

болезни. Флит объединил усилия с неходячим пациентом, который договаривался с администрацией тюрьмы о создании хосписа, в котором бы работали заключенные. Скоро с воли прибыли профессиональные работники хосписов, чтобы провести с ними занятия. С наставниками они разработали шестимесячную пилотную программу, первую из подобных программ[62] в американских тюрьмах. Через какое-то время руководство тюрьмы разрешило группе из десяти заключенных, включавшей Флита, работать с умирающими.

“Мы начали обучение в 1987 году, а в январе 1988 стали принимать пациентов”, говорит Флит. “Мы стали членами суррогатной семьи, просто находились там, чтобы пациент знал, что кому-то до него есть дело. Мы не могли изменить тюремный госпиталь, не могли изменить типичные тюремные отношения. Но мы могли стать друзьями. С этого, на самом деле, хоспис и должен начинаться: просто быть здесь для человека. Сейчас это эволюционировало в нечто большее, с оказанием ухода и привлечением медицинского персонала”.

Он стал получать дальнейшее профессиональное образования. Флит выучился на работника хосписа, а потом стал обучать других волонтеров из числа заключенных. Половина их подопечных умирала от СПИДа, а другая от рака.

Когда он стал работать с умирающими, Флит снова встретился со своим старым другом — гневом. С момента заключения в 1985 году, он много работал, поклявшись не злиться. Теперь же он работал с другими людьми, которые были обозлены, с умирающими.

“Умирать в тюрьме, в некотором смысле, знак полного краха твоей жизни. Умирающие заключенные хотят выйти. Их величайшая надежда — пережить свою болезнь до момента, когда они отсидят свой срок, или их освободят от наказания в связи с болезнью. Они хотят исцелиться или умереть на свободе. Они не хотят умирать в тюрьме”.

Снова и снова Флит работал с заключенными, которые обозлились из-за того, что они умирают и их не выпускают досрочно. Одного мужчину, которого он называет Джоном, пятидесятипятилетнего заключенного с раком легких, комиссия по досрочному освобождению лишила права на освобождение, потому что в отчете тюремных докторов было сказано, что его рак отвечает на химиотерапию. Он стал одержим оспариванием этого решения в судах. Через какое-то время он сдался, и практически перестал есть, так что доктора, уверенные что химиотерапия работает и рак перешел в ремиссию, решили, что он специально ухудшает свое состояние чтобы получить освобождение. Постепенно его здоровье и правда ухудшилось до такой степени, что его выпустили. Тремя днями позже он умер в госпитале неподалеку от дома.

Горькая ирония для умирающих в тюрьме заключенных в том, что они пойманы в двойной связке. “Единственный шанс получить досрочное освобождение — ухудшение здоровья до такой степени, что смерть кажется уже неизбежной”, говорит Флит. “Любой признак улучшения уменьшает этот шанс. Иногда пациенты

[62] Хоспис, в котором работают сами заключенные

изнуряют себя такими попытками, в злобе и горькой покорности тому, что им придется умереть в тюрьме.”

Флит ухаживал за многими пациентами, которые, подобно Джону, были охвачены яростью и горечью от перспективы умереть за решеткой. Одни из них справлялись со своим гневом, открываясь и принимая его поддержку. Другие искали утешения в религии, прося и получая молитву и пасторские службы. Флит обнаружил, что цитирует умирающим католические молитвы, которые он не читал с тех пор как был ребенком. А третьи выбирали умирать в одиночестве.

Флит свидетельствовал гнев, создав новую организацию. В 1991 году он основал Национальную Ассоциацию Тюремных Хосписов (NPHA), которая по всей стране помогала развивать программы тюремных хосписов, в которых работают заключенные. С того времени NPHA помогла создать более дюжины тюремных хосписов с привлечением волонтеров из числа заключенных. Кроме того, ассоциация выступает с презентациями на национальных конференциях, создает учебные программы и предоставляет обучение на местах в различных исправительных учреждениях.

Важным моментом было добиться от тюремной администрации позволить работать в хосписе самим заключенным, а не добровольцам со стороны. Один из капелланов в Спрингфилде, более двадцати лет служивший тюремным священником, сказал что трансформация, произошедшая с заключенными-волонтерами в хосписе была величайшей реабилитацией из тех, которые он когда-либо видел.

“В тюрьме невероятно тянет к отчаянию, безнадежности и депрессии”, говорит Флит. “Там не так много удовольствий, радости и счастья, так как ты полностью отрезан от семьи и любимых, друзей, природы, и нет там любви и заботы. Зато много того, что заставляет тебя закрыться и в любой момент сдаться отчаянию, особенно если ты отбываешь такой долгий срок, как я”.

Флит был свидетелем ужасных самоубийств заключенных, почувствовавших, что больше незачем жить. Но его духовная практика засияла с новой силой убежденности. Как и его служение умирающим. “Работа в хосписе помогла мне открыть человеческое достоинство”, говорит Флит. “Может, это и не единственный способ раскрыть наше достоинство, но это то, что сработало для меня”. И добавляет: “Я чувствую себя действительно вдохновленным своим путем здесь”.

Когда я пишу эту книгу, Флит Молл все еще в федеральной тюрьме Спрингфилда. Он продолжает работать на полную ставку преподавателем GED и волонтером в хосписе. Он также завершает свою кандидатскую диссертацию по психологии. Он один из самых занятых людей, которых я знаю, но он не отличается от вас и от меня — тяготы и испытания тюремной жизни так же трудны для него, как и для любого из нас. Разница в том, как он с ними справляется. Он рассматривает все что приходит — каждое событие, каждое чувство — как возможность для новой практики.

Например, исполнить клятву не красть в тюрьме может быть очень сложно. Возникают вопросы, участвовать ли в черном рынке, который может тебя обеспечить чем угодно, от горячей еды ресторанного качества, с льняными

салфетками и столовыми приборами, до новой тюремной одежды. Флит избегает этой тюремной движухи как только может, но добавляет: “Нравится мне это или нет, этот тюремный мир сейчас и есть мое сообщество. Даже что-то простое вроде праздника на день рождения друга связано с использованием черного рынка еды”. Он пытается балансировать клятву не красть и его значимую клятву служить другим.

Хотя он прекратил употреблять наркотики и алкоголь еще до своего заключения и продолжает посещать встречи для зависимых в тюрьме, наркотики не перестали быть для него проблемой. Наркотиком может быть все, что забирает нас из нашего опыта ежедневной жизни, который в тюрьме включает одно из сильнейших ощущений тюремной жизни — скуку.

Заключенные делают все, чтобы избавиться от скуки — компульсивное переедание, непрерывный просмотр телевизора, курение, азартные игры, драки. Все это может быть наркотиком, который вытаскивает нас из настоящего момента. Пытаясь упростить это, Флит избегает компульсивного питания и ночных перекусов, что в свою очередь привносит простор в его жизнь.

Это непросто. “Иногда бывают моменты, когда я спрашиваю себя, почему я это делаю”, признается он. “Порой я вижу и чувствую запах обычного ночного перекуса заключенных, который они греют в микроволновке, из начос и сырного соуса, и тоже хочу этого моментного облегчения скуки и одиночества. Иногда я хотел бы просто все забыть и проводить время бесцельно, смотреть телевизор и читать романы”.

Жизнь Флита Молла исполнена безграничного сострадания. Его работа миротворца за решеткой возникает из его бесстрашного свидетельствования причин и следствий его собственной жизни. Тюремная жизнь для него так же ужасна, как и для остальных. Он бывал и в “яме”, и сталкивался с физическими конфликтами. Он видел, как умирают заключенные, боровшиеся с системой и со смертью до последнего, оставляя этот мир в ярости и горечи.

“Как мы утверждаем сострадание к себе?”, говорит Флит, пытаясь объяснить почему каждый из нас должен заботиться о жизни заключенных. “В нас есть задатки для всего, что только можно вообразить. Наша способность принимать себя зависит от способности строить исцеляющие отношения с теми, кого мы хотим вычеркнуть из своей жизни”.

27. Свидетельствуя систему

Как я говорил ранее, когда я впервые побывал в наркопарке Леттен в Цюрихе, я был поражен тем, как близко он был к центру города. Это место глубокого страдания, гнева и жадности лежало в двух шагах от одной из величайших мировых столиц коммерции, а его болезненные доходы — в непосредственной близости к банкам, бизнесам и покупателям на улицах. Оно было словно воспаленный нерв, полный боли, связанный множеством вен и капилляров, распространяющих болезнь в разных формах во все части Цюриха и даже мира. Эти вены и капилляры были связаны друг с другом и с воспаленным нервом, прямо как в наших телах. Несмотря на это, пытаясь лечить болезнь, правительство Цюриха отправило консультантов к наркоманам, отказываясь лечить другие, менее очевидные симптомы и больные места.

Если вы не находите это странным, подумайте, как мы заботимся о своем теле. Если у меня заболевание сердца, я не вырезаю сердце из тела из-за того, что оно не функционирует как надо. Сначала хирург может поставить кардиостимулятор, чтобы поддержать слабый орган, или установить новые клапаны, или сделать операцию шунтирования. Я буду улучшать свою диету и делать упражнения. Я буду меньше работать и больше отдыхать. Стану учиться уменьшать стресс. Весь стиль моей жизни изменится, чтобы позаботиться о здоровье. Или если у меня развилась меланома, скорее всего доктора будут лечить кожу облучением. Вдобавок они могут применить химиотерапию и лекарственные средства, если рак распространился в другие части тела. В любом случае, мы лечим все тело, а не только самое видимое проявление заболевания, и это лечение приводит к трансформации всей системы.

Исцеляя общество, мы этого не делаем. Наркоманы могут быть нашей социальной меланомой, но вместо того чтобы лечить все сообщество, мы объявляем наркоманов вне закона, и отсекаем их законами и запретами, как будто стряхнув их мы излечим само заболевание. А потом мы отворачиваемся, как будто больше мы с ними не связаны. Мы понимаем, что это суицидальный шаг для человека, поступать так с физическим заболеванием, но это ровно то что мы делаем с бедностью, болезнями, голодом и дискриминацией. Потому что мы не видим друг друга как единое тело. Эти болезни поражают всю нашу систему. Поэтому чтобы исцелить их, мы должны свидетельствовать их присутствие в каждой части нашего единого тела.

Я называю это свидетельствованием общества в котором мы живем, или свидетельствованием системы.

Помню как однажды ехал домой из Нью-Йорка с суфийским имамом, высоким, худым афроамериканцем. Подъехав к юго-востоку Йонкерс поздно ночью, на улицах мы увидели много парней школьного возраста. Они тусовались на углах улиц, болтали, курили, позабыв о том, что уже поздно и они должны быть дома. Повернувшись, я увидел, что в глазах моего спутника слезы.

“Видишь этих мальчишек?”, сказал он. “К тому времени как им исполнится двадцать, большинство из них будут наркоманами, в тюрьме или мертвы. Я там был, я знаю”.

Мой друг свидетельствовал не только свою жизнь и жизни уличных подростков, но и систему целиком, которая маргинализирует афроамериканских мужчин.

Вскоре после этого еще один участник Ордена Миротворцев, африканский активист из Камеруна, работающий с бездомными в Нью-Йорке, рассказал мне, что когда он был мальчиком, он тоже проводил много времени вне дома. Он вырос в деревенской культуре Камеруна, формирующей совершенно другие ценности и традиции. Когда он достиг совершеннолетия, его и других таких же как он мальчиков вывели из деревни и отправили учиться быть бездомными на многие месяцы, в качестве ритуала перехода. В обоих случаях мальчики были вдали от дома и семьи, без родительского надзора. Но обстоятельства были совершенно разными, и приводили к абсолютно разным результатам. Нельзя свидетельствовать различия в их жизнях, не свидетельствуя колоссальные различия в системах.

Если мы действительно свидетельствуем целостность жизни, то мы будем свидетельствовать не только свою жизнь, но комплексное функционирование нашего сообщества как целого.

Когда мы основали Greyston Family Inn, планируя построить временное жилье для бездомных семей, первое выбранное нами место было заброшенной школой, состоящей из двух зданий, прямо в центре нашего района. В городе ее называли Школа 6. Здания стояли пустые и неиспользуемые в течение девяти месяцев, и мэр, Анджело Мартинелли, хотел отдать их нам. Но наши соседи выступили против, сказав что они не хотят, чтобы в район приходили бездомные семьи. Поэтому я стал ходить по местным церквям, представляясь различным священникам. Я приносил с собой архитектурные планы и описывал наши программы, надеясь убедить их в том, что эти семьи не станут обузой для нашего сообщества.

Некоторые уклонялись от общения, другие были настроены враждебно. Наконец, я встретил одного священника-баптиста, которому понравились наши планы и идеи. Между нами установился теплый личный раппорт, но он предупредил, что пройдет не меньше тридцати лет, пока его прихожане меня примут. “Ты не выглядишь как мы, ты не ешь нашу еду, и ты не говоришь как мы”, сказал он.

Он указывал, что недостаточно иметь хорошие идеи и ресурсы для их реализации. Мы были частью системы. Мы жили в городе с сильными расовым напряжениям и недоверием. Было мало одних только моих разговоров со всеми и попыток увидеть все с их точки зрения — и попыток помочь им посмотреть на все с моей. Нам также нужно было свидетельствовать систему расизма, бедности и ущемления прав людей. Мы все были частью этой системы, мы создавали ее вместе, а теперь она, в свою очередь, создавала наше видение и реакции. Так что неважно, насколько хорошую работу мы проделали, добиться доверия сообщества заняло бы лет тридцать, просто потому что я был белым, а не афроамериканцем, и буддистом, а не баптистом.

Если бы мы увидели, как кого-то на улице пырнули ножом, большинство из нас побежало бы вызывать полицию и указало бы на того, кто это совершил. Но если вы заключенный в тюрьме и вы видите, как кого-то режут, вы не укажете на нападавшего, потому что это стукачество, которое по тюремным законам карается смертью. Так что если вы видите поножовщину, вы не можете разобраться с этим, не свидетельствуя систему.

Большую часть времени мы так не поступаем. Некоторые свидетельствуют какие-то составляющие, большинство отворачивается. Редкий человек готов увидеть все составляющие и их взаимосвязи. Просто подумайте о Леттене. Один миротворец может посетить Леттен, и увидит только страдания наркоманов. Он создаст рехаб-программу. Другой увидит еще и страдания распространителей наркотиков, и попытается убедить их сложить оружие и найти другую работу. Если он священник, он может говорить о зле, творимом ими, и необходимости покаяться. Но пускай миротворец прибудет в Леттен и станет свидетельствовать всю систему целиком, от потребителей до дилеров, через банки до бизнеса, от горожан до правительства, тщательно следящего за подобной системой. Он увидит, как деньги от наркотиков пропитывают экономику и жизнь этого города и мира. Что он попытается сделать тогда? Он попытается изменить всю систему.

Миротворцы, которых мы помним и ценим больше всего, это те, которые пытаются исцелить общество в целом, а не какие-то его части. Вместо того чтобы давать деньги на раздачу еды, они пытаются побороть голод. Вместо того чтобы кормить бездомных на день благодарения, они пытаются устранить бездомность и бедность. Они ничего не могут с этим поделать. Но раз они свидетельствуют функционирование всего общества, исцеление тоже рождается в масштабах всего общества. Они бросают вызов каждому человеческому существу и институту, равно как и нашему собственному способу жить. И за это их часто убивают.

Старые еврейские пророки день за днем свидетельствовали прегрешения Израиля, и некоторые были отправлены на смерть. Христа распяли, потому что Он свидетельствовал и пытался исцелить коррупцию и отвержение всего общества. Приверженность Махатмы Ганди к ненасилию повлияла не только на индусов и британцев, но и на Нельсона Манделу и его сторонников в Южной Африке, Мартина Лютера Кинга младшего и его сторонников в Америке, а также миротворцев повсюду. Ганди также напрямую повлиял на тех людей по всему миру, которые верили в насилие, которые хотели свести старые счеты, которые делали деньги на оружии, или верили в то, что некоторые войны были оправданны. Разве удивительно, что его убили?

Обращаясь к нашим примерам, когда отец Брюс Риттер основал “Covenant House”[63] — приют для беспризорников на Таймс-Сквер в Нью-Йорке, местные драг-дилеры назначили награду за его голову. Заботясь о беспризорниках, он выводил их из числа потенциальных потребителей, продавцов и барыг с городских улиц, угрожая доходам наркодельцов. Части системы вокруг Таймс-Сквер были так сильно взаимосвязаны, что хотя он работал только с одной из них, одновременно

[63] Буквально — “Дом Завета”

он влиял и на все остальные. Многие годы, куда бы он ни отправился, его охраняли телохранители.

Свидетельствование — опасное дело. Однажды начав, остановиться трудно. Жизнь миротворца начинается с одной встречи, с единственного свидетельства. Потом приходит второе и третье. А через какое-то время мы уже не можем отворачиваться. Мы видим не только голод, болезни и расизм, но и людей, организации и сообщества, которым это выгодно. Зарождающееся исцеление угрожает самому существованию таких обществ. Нас будут называть смутьянами, нас будут называть коммунистами. А иногда нас будут арестовывать, бить или убивать.

28. Свидетельствование систем выживания

После освобождения Аушвица русскими солдатам в январе 1945 года, многие выжившие совершили самоубийство. Это случалось и среди выживших узников других лагерей. Было много причин, по которым люди, прошедшие через ужас лагерей, убили себя после освобождения, и обычно они были связаны с переполнявшими их чувствами утраты, горя и вины.

Но я думаю, что некоторые из них убили себя еще по одной причине. Чтобы выжить в системе Аушвица, им пришлось разработать систему выживания. С ее помощью они преодолевали голод, болезни, холод, систематическую селекцию и казни. Но эта система была призвана помочь им в Аушвице, а не в жизни после него. Когда Аушвиц закончился и началась новая жизнь, они почувствовали себя незащищенными, растерянными, неспособными справиться с новой системой. Поэтому они покончили с собой.

В некотором смысле, мы от них ничем не отличаемся. У каждого из нас есть система выживания. Она происходит из нашей обусловленности, из паттернов поведения, которые мы выработали в раннем детстве. Действительно, один из способов взглянуть на наше общество — это рассматривать его как конгломерат индивидуальных систем выживания. Каждая такая личная система становится нашим самодельным бронекостюмом, созданным чтобы защищать нас по мере того, как мы прокладываем путь через общество, эту бóльшую систему. Каждая новая социальная ситуация есть новая система, и для каждой новой системы мы пытаемся создать новый защитный костюм. Но, подобно тем пережившим Аушвиц, которые убили себя в конце войны, нам это не всегда удается.

Вскоре после нашего ретрита в Аушвице в 1996 году, я прочитал историю Бинджамина Вилкомирского, который провел раннее детство в концентрационном лагере в Польше. Его мемуары, которые называются “Фрагменты”, были одними из самых трогательных свидетельств выживания в лагерях, которые я встречал. В системе, в которой он провел годы своего детства, концентрационном лагере Майданек, не было такого понятия как мать. Не было таких понятий как нацисты или охранники, а были “черные сапоги”, и уж конечно там не было таких вещей как теплая одежда или полный желудок. Ежедневными переживаниями были избиения, голод и смерть.

Наиболее показательными были его свидетельства о том, как он рос в Швейцарии после войны, сначала в сиротском приюте, а потом в приемной семье, которая понятия не имела, через что он прошел. Он пишет, как смотрел на свеженарезанный хлеб, будучи не в состоянии к нему прикоснуться, несмотря на то что был очень голоден. Согласно его старой системе выживания, куча нарезанных кусков свежего хлеба была ничем иным, как ловушкой, созданной “черными сапогами”, чтобы они могли его убить. Месяцами он не мог лежать в своей кровати, только под ней. Кровать тоже была ловушкой. Когда в приюте группа собиралась на прогулку под снегопадом, и он не смог найти свои ботинки, он в спешке обернул голые ноги газетами и побежал к ним, уверенный, что если он не выйдет, то его убьют. Другие сироты и воспитатели, выросшие в другой системе, смеялись над ним.

Его старая система выживания проявилась вновь даже спустя несколько лет, когда с одноклассниками он впервые поехал кататься на лыжах. Маленьким ребенком он видел, как маленькие тела его друзей грузили в угольные тележки в Майданеке, и от небольшой избы по узкоколейке везли в вершине конической горы. Там тележки исчезали в отверстии на вершине горы, а возвращались они уже пустыми. Тела попадали в них и никогда не возвращались обратно. А теперь, в Швейцарии, он смотрел как его одноклассники цеплялись за веревку возле хижины в долине и по двое поднимались вверх по склону горы. Когда они достигали вершины горы, они соскальзывали в огромную открытую черную дыру и исчезали. Когда крюки возвращались вниз, они были пустыми.

Маленький Вилкомирский сделал все что мог, чтобы его не прицепили к веревке и не потащили на гору. Его система выживания говорила ему, что это машина смерти, а мужчина, пытавшийся прицепить его к веревке — это палач. Каждый раз, как только крюк появлялся позади него, он падал на снег. Мужчина уже проклинал его, но мальчик все равно не вставал прямо, чтобы прицепить его к веревке. Наконец лыжный инструктор сдался, велел ему убираться с платформы и начал ругаться на него: “Городской! Слабак! Трусишка!”.

Наше взаимодействие с обществом — это постоянный механизм обратной связи. Мы всегда обмениваемся обратной связью с обществом, и согласно этому в доступной нам степени корректируем свою выживательную систему.

Во время войны солдат поощряют убивать как можно больше людей. Когда эти же солдаты возвращаются домой, они, подобно выжившим в Аушвице, обнаруживают, что они живут в новой системе, где нет места для инстинктов, которые они развивали в военное время. Некоторым не удается скорректировать свои личные системы. Это приводит к тому, что общество считает их отбросами и отвергает их, и многие из них оказываются в ветеранских организациях или на улицах. Клод сказал мне, что суицид совершили больше солдат, чем были убиты во время войны.

Эли Визель отмечал в своей книге о лагерях смерти, что когда он с отцом бежал по снегу после освобождения из Аушвица, он хотел, чтобы его отец упал и умер, чтобы он, более молодой и не обремененный стариком, мог выжить. Его книга свидетельствует не только систему Аушвица, но и его собственную систему выживания и ее установки в отношениях отца и сына.

Когда я работал инженером аэрокосмических систем в Макдоннел-Дуглас, в один год прошли масштабные увольнения из-за сокращений правительственных расходов на оборону. Многие из моих коллег, которых уволили, прошли через серьезную депрессию. Они не могли справляться даже с мелочами, вроде ухода за своим газоном, который раньше поручали садовнику. Но еще несколько лет назад, до того как они стали получать высокие зарплаты, они сами занимались садовым хозяйством. Они как-то справлялись, имея низкий доход и простые дома. А теперь не могли приспособиться.

Одна из наших клятв миротворца — не лгать. Ложь связана с системами, в которых мы живем. Большинство из нас лжет ненамеренно; мы просто говорим правду так, какой мы ее видим, такую, которую диктует нам наша система

выживания. Но в глазах других людей, согласно их системе выживания, правда, которую мы говорим — это ложь.

Я помню одну встречу в те времена, когда я обходил церкви в Йонкерс, пытаясь познакомить людей с общественными проектами, которые мы предлагали. В один из вечеров мужчина с самого начала меня перебивал, не давал мне говорить, утверждая, что я зашибаю миллионы долларов на бедняках. Я это отверг, он повторил вновь, и мы оба начали все больше злиться. Наконец он закричал, что я сутенер, и что мой план в том, чтобы переселить бездомных матерей из мотелей (в которых тогда жили бездомные) в нашу пекарню, где они будут работать как рабы, а потом, когда они станут не нужны, мы снова отправим их в мотели. Я потерял терпение и крикнул в ответ: “Чушь собачья”!

Позже я вспомнил слова своего друга-пастора. Я не выглядел как мужчина, который меня перебивал; я не говорил и не был одет, как он. Годами он сражался с системой, в которой люди, которые выглядели как я, держали его за границами общества. Для самозащиты он создал личную систему выживания, и согласно этой системе я был сутенером. А согласно моей — я им не был, а он лгал.

Мы лжем вне зависимости от того, думаем ли мы, что говорим правду. Ибо нет никакой правды. Единственная правда это то, как мы что-то видим. Я — дальтоник. Я могу видеть что-то фиолетовым, а вы можете видеть это зеленым. Я неправ? Но я так вижу! А вы видите иначе. Возьмите другого человека и правда будет другой. Смените систему и правда снова станет иной. Все что мы можем — это в любой момент отвечать человеку в моменте; и ответ будет меняться в зависимости от человека, ситуации, момента и системы.

Это особенно важно, когда речь идет о людях, имеющих авторитет. Когда я выражаю себя, люди думают, что я выкладываю всю правду. Но то что я пишу в этой книге — это не правда, это просто то, как я вижу какие-то вещи. Вы не ошибаетесь, если видите их иначе. Когда мы встречаемся и слушаем друг друга — не из знания, что другой человек лжет, а из **незнания** — мы практикуем клятву не лгать.

Когда мы живем из незнания, мы сбрасываем свою защитную броню. Каждый раз мы отпускаем свои фиксированные идеи о себе и о других, отпускаем нашу индивидуальную систему выживания. Ибо возможно, что когда-то эти системы помогли нам выжить, но теперь они нас разрушают. Они разрушают нашу способность действовать спонтанно, отвечать прямо, участвовать в любой ситуации, которая возникает.

Живя из незнания, мы обнажены. Мы из одной ситуации попадаем в следующую, от одного человека к другому, из одной системы в другую, и в каждой мы реагируем непосредственно и уместно. В один момент у нас есть работа, в другой нет. В один день мы в кругу семьи, в другой мы потеряли кого-то, кого любим. Когда мы живем из незнания у нас нет ожиданий о том, что случится, и как мы будем себя чувствовать. Мы обезоружены, проходя ситуации одну за другой, и свидетельствуя.

Часть 5. Создание ордена миротворцев

29. Джоан Галифакс, или сотворение одеяния миротворца

Наш орден миротворцев включает и мирян, и духовенство. Все они миротворцы и принесли клятвы миротворцев. Все носят накидку миротворца.

После своего великого просветления Будда Шакьямуни продолжал учить в течение почти пятидесяти лет. Он путешествовал из одного города Индии в другой со своими учениками, группой нищенствующих монахов. Каждому из них пришлось оставить дом. Они ничем не владели и полагались на щедрость встречных. Когда они были в походе, который длился почти год, за исключением сезона дождей, они были одеты только в свои робы и носили лишь чаши для подаяния и достаточно монет, чтобы заплатить за кремацию в случае их смерти.

Поначалу они одевались как другие религиозные практики того времени. Есть история, что однажды король попросил Будду Шакьямуни, чтобы его монахи носили одеяния, которые бы показывали, что они последователи Будды. Будда согласился. Однажды он остановился, чтобы взглянуть на рисовое поле. Он заметил, что оно расчерчено упорядоченными и изящными тропинками, и что рис мирно растет с другими видами в поле. Будда указал на рисовое поле и попросил Ананду, одного из старших учеников, создать одеяние, которое будет подобно узору на рисовом поле. Ананда создал робу, сделанную из длинных и коротких кусков брошенной ткани, которая была выкрашена и сшита, и так стала одеждой буддийских монахов. Правило состояло в том, что монахи могли использовать только материалы, от которых отказалось остальное общество. Это была материя, которая была поедена скотом или мышами, обгоревшая, или из одежды или савана умерших. Эти материалы обычно просто выбрасывали на улицу, но часто монахи посещали места захоронения, чтобы найти саван с мертвецов. Они откладывали драные части, а другие стирали и красили. Потом они сшивали лоскуты в полосы, а полосы стегали вместе и делали окантовку. Таким образом, они шили свои одеяния из полос, каждая из которых включала в себя фрагменты ткани, от которой отказалось общество.

В нашем ордене миротворцев священники шьют одну рясу из семи полос до своего посвящения. Они не могут купить материал для нее или использовать что-либо новое. Вместо этого от своих друзей или семьи они должны получить куски ткани из одежды или вещей, которые больше не используются, которые иначе были бы выброшены. Они потом окрашиваются и сшиваются вручную в рясу миротворца. Этот процесс обычно занимает несколько месяцев.

Одна наша новая посвященная сделала немного по-другому. Она посетила наши современные похоронные земли — хосписы для больных СПИД и раком, места алкоголизма и болезней — и там искала материалы для своей рясы, точно как буддийские монахи 2500 лет назад.

Джоан Галифакс — священник-миротворец. Она уже была видным учителем буддизма, когда мы впервые с ней поговорили о присоединению к ордену дзен-миротворцев. На самом деле, она уже получила Передачу Лампы[64] от Тит Нат

[64] Церемония личного посвящения в учителя Дхармы

Тхана, позволяющую ей быть мирским учителем и наставником. К тому же, Джоан известная в стране фигура в обучении социальных работников и сотрудников хосписов, а также известна своей работой по контемплативной[65] помощи умирающим.

Джоан полна энергии и энтузиазма. Ее визиты в Йонкерс — обычно короткие остановки в ее длинных и трудных путешествиях по всей стране, в которых она ведет конференции, мастер-классы и ретриты. Она энергичная и прекрасная женщина, которая проводит групповые ретриты в глуши. Но так было не всегда.

“Я не отличалась особым здоровьем”, говорит она. “В четыре года у меня была серьезная вирусная инфекция и два года я была слепой. Потом были две серьезные автомобильные аварии и другие болезни, подкосившие меня”.

Она начала активно работать с умирающими в 1970 году. Ее зов произрастал из отношений с прабабушкой. Будучи художницей и скульптором, ее прабабушка создавала красивые надгробия для кладбища Саванна. Она часто делала посмертный макияж своим ушедшим друзьям, или подбирала одежду для похорон. Она любила рассказывать внучке истории про призраков. Она также рассказывала внучке, как заботилась об умирающих друзьях.

Прабабушка Джоан умерла в 1960-х. “В те времена умирание было медицинским событием. Доктора воспринимали свое обучение как обучение воинов, противником которых была Смерть. Они рассматривали умирающих как угрозу собственной медицинской экспертности. Прабабушку поместили в дом престарелых. Я помню, как мы навещали ее с моим отцом, и она умоляла отца помочь ей умереть. Я чувствовала себя совсем беспомощной перед лицом такого страдания. Когда она таки умерла, я заглянула в гроб и увидела, что ее лицо наконец расслабилось, и я пообещала ей, что сделаю все что смогу, чтобы помочь людям умирать хорошо”.

Она стала оказывать контемплативную помощь умирающим людям. Она занималась этим много лет, порой с людьми, которых она знала, иногда с теми, кто слышал о ее работе и кому требовалась помощь в процессе умирания. В середине 1980-х она стала работать с мужчинами, умиравшими от СПИДа. “Это был очень хороший опыт, потому что я работала с мужчинами, которые хотели умереть нормально, кто хотел быть примером для других мужчин-гомосексуалистов, больных СПИДом. Для них было важно умереть осознанно. Они меня многому научили”.

К тому времени, когда она стала членом ордена миротворцев, Джоан Галифакс работала с умирающими уже более двадцати пяти лет. Сейчас, работая в центре Упайя в Санта-Фе, Нью Мехико, она создает и преподает обучающие программы по контемплативной помощи умирающим людям для работников хосписов, социальных работников и других специалистов.

Поскольку Джоан постоянно в дороге, она была шокирована, узнав, что до посвящения ей придется сшить свою накидку вручную. Это будет куча работы, а с шитьем она была не знакома. Но она решила все-таки это сделать.

---

[65] Речь идет о практиках созерцания и осознанности

Она также приняла решение, где она возьмет кусочки, из которых сошьет свою накидку. “Я подумала, что лучшим способом будет пойти к людям, о которых я действительно заботилась, к умирающим или их родственникам, и попросить у них наволочку, старое платье, носовой платок или любую старую тряпку, которую я смогу включить в свое одеяние”.

Изготовление ее накидки миротворца было непростым делом. Во-первых, ей пришлось просить куски ткани. “Мне приходилось выпрашивать. Это было действительно сложно, потому что мой обычный способ быть с людьми в горе — это служить им, а не просить мне что-то дать. А теперь я была той, кто просит. Я просила у тех, кто был ранен, у тех, кто был в трауре. Я обнаружила, что когда ты просишь об одолжении у человека, который страдает, возникает определенная близость. Многие из людей, которые давали мне ткань, просили меня, чтобы я выслушала их истории. Другие связывались со мной и говорили: “Я бы хотел, чтобы ты включила мою мать в свою накидку”, или “я бы хотела, чтобы мой партнер стал частью твоей рясы миротворца”. Один здоровый старик, который был ко мне очень добр многие годы, сказал: “Я хочу быть в твоей рясе”. “Но у вас нет неизлечимых заболеваний”, сказала я. Он ответил: “Но я уже стар”.

По мере того как она получала лоскутки ткани, она красила их темной краской, состоявшей из черного, темно-зеленого и цвета зеленой ржавчины, которая взаимодействовала с волокнами, а не полностью их покрывала. В результате ткань приобрела смешанный, более темный цвет. Куски ткани не были одного цвета — каждый давал свой собственный оттенок, со своим узором и текстурой.

Потом она сделала черновую обрезку. “Я не хотела резать прекрасные платья, пальто, шелковые жакеты. Некоторые их этих вещей я бы с удовольствием носила. Вместо этого мне пришлось порезать их. Я резала скатерти, ночные рубашки, даже старое свадебное платье. Мы все время заняты разными формами разделения-отделяем и разбираем что-то, а потом снова собираем это вместе новыми способами”.

Порой она ошибалась. “Что-то я обрезала слишком сильно”, вспоминает она. “Но это практика в такой ситуации. Эти ошибки тоже стали частью моей накидки”.

Потом она начала сшивать покрашенные лоскуты вместе, создавая семь полос. Каждая полоса состояла из одного короткого куска и двух длинных. Она вшила в свою рясу мать своего близкого друга, используя большой фрагмент прекрасного зеленого шелкового платья. Она вшила в накидку свою собственную мать, взяв кусок наволочки, на которой многие годы лежала голова ее матери. Она вшила туда и яркую красную юбку, которую шила, но так и не закончила женщина с рассеянным склерозом. Она пришила верх пижамы женщины, которая умерла от рака груди. Вшила кусок балинезийского текстиля, который носил мужчина из юго-восточной Азии, у которого был рак яичек. Она вшила и носовой платок, принадлежавший женщине, у которой была деменция.

“В моей рясе есть живые люди, мертвые люди, люди, совершившие самоубийство. Друзья и члены семьи. Люди, умершие от рака, от СПИДа или от заболеваний сердца. Это был процесс собирания вместе множества форм страдания”.

В Санта-Фе восемь женщин в ее сообществе решили помочь ей шить. Для одних это был прекрасный проект, а для других очень огорчающий. У этой накидки было ощутимое присутствие, манифестация сострадания, страдания, скоротечности и приверженности.

Джоан Галифакс была посвящена в миротворцы в 1997 году. Она многие годы свидетельствовала старость, болезни и смерть. С того июльского дня она начала носить боль и страдание как вторую кожу.

“Это похоже на Квилт Памяти[66]”, говорит она. “Только он не растянут на Вашингтон Молл, он растянут на моей спине. В некотором смысле мы все носим такое одеяло. Все мы больны, у всех у нас СПИД, у всех рак. Многие из наших матерей умерли. Многие из наших братьев мертвы. Эта ряса меня не будет отличать меня от других. Она будет соединять меня со всеми и каждым”.

Как и Джоан Галифакс, все миротворцы ордена шьют рясу из таких лоскутов. Для некоторых, вроде Джоан, очевидно, откуда взять эти лоскуты. Когда моя жена, Джису, недавно шила для себя новую накидку миротворца, свои куски ткани она получила из Pam-Sula, компании, которую она основала, и которая перерабатывает брошенные вещи в прекрасные аппликации, лоскутную одежду и аксессуары. Она хотела, чтобы ее накидка отражала ее любовь и приверженность сообществу Greyston, которому она служила пятнадцать лет.

Некоторые новички не знают, откуда должны прийти эти лоскутки. Для них шитье рясы — это процесс исследования себя. По мере того как кусочки соединяются и накидка приобретает форму, потоки их жизней становятся явными, и то же происходит с их зовом. Каждый кусочек ткани — это ингредиент. Блюдо, возникающее в конце — это не просто ряса миротворца, это учение о том, как жить жизнью миротворца, и тот, кто носит ее, впитывает это учение через собственное тело.

Один из новичков, который хотел работать в Бронксе, решил собрать лоскуты для своей робы из брошенной одежды в своем родном городе в Пуэрто-Рико, и из выброшенных простыней в Мехико. Только когда куски попали к нему и он начал сшивать их, он понял, что хотел работать не только с латиноамериканскими сообществами Бронкса, а и вообще с сообществами в Латинской Америке.

Флит Молл не мог собрать куски для своей накидки, поскольку он до сих пор в тюрьме. Поэтому он разослал письма по всей стране, и люди отправили свои послания. Люди, которые знали его многие годы, знавшие его как заключенного, как работника тюремного хосписа, как семейного человека, отца, друга или преданного последователя тибетского буддизма и дилера кокаина, все сделали свой вклад. Все вместе эти кусочки создали великолепную накидку миротворца.

И пусть все кусочки окунают в похожую темную краску, и хоть все миротворцы шьют по одним и тем же инструкциям и делают одни и те же аккуратные стежки, каждая накидка выходит поразительно непохожей на другие. Каждый отрез ткани

---

[66] AIDS quilt — огромный мемориал в виде лоскутного одеяла, сделанный из вещей разных людей посвященный памяти умерших от СПИДа и связанных заболеваний. Одна из первых масштабных попыток привлечь внимание к эпидемии СПИДа.

уникален. Когда орден собирается вместе, мы все одеты в свои уникальные накидки, наши личные вклады во Вселенную.

Мы не обязаны быть совершенными, чтобы быть миротворцами. Ни Джоан, ни Клод, ни Флит не совершенны. Они не святые. Помните сеть Индры, с драгоценным камнем в каждом узле? Каждый миротворец — такой драгоценный камень. В каждом из нас есть все ингредиенты миротворца, и эти ингредиенты — ничто иное, как наши жизни. Одни наши качества, возникающие из радости и страдания наших жизней, ярко сияют, другие светят приглушенно, но есть и такие, которые отталкивают. Описывая каких-то людей, которых я знал и с которыми я работал, я подсвечиваю их сияющие качества. Они у всех нас отличаются, потому что мы разные, каждый со своей личностью и характеристиками. И при этом у нас есть кое-что общее. Каждый из нас — алмаз в сети Индры, и у всех нас есть ярко светящиеся качества.

Это означает, что нам не нужно становиться совершенными, прежде чем мы начнем действовать. Нам просто надо готовить наше блюдо заботы о мире из тех ингредиентов, которые уже у нас есть. Чем больше мы свидетельствуем и действуем, тем очевиднее становятся эти ингредиенты. Становимся ли мы служителями-миротворцами или нет, нити, стежки и лоскутки нашей робы миротворца становятся все более и более заметными.

Смысл заботы о мире не в том, чтобы выполнить работу в совершенстве. Смысл в том, чтобы свидетельствовать, делать вклад, и быть вкладом в каждый момент. Это плодотворно само по себе. Каждый из нас и есть такой плод в прекрасном саду, который некоторые называют Вселенной.

30. Орден дзен-миротворцев

Когда мы шьем наши рясы, мы начинаем с нуля. В начале, когда перед нами просто несколько лоскутов, мы не можем представить, как потом будет выглядеть эта накидка. Некоторые из нас жалуются, что мы шьем ее неправильно, что полосы ткани получаются кривые, и вообще всё получается не то. Обычно мы отодвигаем в сторону эту ментальную болталку и просто сшиваем накидку, кусок за куском, отрез за отрезом.

Начинать с нуля означает начинать с незнания. Вот кусок отсюда, а вот оттуда, и вы собираете их вместе. У нас нет представления, как будет выглядеть конечный результат. У нас может быть видение, как мы хотели бы, чтобы он выглядел, но в действительности мы не знаем. Это очень трудная практика, но если мы можем начинать из неизвестного, без правильного и неправильного, то проблем не будет. Тогда ничего не может пойти неправильно.

Когда Джису и я основали орден дзен-миротворцев, мы собирали его так же, как миротворцы шьют свои рясы. Мы начали с нуля. Появилась одна деталь, потом другая, потом мы сшили их вместе. Потом третья, и мы присоединили ее к первым двум. Нам, как и новым членам ордена, любопытно, что получится в итоге.

Орден миротворцев никогда не станет завершенным, но несколько деталей уже соединились благодаря людям, которых мы вшили в орден. Точно как Джоан вшивала разных людей в свою накидку, Джису и я сшили очень разнообразную группу миротворцев, включая тех, кого я уже описывал на страницах книги, в нашу рясу, которую мы называем Орденом Миротворцев. Создаваемый орден будет ничем иным как энергиями этих людей, энергиями их жизни и работы.

Оглядываясь назад, первым куском этой накидки, первым ингредиентом, стала клятва, которую я дал в 1994 году на ступенях Капитолия. Долгое время она же была и единственным. Несколько последующих лет мое время и энергия уходили на другие обязанности. К началу лета 1996 года мы были готовы продолжать. В то время и мне, и Джису платили в Greyston Network. Мы решили отказаться от оплаты в Greyston, потому что нам обоим важно было начать с нуля, хоть для нас это и был практически единственный источник доходов. Без надежного источника доходов, без приходящего раз в два месяца чека, теперь мы были вольны искать помощи отовсюда. Я узнал о щедрости жизни во время наших уличных ретритов и был уверен, что как только мы разожмем ладони и отпустим то, что у нас было, мы начнем получать. И действительно, услышав о том, что мы делаем, несколько старых друзей и сторонников немедленно пожертвовали нам денег, чтобы мы могли продержаться первые несколько месяцев.

Следующим вопросом стало то, где мы будем работать. У нас обоих много лет были офисы в Greyston, но теперь в этом не было смысла. Поэтому Джису и я переделали наш дом в офисное пространство для ордена миротворцев. Это дом на одну семью по улице от церкви пятидесятников. В доме был маленький подвал и чердак. Сделав небольшой ремонт, мы создали рабочие места для шести человек. Ко тому времени, когда более чем год спустя орден переехал, дюжина людей каждый день работала из нашего дома. Они собрались со всего мира. Каждый человек, который работал с нами, включая социальных работников, художников,

писателей, католических и дзенских священников, а также бизнесменов, был частью материала, еще одной деталью, которая войдет в состав ордена миротворцев.

Другим первым ингредиентом ордена была миссия служить домом для миротворцев со всего мира. Я начал обсуждать это с многими миротворцами, которых я знал, и практически сразу люди захотели присоединиться. Клод Томас из Массачусетса, захотел стать частью ордена. Как и Джоан Галифакс в Нью-Мехико. Как и Флит Молл, в тюрьме Спрингфилд. Как и Пат О'Хара, учитель буддизма, который работает с людьми со СПИДом в Нью-Йорке. Как и Пако Луговина, которая многие годы строила дешевое жилье в Южном Бронксе. Захотела присоединиться и сеть социальных организаций из Италии, как и группа польских активистов в Варшаве. Не имело значения, с кем я говорил, многие пожелали каким-то способом стать частью нашего ордена. Для них было неважно, что он только что основан, неважно было и то, что мы до сих пор сшиваем вместе его части. Они захотели вложить в роден свою энергию, истории и способность учить, чтобы стать более эффективными миротворцами.

У многих из этих активистов уже были свои организации, иногда очень большие. Они подняли вопрос, как они могут вовлечь свои группы в работу ордена. Ответ появился быстро. Каждая такая организация, каждая группа, станет Деревней Миротворцев, которой будет управлять лидер, член Ордена.

Мы с Джису изначально не собирались делать никаких Деревень Миротворцев. Но пока мы сшивали эту рясу, которую мы назвали орденом, и запрашивая разные кусочки — активистов из всех путей жизни, со всего мира, одиночек и группы, это пришло. В разговорах с ними, чтобы увидеть, как все это будет работать вместе, мы быстро поняли, что эти активисты создали целый лоскут миротворческих деревень, где каждый миротворец, каждая организация — это еще один кусок общего полотна.

Услышав об этой возможности, другие миротворцы тоже захотели к нам присоединиться, но не как члены ордена Дзен-миротворцев. У них или не было практики Дзен, или они были уже посвящены или практиковали в других религиозных традициях, не позволявших им присоединиться к ордену. Например, Никлаус Братшен и Пия Гайгер, основатели Межрелигиозного Союза Миротворцев, швейцарской организации, развивающей мировую этику и межрелигиозный диалог, выразили интерес к тому, чтобы сотрудничать с орденом к взаимной пользе. Так же и Йон Кабат-Зинн, который проводит тренинги осознанности по управлению стрессом в медицинском центре университета Массачусетса. Священники, адвокаты и академики выражали желание присоединиться и найти способ привнести заботу о мире в свою работу. Скоро мы поняли, что они тоже составляют еще один лоскут. Только это был не лоскут ордена дзен-миротворцев. Этот лоскут был частью рясы, которая называлась Сообщество Миротворцев, которую потом мы назвали Межконфессиональной Ассамблеей Деревень Миротворцев. Ассамблея стала хабом для всех деревень, объединяя миротворцев и их организации по всему миру, которые присягнули Трем Заповедям — незнания, свидетельствования, исцеления. Сообщество Миротворцев включало не только орден и ассамблею, но и образовательную платформу, названную Институтом

Миротворцев, и организацию Люди Дома Одного[67] для межконфессиональных событий и праздников.

В следующих главах я буду описывать создание некоторых других частей ордена Дзен-миротворцев. Пожалуйста, учтите, что каждая из них создавалась из незнания. За годы моей работы и путешествий многие люди говорили мне, что они хотят что-то сделать. Они хотят положить конец бедности, болезням и дискриминации. Они хотят создавать лучший мир, но они не знают, с чего начать. Они думают, что им нужно получить ответы до того, как приступят к работе

Если вы один из них, я посвящаю вам эту и следующие главы. Если вы хотите что-то сделать, начните с тем, что уже перед вами. Если вы чувствуете, что перед вами ничего нет, тогда попросите об этом. И что-то придет. Это может выглядеть как безделица — квартира, нуждающаяся в ремонте, подержанные игрушки для детского сада, пожилой человек, который хочет стать волонтером, старая одежда для переработки, заброшенный школьный двор. Просто начинайте складывать один кусочек с другим. Возьмите столько времени, сколько потребуется. Не переживайте о конечном результате.

Однажды вы окинете взглядом свою работу и и будете ослеплены своей многослойной накидкой миротворца.

---

[67] Молитвенные дома, включающие в себя синагогу, церковь и мечеть. Это организации, призванные дать единое пространство людям разной веры, не отрицающее различий между религиями, но способствующее мультиконфессиональному диалогу и межрелигиозному культурному обогащению, см. https://house-of-one.org

31. Снова в школу

После того как мы открыли офис ордена у нас дома, возник другой вопрос. Медитация и молитвы были регулярными практиками ордена. Где нам их делать?

Многие годы члены дзен-сообщества Нью-Йорка ежедневно собирались на медитацию. Места, где мы собирались в прошлом, отражали наши активности того времени. Когда мы были ретритным центром, расположенным в большом доме сообщества Ривердейл, мы сидели в отделанном деревянными панелями зале для медитаций. Потом мы сидели на третьем этаже Greyston Bakery, через дорогу от завода красок и прямо рядом с ночным клубом. Потом мы медитировали в подвале одного из наших общежитий, а потом в стенах закрытого женского монастыря, пока его не переделали в жилой комплекс для больных СПИДом.

Где нам сидеть теперь? У нас не было зала для медитации или ретритного центра. Наш собственный дом превратился в маленький офисный комплекс, а другой принадлежавший ордену дом стал жильем для персонала и был заполнен до отказа.

Я стал бродить по окрестностям. Это не слишком отличалось от поисков места для сбора во время наших уличных ретритов. Я хотел место где члены ордена и кандидаты могли утром собраться вместе для медитации или молитвы, прежде чем разойтись по своим делам. Точно как мы делали на улицах. И вот оно, прямо на углу тупика, в котором жили мы с Джису. Школа номер 6. Десять лет назад у нас не получилось получить эти заброшенные два здания, чтобы превратить их в жилье для бездомных семей. Мы построили общежитие Greyston на другой площадке, и здание школы чахло более десяти лет. Теперь оно превратилось в местную свалку, мусорку для соседского мусора и отходов, пустых банок и пивных бутылок, которые выбрасывали пешеходы с соседней Ашбуртон авеню. А еще это был рай для наркоманов. Хотя школа была ограждена, дилеры и торчки регулярно встречались во дворе школы, укрываясь от взглядов за высокими сорняками и дикой травой. Земля была усеяна иглами и шприцами. Много раз наше районное товарищество и местные священнослужители жаловались на школу 6. В течение многих лет разные организации пытались получить ее здание для своих целей, но школа номер 6 стала политическим футболом. Так что люди стали обходить ее стороной. А сообщество делало вид, что ее не существует. Школу оставили загнивать. Трубы прохудились и вода затопила оба здания. Мебель и оборудование заржавели. В красках был свинец и повсюду был асбест, но это не мешало бездомным проводить там ночи, а детям с района забираться туда и играть внутри. Шестая школа стала символом угасания бедных районов, той дезинтеграции, которая происходит, когда люди не работают вместе.

Прекрасное место для наших медитаций.

Поначалу у нас не было ключей, поэтому мы, как и все остальные, проникли внутрь через большую дыру в ограде позади школы. Через некоторое время управляющие города дали нам ключ, и мы смогли входить через главные ворота. В те первые утренние разы нас можно было по пальцам пересчитать. Большой передний двор был так замусорен, так зарос травой и подлеском, что единственное

что мы смогли, это сидеть на веранде под красной школьной аркой, невидимыми для людей, проходящих по улице.

После получасовой медитации мы брали рабочие перчатки, пластиковые пакеты, мотыги, грабли или лопату, и приступали к работе. Пока одни проходили по Ашбертон авеню и собирали мусор, который накопился за ночь, другие начали очищать заросший школьный двор. Сначала мы расчистили большие кучи мусора, а потом начали выкорчевывать высокую траву и подлесок. Это была долгая и тяжелая работа, до тех пор пока нам не позвонили из администрации города. Они прознали, что мы очищаем 6-ю школу. На приближающийся праздник в День Труда [68] был назначен общественный субботник. Не нужен ли нам мусорный контейнер? Конечно, он был нам нужен. А еще нужнее нам был культиватор, чтобы обрезать траву. Без проблем, сказали они. Мы получили не только культиватор, но и отряд морской пехоты, выделенный городу на выходные, чтобы помочь расчистить шестую школу. Так что к концу длинных выходных Дня Труда площадка перед 6-й школой, скрытая под сорняками, деревьями и кустами более десяти лет, наконец-то открылась пешеходам и соседям, ее асфальтовая поверхность была чистой и пустой, поблескивая на солнце.

Мы продолжали убирать слой за слоем мусор, который скопился в трещинах асфальта и на окружающей земле. Мы также взяли несколько камней из разрушавшейся фронтальной стены, переместили их на асфальтовую парковку и выложили из них круг. Там мы медитировали каждое утро, в нашем каменно-сером зале для медитации на открытом воздухе.

Теперь наша группа стала больше. К нам присоединились кандидаты и члены ордена, друзья, соседи, и просто люди, которые услышали о том, что мы делаем. Некоторые в помощь даже привели своих детей.

Я решил попытаться очистить один из классов внутри школы. Это было куда сложнее, чем снаружи. Плесень и ржавчина давно разрушили шкафы, парты, стенды и другое оборудование, которое хранилось в школе. Все было покрыто темной пылью, поэтому трудно было дышать. Надев специальные перчатки и маски, мы стали вытаскивать все, что могли, оставляя раздолбанное оборудование у мусорного контейнера. Скоро стало понятно, что нам нужна еще помощь. На неделю приехал Клод Томас. Семь дней подряд он пахал в классе 6-й школы, иногда работая один, а иногда еще с двумя людьми. В ту неделю было не по сезону жарко, но Клод не останавливался, возвращаясь в наш дом только утолить жажду и помыться, прежде чем вернуться обратно. К концу недели один из классов был очищен. Мы убрались там и сидели в Школе 6 до первых зимних штормов, слушая звуки переключения передач грузовиков, медленно съезжавших по крутой улице, гудки школьных автобусов, рок, сальсу и диалоги из открытых окон, радио в проезжавших машинах, лай местных собак. Мы делали это в дождь, в ясные дни, и в ранние зимние холода. Я сидел спиной к Ашбертон авеню, но другие мне говорили, что пешеходы, проходящие по улице — в основном матери, которые вели детей в школу с утра — часто глазели на нашу группу. Должно быть, мы были тем еще зрелищем, сидящие в кругу на серых камнях в школьном дворе, который был скрыт многие годы. Внутри 6-а школа была все еще заброшенной и

[68] Один из государственных праздников США, первый понедельник сентября. Официальный выходной, поэтому образуются длинные выходные — три дня

неиспользуемой. Но передний двор теперь был на виду, поэтому он перестал быть местом сбора торчков и торговцев наркотиками. По крайней мере снаружи шестая школа, бельмо на глазу сообщества, снова стала частью района.

Прямо как древние монахи находили материал для своего одеяния в склепах и кучах деревенского мусора, мы тоже нашли кусок, отброшенный обществом. Он был прямо перед нами, менее чем в минуте ходьбы от дома. Как только мы начали сидеть там, нам пришлось позаботиться о нем. Поэтому мы начали убираться. И только после прополки и уборки сорняков, выкорчевывания поросли и выкладывания камней в круг, постепенно, шаг за шагом, появился еще один кусок одеяния. Мы вшили школу №6 в орден миротворцев.

Как я уже говорил, это было немного похоже на уличные истории, и даже немного напоминало ретрит в Аушвице. Это не был тихий и спокойный зал для медитации. Каждый день мы пололи и убирали. Каждый день сидя там, мы погружались в утреннюю симфонию звуков, запахов и видов окрестностей. Каждый день мы свидетельствовали результаты дисгармонии и пренебрежения. И из этого грубого опыта возникло тихое исцеление для сообщества и для 6-й школы.

Однажды той зимой управляющие районом обсуждали, как превратить 6-ю школу в местный общественный центр. Потом идея угасла. Здания были в ужасной разрухе, и всем было ясно, что дешевле снести их и построить заново, чем очищать и обновлять. Поэтому по сей день шестая школа остается неиспользованной и заброшенной.

И мы все так же там сидим.

32. Просить деньги: практика мала

Когда орден появился, его работой были тренинговые программы, ретриты свидетельствования и новые проекты. Был офис и команда. Нам нужны были деньги. Как вплести деньги в орден миротворцев?

Мы могли продолжить зависеть от друзей и сторонников. Мы могли собирать деньги, подобно другим религиозным организациям. Но вместо этого я снова засвидетельствовал свой опыт времени, проведенного на улицах, и ко мне пришла идея, что все кандидаты и члены ордена должны будут найти деньги, собирая *мала*.

Как вы помните, когда люди хотели присоединиться ко мне в уличных ретритах, первым требованием было собрать *мала*, бусины на нитке, которые носят как браслет или ожерелье. Кандидаты и члены ордена должны собрать *мала* из 108 бусин. Это значит, что им нужно найти 108 человек, которые поддержат их работу, делая пожертвования ордену. Им приходится просить семьи, друзей, партнеров, коллег по бизнесу, любого, кто придет в голову. Правило таково, что они не могут платить за бусины сами, они должны просить других людей купить их.

Им приходится попрошайничать. Из всех правил, которые у нас есть — десятина с дохода, работа в Деревне Миротворцев, приверженность регулярной практике и обучению — для большинства членом самой сложной практикой становится просить денег.

Когда Будда Шакьямуни путешествовал по Индии 2500 лет назад со своими бродячими монахами, они каждый день просили еду. Они были благодарны за все, что бы они не получали, были это овощи и рис, ведро воды или оскорбление. В день они съедали то, что получили. Они никогда не сохраняли ничего на следующий день. Резерва не было. Каждое утро они брали свои миски и снова отправлялись просить еду.

Практика не собирать вещи, начинать все заново — очень мощная. Нет ничего плохого в том, чтобы иметь вещи, просто мы постепенно к ним привязываемся и тратим время и энергию, защищая их. Большинство из наших миротворцев — главы семейств. У них есть семьи, которые им нужно поддерживать и работа, которая поддерживает их. Некоторые сидят с нами ранним утром в шестой школе, а потом идут на работу. Другие, кто живет далеко, ждут тренингов-интенсивов. В отличие от монахов Будды, у них есть дома, счета в банках и кредитки.

Это делает практику собирания *мала* еще более важной. Она пробуждает уязвимость, зависимость и отвержение. Миротворцы с надежными семьями и домами, успешные в карьере, вынуждены пойти и подвергнуть себя риску. И хотя все, что мы делаем, это подношение, оставляя выбор за нашими друзьями и семьями решать, хотят они участвовать или нет, мы принимаем их решения близко к сердцу. Мы боимся отвержения.

Джоан Галифакс, даже будучи миротворцем долгое время, непросто далось выпрашивать кусочки материала для своей рясы. За некоторое время до того, когда ей было чуть за сорок, у нее была операция на глазах, с последующим облучением

радиацией. Доктора неверно рассчитали дозу излучения. В результате, ее глаза были обожжены и она месяцами носила на глазах повязку.

“В то время я жила в очень стесненной ситуации”, вспоминает она. “Не было канализации. А так как я не могла видеть, мне во всем требовалась помощь других”.

Через некоторое время у нее начались очень серьезные проблемы с кишечником, и ей назначили длинный курс антибиотиков. В итоге от лечения ей стало настолько плохо, что она не могла встать с постели. “Три месяца я чувствовала себя просто выжатой. Но для меня было очень полезно снова оказаться беспомощной и просить помощи. Я бы хотела, чтобы об этом помнили люди, работающие с больными и умирающими: когда вы просите кого-то о помощи, это может открыть глубокую добродетель и щедрость в других”.

Практика прошения денег, это наш способ, способ ордена миротворцев помнить о том, каково это, нуждаться и просить о чьей-то помощи.

Когда Флит Молл отправился в тюрьму, ему нужны были деньги для сына. Работа старшим преподавателем GED приносила ему не более 60 долларов в месяц. Он мог, подобно многим другим заключенным, вписаться в тюремную движуху в поисках нелегальных способов заработать. Вместо этого он попросил о помощи свою семью. Для него это была большая перемена. “Это означало разрушение глубоко въевшегося паттерна отказываться просить других о помощи, и поиска быстрых денег. Для меня это было позитивное изменение, и я знаю, что для моего сына тоже”.

Просить у людей денег — это один из способов работы с клятвой не быть скупым. Когда мы не просим, мы не позволяем другим давать. Когда мы боимся отвержения, мы не позволяем проявиться щедрости. Как сказал старый раввин моему другу, сидящему за столом на свадьбе в Бруклине много лет назад, мы не позволяем другим совершить хороший поступок, или *мицву*.

В практике *мала* есть и публичный аспект. Один из наших священников, работающих в Бронксе, как-то сказал: “Поднять денег на сто восемь бусин — это последнее дело во всем этом. Важнее то путешествие, которое я проделываю, чтобы их получить, и путешествие другого человека, который выслушивает меня”.

Собрать *мала* — это отправиться в путешествие. Мы отправляемся в мир и говорим с каждым, кого встречаем, о нашей работе. Мы не прячемся в туалете и не держим это в тайне, мы публично говорим о том, чем занимаемся. И для многих людей это сложно. У нас были кандидаты, которые хотели свое участие в ордене держать отдельным от своей работы, семьи и друзей. Они хотели оставить это личным.

Но что значит личное? Что значит публичное? Все тайное становится явным. Когда двое в пещере сплетничают о третьем, эта сплетня разносится по всему миру. Я однажды служил в организации, в которой высший офицерский состав собирался для решения важных вопросов. “Не выносите ничего вовне, потому что люди расстроятся”. “Не волнуйся, они уже знают”, сказал ему я.

Мы тратим кучу энергии на то, чтобы сохранять что-то в тайне. Поступая так, мы делаем наши усилия слабыми и ограниченными. Если мы не разделяем нашу заботу о мире со всей Вселенной, мы не будем получать дары, которые у нее есть, дары, делающие нашу работу проще и эффективнее.

Когда мы говорим об ордене, о сидении в 6-й школе, уличных ретритах и Деревнях Миротворцев, мы совершаем огромное подношение нашим семьям и друзьям. Мы разделяем с ними банкет, с богатыми и экзотическими блюдами, о которых они даже не догадывались. Во многих случаях им хочется узнать больше. Иногда они покупают бусины. Иногда они сидят нами в шестой школе и помогают нам убираться там. Или присоединяются к нам на улицах, или включаются в работу Джоан Галифакс или Клода Томаса. Если мы отказываем им в этих возможностях, мы ведем себя скупо.

Некоторые люди говорят мне, что просить — не в их характере. Я говорю им, что для того чтобы быть эффективным миротворцем, они должны просить. Я по характеру, вероятно, одиночка. Когда я был маленьким, я не любил вечеринки и большие компании. Имея выбор, я всегда предпочитал быть одному или с одним-двумя друзьями. Когда я стал миротворцем, вся моя жизнь стала сплошным нетворкингом со множеством людей, зачастую работая с очень большими группами. На самом деле, иной раз люди говорили, что я магнит, привлекающий энергию многих активистов и учителей. Это не происходит из-за характера. Это случается, потому что делиться своими целями и мечтами со всем Мирозданием — единственный известный мне способ добиться их реализации.

Наконец, я хотел бы сказать еще кое-что о том, почему важно просить, на этот раз просить у себя. Раз за разом я встречаю людей, которые говорят мне, что хотят содействовать миру, но им надо еще поучиться, побольше узнать, стать более хорошими людьми, или просветлиться до того, как они начнут работать на благо других. Я считаю, что это и есть скупость. Каждый из нас более чем компетентен, чтобы заботиться о мире. Каждый из нас, такой как есть, полон прекрасных даров. Каждый человек, читающий эти слова обладает удивительными ресурсами, прямо сейчас. Так почему бы не делиться ими?

Если вы голодны, вы идете на кухню и смотрите в холодильник, чтобы найти, из чего вы можете приготовить еду. Если вы смотрите и говорите: “Тут нехватает этого, не хватает того, поэтому я не буду есть”, это и есть состояние скупости. А если мы будем продолжать так делать, мы умрем.

Если вы хотите что-то сделать, но не чувствуете себя в силах, научитесь просить — себя и других. Не будьте скупыми на себя!

33. День осмысления[69]

Раз в месяц мы прекращаем нашу работу миротворцев и свидетельствуем нашу собственную жизнь. Мы используем свои клятвы, чтобы посмотреть на себя и поделиться тем, что видим, с другими членами ордена. Мы также голодаем после полдника. Мы называем это День размышлений.

В начале дня мы перечитываем свои клятвы, и проводим остаток дня, исследуя, как мы практиковали их. Зачем? Потому что не делать этого — просто. Просто быть занятым множеством дел и не смотреть на себя. Этот день предназначен, чтобы свидетельствовать собственные вопросы, которые есть ни что иное как ингредиенты наших жизней. Наша способность исцелять мир — Превосходное Блюдо — создано из этих ингредиентов.

Мы стараемся проводить эти размышления в группе, делимся тем, кто и что мы есть. На них не присутствует религиозных авторитетов.

Со времен Будды Шакьямуни монахи принимали обеты поддерживать монашеский образ жизни. Но миряне, не дававших подобных обетов и живших обычной хозяйской жизнью, с семьями и работой, часто брали какие-то обеты на день. В этот день они не ели после обеда и пытались соблюдать эти обеты, насколько получалось. Они могли делать эту практику так часто, как пожелают, но обычно по меньшей мере раз в месяц.

В приложении мы привели клятвы, которые дают члены ордена миротворцев. Подумайте о том, чтобы взять какие-то из них на один день и с их помощью посмотреть на свою жизнь. Они не должны быть в точности такими, это могут быть любые правила и наставления, которые вы используете в собственной жизни. Важно здесь на регулярной основе выделять день, в который вы прекращаете важную работу, которую вы делаете, и смотрите на свою жизнь, очень лично и очень близко. По каждому обету или правилу спросите себя: “Что это означает для меня, и как соблюдение или несоблюдение этого обета привело к страданию для меня и других, которые суть ничто иное как я сам?”

Чтобы сделать эту задачу более посильной, мы иногда посвящаем День Осмысления какой-то одной клятве, свидетельствуя через нее наши жизни. Каждый обет — это инструмент, чтобы посмотреть на себя, и прислушаться к собственному страданию.

Я многие годы был общественным активистом. Я создавал компании и организации, делал тренинговые программы, и провел множество ретритов. Все эти вещи очень важны, и я все еще поражаюсь исцеляющей силе слушания. Слушания без говорения, без ментальной жвачки, без ответов. Слушания из незнания. Подумайте о тех случаях в вашей жизни, когда что-то сильно вас беспокоило, и вы поделились этим с членом семьи или другом, который слушал таким образом. Те редкие моменты, когда такое слушание случается. Мы стараемся обучать ему в наших тренинговых программах. Иногда все, что нужно человеку — это чтобы его вот так послушали.

---

[69] Размышлений, анализа, рефлексии (буквально Day of Reflection — день отражения)

Когда мы свидетельствуем самих себя в День Осмысления, мы слушаем себя именно таким глубоким и душевным способом. Мы не выносим суждений, не критикуем и не говорим о правильном и неправильном. Этот акт безусловного слушания и глубокой близости имеет невероятную исцеляющую силу.

Прислушайтесь к себе, используя эти или другие обеты. Посвятите этому день практики. Не бойтесь посмотреть на свои проблемы. Когда мы были на улицах, мы дважды в день читали молитву с предложением Превосходного Блюда всем голодным духам Десяти Направлений. Предлагая себя, мы предлагаем пир. Мы можем не считать, что это пир, или можем думать, что это пир несовершенства. Мы предлагаем нашу застенчивость, наш гнев, нашу любовь, нашу похоть, наше невежество, нашу решимость. Все, что вы видите в себе, все что вы есть, это ваше подношение.

И это банкет. Вы не обязаны съесть все, но можете попробовать то, что захотите, выбрать то, что вам по вкусу. Не стоит переживать, что к чему-то вы даже не прикоснетесь. Неважно, сколько вы съедите, всегда будет еще. В действительности, там всего в избытке. До тех пор, пока мы совершаем подношение собой, со всеми нашими ингредиентами, хватит всем.

34. Рассказывание историй

Орден дзен-миротворцев это место, где миротворцы делятся своими историями.

Эта книга — моя история: мое время на улицах, в Аушвице, в школе №6, в ордене. Это история отношений: с моей женой и со-основателем ордена, Джису Холмс, с другими миротворцами, коллегами и учениками, и с людьми, которые были моими величайшими учителями за последние годы — обитателями Леттена, Боуэри, Аушвитца — всех из которых мы вплели в наш орден. Это история развития моей жизни и практики.

Много лет я был учителем дзен. В дзен есть сильная традиция рассказывания историй. В действительности многие люди впервые узнают о дзен, прочитав дзенские коаны, живые истории китайских и японских мастеров дзен, которые говорили загадками и возмутительно себя вели. Дзен также известен своими практиками молчаливой медитации. Это не грубая, подавляющая тишина. Когда вы делаете молчаливые медитации, вы не останавливаете возникающие истории, не мешаете солнцу светить, а птицам петь. Вы наоборот, свидетельствуете все, что приходит.

И я также знаю, что есть тишина, которая не помогает, а ранит. Важно рассказывать свою историю, рассказывать, где болит. В ордене мы называем это разговорной медитацией.

В Аушвице некоторые люди хотели только сидеть в тишине. У нас были и периоды тишины, а еще мы читали имена. Произнося имена, мы рассказывали истории жизней, которые вылетели в трубу. Мы перечитали тысячи имен, тысячи историй. В том месте было важно не оставаться в молчании, не содействовать забвению. Каждый раз, читая очередное имя, мы свидетельствовали, и давали жизнь иссохшимся костям.

Мое собственное духовное обучение выросло из монашеской модели. В дзенских монастырях окружение тщательно и скурпулезно контролируется таким образом, чтобы приводить монахов в состояние незнания и проживания единства жизни. Но я выбрал не жить в монастыре. Я вовлечен в деловую и социальную активность и заботу о мире. Поэтому для меня вопросом стало то, какие формы бизнеса, общественной активности и миротворчества могут помогать нам замечать единство общества и взаимозависимость жизни? Вся моя жизнь как наставника была посвящена созданию новых окружений и структур, новых бизнесов и общественных формаций, которые будут продвигать каждого из нас к реализации и актуализации пути просветления, который есть ни что иное, как миротворчество.

Одними сидячими медитациями мы этого можем и не достичь. Что же еще мы можем делать? Каковы же методы и средства? Это вызов, с которым я сталкиваюсь изо дня в день.

Рассказывать истории — один из способов это делать, ибо это свидетельствование. Без проговаривания боли исцеление не приходит.

Так что хоть сейчас и лето, я оглядываюсь на весенний день три месяца назад. Я сижу в гостинной с Джису и Джоан Галифакс. Это полдень за два месяца до посвящения Джоан, и она шьет свою рясу миротворца. Мы тихонько говорим, потому что мы немного устали, а Джоан, сидя на диване, пришивает кусочек за кусочком, отрез за отрезом. Солнечные лучики пляшут на ткани. Они все прекрасны. Даже после того как они окунулись в темную краску, они выходят фиолетовыми, пурпурными, ржавыми, синими и темно-зелеными. Даже после смерти, жизни людей прекрасны. Пока она сшивает лоскутки, она произносит имена.

Этот лоскуток от Нины Крэндалл Линтон, умершей от проблем с сердцем.
Розовое платье от Марго Маккарти, пережившей рак груди.
Это мой халат, который сделали Джон Рассел и Кенни Лихтман, умершие от СПИДа.
Кен Баллард, переживший рак яичек.
Эунис Галифакс, погибшая от кровоизлияния во время операции.
Джулия Риндлер Кауфман.
Патрисия Лэйк.
Роберт Самсон.

Джоан будет носить их истории на своем теле. Ее накидка не черная или пепельно-серая, она впечатляюще цветная.

Билл Исаак.
Кэтлин О'Рурк.
Лана Леа Ласки-Бизли.
Арт Лофтон.

Я надеюсь, что работа Ордена Миротворцев будет известна не за то, что творится в Деревнях Миротворцев, а по тому, как мы проникаем в неизвестное, отпускаем все, что знаем, и свидетельствуем боль и радость в себе и в Мироздании. По рассказыванию наших историй, снова и снова.

Позвольте мне подвести итог еще одной, последней историей.

Мы с Джису отправились навестить Флита Молла в 1996 году, сразу после нового года. Мы прилетели в Калифорнию из нашего дома в Йонкерс, а потом поехали из Лос-Анджелеса в Спрингфилд, штат Миссури. Как только мы увидели Флита, мы поняли, что что-то случилось. Флит поведал нам, что он вышел из карцера. Вот как это было:

После двух с половиной лет в больших переполненных общих камерах и жизни с другими заключенными в камерах разного размера, Флит наконец получил одну из двух одиночных камер. Это была очень ценная привилегия, потому что это позволило ему работать и практиковать в тишине и уединении, вместо того чтобы справляться с бесконечным шумом общей камеры, где люди без конца играли в карты и домино и шутили. Эта отдельная камера позволила Флиту проводить ежегодный девятидневный одиночный ретрит во время выделенного отпуска. Он делал это восемь лет, непростая задача. В тюремной жизни много правил, и за

малейшее нарушение он мог потерять свое уединение, которое было так важно для его работы.

Одно из этих правил было в том, что пять раз в день охранники проводили поверку, когда они пересчитывали всех заключенных, чтобы убедиться, что никто не исчез. Каждый заключенный должен был в это время стоять у решетки. За неделю до нашего прибытия Флит как-то раз пошел в душевую, чтобы почистить зубы. Когда он вернулся в камеру, он обнаружил, что пропустил поверку. Его немедленно заковали в наручники и отправили в карцер.

Отправиться в карцер означало многое. Это отчет об инциденте, или отметка в личном деле. Это обыск личных вещей в камере. Почти наверняка это означало потерю всех привилегий, включая камеру на одного, и снова на верхнюю шконку камеры на 26 человек. А хуже всего было то, что последние шесть месяцев Флит усердно работал, чтобы составить прошение о помиловании президенту Клинтону, с просьбой о смягчении приговора, и теперь он беспокоился, что подвел сотни людей, которые писали письма и содействовали в поддержку его прошения. И если раньше в соответствующих отчетах было бы отмечено, что за ним не числится нарушений, то теперь там будет отчет о его нарушении, и о том, что его отправили в карцер.

Некоторые охранники симпатизировали ему, уверяя Флита, что они бы никогда так с ним не поступили, зная о его безупречном поведении в течение многих лет. Но один из охранников так поступил, и этого было достаточно.

В карцере Флит пробыл три дня. В первую ночь он не спал. Он конкретно погрузился в драму того, что произошло, и несправедливость всего этого. Позже, после практики медитации, большая часть боли растворилась, и он стал размышлять о том, что произошло, с большей ясностью и хладнокровием.

На третий день пришел начальник и сообщил, что он не только выходит из карцера, но и отметка о нарушении будет вычеркнута. Многие сотрудники звонили в исправительный совет, пытаясь вытащить его. Флит не поверил. Он был уверен, что по меньшей мере он потеряет свою одиночку. Но когда его выпустили, он обнаружил, что нарушение действительно было вычеркнуто из его дела, камера все еще была его, а прошение о помиловании продвигалось.

Тем не менее, это далось непросто. Один момент невнимательности, одно мгновение небрежности, и вот что случилось. Какой-то другой охранник мог и не поднимать столько шума из-за этого, но один поднял.

Жизнь — штука неустойчивая. Небольшое отвлечение, крошечная оплошность, и все завертелось. Внезапно земля уходит из-под ног, мы теряем свои привилегии, дома, а иногда и жизни. Из-за необдуманного слова, невнимательного взгляда, из-за того что кто-то пришел на работу в плохом настроении.

Что же мы делаем? Делаем лучшее из того, что можем. Я могу умереть в каждое следующее мгновение, и следующее за ним, и последующее, поэтому я делаю лучшее, из того что могу прямо в этот миг. Сказать, что все меняется, значит сказать, что все умирает в это самое мгновение. Поэтому мы должны делать

лучшее из того, что можем, в каждый момент, как будто это наше последнее мгновение — потому что так и есть.

Приложение

Обеты миротворца на день осмысления

Вот обеты миротворца, которые перечитывают члены ордена миротворцев в день осмысления, который приходится на четвертую субботу каждого месяца.

С утра в день осмысления мы проговариваем следующее:

Я, _____, теперь произношу слова покаяния. За всю злую карму, созданную мной за все времена, из-за моей вечной жадности, гнева и тупости, рожденную из моего тела, слов и разума, сейчас я каюсь.

Теперь, осознавая чистоту моего тела, речи и разума, я обещаю себе наблюдать этот день осмысления со следующими практиками:

Я, _____, в этот день беру прибежище в Будде, пробужденной природе всех существ; в Дхарме, океане мудрости и сострадания; и в Сангхе, сообществе живущих в гармонии со всеми Буддами и Дхармами.

Я, _____, в этот день вверяю себя незнанию, источнику всех манифестаций, и вижу все происходящее как обучению незнанию; я также обещаю свидетельствовать, позволяя себе быть затронутым и радостями, и болью Вселенной; я приглашаю всех голодных духов в мандалу моего бытия и посвящаю мою энергию и любовь исцелению себя, Земли, человечества, и всех существ.

1. Подобно миротворцам всех пространств и времен, соблюдавшим принцип не убивать; не жить разрушительной жизнью и не принуждать других жить такой жизнью, я, _____, обязуюсь с благодарностью, в течение этого дня признавать, что я неразделим со всем сущим. Я буду жить в гармонии со всей жизнью и средой, которая ее поддерживает.
2. Как миротворцы всех пространств и времен, соблюдавшие принцип не красть, я, _____, обязуюсь с удовлетворением в течение этого дня довольствоваться тем, что я имею, и я буду свободно давать, просить и принимать то, что нужно.
3. Подобно миротворцам всех времен и пространств, которые соблюдали принцип праведности, я, _____, буду с любовью, в течение дня относиться ко всем существам с уважением и достоинством. Я буду давать и принимать любовь и дружбу без цепляний.
4. Как миротворцы всех пространств во все времена, соблюдали принцип не лгать, говоря правду и никого не обманывая, так и я, _____, в течение дня буду слушать и говорить из сердца. Я буду видеть и действовать сообразно тому, как оно есть.
5. Подобно миротворцам всех пространств и времен, соблюдавшим принцип не поддаваться заблуждениям и не принуждать к этому других, я, _____, буду с осознанностью в течение одного дня буду культивировать сознание ясного видения. Я буду проживать весь опыт напрямую.
6. Подобно миротворцам всех пространств и времен, соблюдавшим принцип не говорить о чужих ошибках и провалах, буду и я,_____, с добротой, в

течение дня безусловно принимать то, что предлагает каждый момент. Я признаю ответственность за все, что происходит в моей жизни.

7. Подобно миротворцам всех времен и пространств, которые соблюдали принцип не возвышать себя, унижая других, я,_____, смиренно буду в течение дня говорить то, что считаю правдой без стыда и вины. Я буду стараться как могу, и приму все результаты.
8. Как миротворцы всех пространств и времен, соблюдавшие принцип не быть скупым, буду и я, _____, со всей щедростью, в течение дня использовать все ингредиенты своей жизни. Я не буду потворствовать сознанию бедности в себе и других.
9. Как миротворцы всех пространств и времен, соблюдавшие принцип не быть гневливым, не питать обиды, ярость или мести, буду и я, _____, с решимостью в течение дня трансформировать страдание в мудрость. Я буду оборачивать весь негативный опыт в свою практику.
10. Подобно миротворцам всех пространств и времен, соблюдавшим принцип не принижать значимости трех драгоценностей, буду и я, с сопричастностью, в течение одного дня, ценить свою жизнь как инструмент миротворчества. Я буду видеть себя и других проявлениями Единства, Разнообразия и Гармонии.
11. Я, _____, посвящаю себя этой практике миротворца в течение одного дня. Пусть заслуги этой практики распространятся на всех, кто посвящает свои жизни практике мира, и на всех, кто страдает от угнетения моей собственной жадностью, гневом и безразличием. Я желаю трансформировать тревожащие меня страсти, осознать и обрести просветленный путь через практику незнания, свидетельствования и исцеления.

Об авторе

Берни Глассман — настоятель Сообщества Дзен Нью-Йорка, Центра Дзен Лос-Анджелеса, и Дзен Маунтин Центра в Идиллвилд, Калифорния. Вместе со своей ныне покойной женой, Джису Холмс, он основал Орден Дзен-миротворцев, международный орден общественных активистов, способствующих миру, который основан на Трех Принципах: проникать в неизвестное, свидетельствовать радость и страдание, и исцелять себя и других.

Роши[70] Глассман также основал Greyston Mandala, сеть коммерческих и некоммерческих организаций, которые занимаются общественно полезной работой в юго-западном Йонкерс, Нью-Йорк. В прошлом он инженер аэрокосмической отрасли, работавший над проектами отправки человека на Марс в McDonnel-Douglas, в 1970-х годах. Он имеет степень Ph.D по прикладной математике Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе. Обучался дзен-буддизму у Роши Тайзана Маезуми Роши в Лос-Анджелесе.

Если после прочтения этой книги вы захотите узнать больше об ордене дзен-миротворцев и Деревнях Миротворцев, вы можете связаться с орденом по адресу: P. O. Box 5391, Santa Barbara, CA93150 или по электронной почте:

info@zenpeacemakers.org

Также вы можете посетить сайт https://zenpeacemakers.org[71]

От переводчика

Будем рады вам в нашем учебном центре https://trancemasters.ru.

Добро пожаловать!

[70] Или *роси*, титул в дзен — великий учитель, на западе также “просветленный учитель дзен”

[71] Домены, указанные в оригинале, не работают. Здесь я указал актуальные.